

НОМОТНЕТІКА:
Философия. Социология. Право.
2025. Том 50, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук
(НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Чуева И.А., кандидат юридических наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор
(г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор
(Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
(г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Кукулин И.Н., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Литич Т.И., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук
(НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
(г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
(г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор
экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН
(г. Москва, Россия)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
(г. Воронеж, Россия)

Таболкин В.В., доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Тощенко Ж.Т., доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Турапин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор
философских наук, профессор, член СП России
(г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитур Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 20,0. Дата выхода 30.09.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 497 Колесников С.А. Горизонты подлинности теологического мышления: случай Карла Барта

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 509 Немеров Е.Н. Обсуждение проблем биоэтического дискурса медицинским сообществом в первые годы Советской власти

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 523 Захаров В.М., Захарова И.В. Реновация системы подготовки государственных гражданских служащих (на примере опыта Белгородской области)
536 Кильдеев М.В. Региональная специфика мусульманской религиозности в Среднем Поволжье по данным советской социологии религии
548 Краснова Е.А., Сагирян И.Г. Причины и последствия коррупционного поведения студентов с точки зрения самих студентов

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 565 Горбунов М.Д. Монизм и редукционизм в правовом позитивизме
574 Дурнева Н.С. Государственный контроль за деятельностью последователей католицизма и лютеранства в Российской империи начала XX века
582 Римский А.В., Дизер О.А., Абдулманова И.В. Нормативно-правовые аспекты и доктринальные подходы к пониманию феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 593 Задорожная Е.В. Конституционные ценности и уровень правосознания граждан как факторы предотвращения внутригосударственных кризисов
602 Миц Д.С. Антитеррористическое обеспечение национальных интересов Российской Федерации как функция государства: контуры, фронтиры, синхронизация

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 614 Рудавина Т.А., Липич Т.И. Семья в условиях глобализации: православная аксиология и антропология как основа семейного воспитания
625 Назарова Ю.В. Перспективы этической кодификации в сфере высшего образования в условиях цифровизации

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 633 Попов А.А., Липич В.В. Идея богоподобия человека в контексте антропологической проблематики человеческой души

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 641 Егоров Н.С. Автор в узоре метафорических связей
647 Пигулевский В.О., Мирская Л.А. Экстаз комоса: нонсенс, парадокс, абсурд

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 657 Аникеев Д.В., Енина С.А., Сыровацкий Е.Ю. Цифровой досуг в структуре образа жизни современной молодежи

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

- 662 Римский В.П. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2016 год

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 679 Чэ Чжиянь, Се Хао. Сила музыки против смерти. Рецензия на книгу: М. Долар и С. Жижек. Вторая смерть оперы. Петропавловск : Запасной аэродром, 2024. 372 с.

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2025. Volume 50, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)
Nifontova, O.I., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)
Chueva, I.A., Candidate of Law Sciences
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)
Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)

Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)
Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)
Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)
Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)
Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)
Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)
Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)
Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year
Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. 20.0 publishing sheets. Date of publishing 30.09.2025. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 497 **Kolesnikov S.A.** Horizons of the Authenticity of Theological Thinking: The Case of Karl Barth

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 509 **Nemerov E.N.** Discussion of the Problems of Bioethical Discourse by the Medical Community in the Early Years of Soviet Power

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 523 **Zakharov V.M., Zakharova I.V.** Renovation of the System of Civil Servant Training (Based on the Experience of the Belgorod Region)
536 **Kildeyev M.V.** Regional Specificity of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region According to the Soviet Sociology of Religion
548 **Krasnova E.A., Sagiryan I.G.** Causes and Consequences of Corrupt Behavior of Students from the Students' Point of View

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 565 **Gorbinov M.D.** Monism and Reductionism in Legal Positivism
574 **Durneva N.S.** State Control over the Activities of Followers of Catholicism and Lutheranism in the Russian Empire in the Early 20th Century
582 **Rimsky A.V., Dizer O.A., Abdulmanova I.V.** Normative and Legal Aspects and Doctrinal Approaches to Understanding the Phenomena of Hatred, Hostility, and Humiliation of Dignity

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 593 **Zadorozhnaya E.V.** Constitutional Values and the Level of Citizens' Legal Awareness as Factors in Preventing Domestic Crises
602 **Mits D.S.** Anti-Terrorist Support of National Interests of the Russian Federation as a Function of the State: Contours, Frontiers, Synchronization

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 614 **Rudavina T.A., Lipich T.I.** Family in Globalization: Orthodox Axiology and Anthropology as a Basis for Family Education
625 **Nazarova Y.V.** Prospects for Ethical Codification in the Sphere of Higher Education in the Context of Digitalization

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 633 **Popov A.A., Lipich V.V.** The Idea of Human God-likeness in the Context of the Anthropological Problems of the Human Soul

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 641 **Egorov N.S.** The Author in a Pattern of Metaphorical Connections
647 **Pigulevskiy V.O., Mirskaya L.A.** The Ecstasy of Komos: Nonsense, Paradox, Absurdity

THESES

- 657 **Anikeev D.V., Enina S.A., Syrovatsky E.Yu.** Digital Leisure in the Lifestyle of Today's Young People

ARCHIVAL PUBLICATIONS, TRANSLATIONS, AND ESSAYS

- 662 **Rimskiy V.P.** Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The Year 2016

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 679 **Zhian C., Hao X.** The Power of Music against Death: Review of the Book by M. Dolar and S. Žižek "Opera's Second Death". Petropavlovsk : Zapasnoi aehrodrom, 2024. 372 p.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 261.5

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508

EDN BWVHCS

Горизонты подлинности теологического мышления: случай Карла Барта

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью)
Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии
Русской Православной Церкви Московского Патриархата
Россия, 308009, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Для современной теологии ключевое значение обретает обнаружение и «картографирование» границ теологического познания, тех определяющих концептов, которые выступают фундаментом теологического призвания познавать мир. Гносеологической спецификой современной теологией выступает определение контуров подлинной и неподлинной теологии, параметров, позволяющих выявить результативность теологического поиска. Очевидность подобной формулировки, однако, не приводила к появлению развернутых системных исследований по данному вопросу, в настоящее время поле вопрошания о подлинности теологии остается практически незанятым. Целью данного исследования является выявление параметров подлинности теологического исследования на примере теологического метода и теологической системы Карла Барта. В результате исследования были выявлены следующие параметры искажения теологического метода: теологическая нерешительность, излишняя опора на «человеческий» понятийный аппарат, чрезмерное контролирование теологического поиска. К параметрам подлинной теологии можно отнести принятие высокой меры ответственности за получаемый теологический результат, право теолога на гносеологическое молчание, принятие ситуации «убегающей» теологии, в которой теолог отказывается от радикального фундаментализма; формирование особого познавательного теологического пространства, отличающегося гносеологической мобильностью и гибкостью. Полученные результаты вносят вклад в развитие концептуального понимания результативности теологического метода, позволяют выстраивать перспективы подготовки теологов в направлении максимально эффективного познавательного результата.

Ключевые слова: К. Барт, подлинность теологии, теологический метод, теология и современность, теология и познание

Для цитирования: Колесников С.А. 2025. Горизонты подлинности теологического мышления: случай Карла Барта. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 497–508. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508. EDN: BWVHCS

Horizons of the Authenticity of Theological Thinking: The Case of Karl Barth

Sergey A. Kolesnikov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus),
Orthodox Christian religious organisation of Belgorod and Stary Oskol Archdiocese
of the Russian Orthodox Christian Church of Moscow Patriarchate
75 Belgorodsky Ave., Belgorod 308009, Russian Federation
skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. For modern theology, it is of key importance to discover and "map" the boundaries of theological knowledge, those defining concepts that serve as the foundation of the theological vocation to explore the world. The epistemological specificity of modern theology is the definition of the contours of authentic and non-authentic theology, the parameters that make it possible to identify the effectiveness of the theological search. Though evident, the need for such definition has not led to extensive systematic research into this issue, and currently the field of questioning the authenticity of theology remains virtually unoccupied and unexplored. The purpose of this study is to identify the parameters of the authenticity of theological research using the example of the theological method and the theological system developed by the authoritative theologian Karl Barth. The methods of comparison, analysis, deduction, induction, and the axiomatic method are used as methodological tools in the article. The study revealed the following parameters of the distortion of the theological method: theological indecision, excessive reliance on the "human" conceptual apparatus, and excessive control of the theological search. The parameters of genuine theology include the assumption of a high degree of responsibility for the resulting theological result, the theologian's right to epistemological silence, the acceptance of a situation of "runaway" theology in which the theologian rejects radical fundamentalism, and the formation of a special cognitive theological space characterized by epistemological mobility and flexibility. The results obtained contribute to the development of a conceptual understanding of the theological method effectiveness and allow us to build prospects for training theologians with a view to achieving the most effective cognitive result.

Keywords: K. Barth, authenticity of theology, theological method, theology and modernity, theology and cognition

For citation: Kolesnikov S.A. 2025. Horizons of the Authenticity of Theological Thinking: The Case of Karl Barth. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 497–508 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-497-508. EDN: BWVHCS

В современном теологическом знании ключевое значение обретает обнаружение и «картографирование» границ теологического познания, тех определяющих концептов, которые выступают фундаментом теологического призвания познавать мир. Особая ситуация складывается с теологическим наследием известного теолога Карла Барта, где концептуально представлены контуры подлинного теологического миропознания. Из контекста рассуждений К. Барта о призвании теологии к «добровестности» можно выделить параметрические характеристики того, что является внетеологическим и даже антитеологическим [Колесников, 2024].

К списку нетеологического в первую очередь К. Барт относит теологическую нерешительность: «...может случиться так, что человек прячется именно от самого Евангелия там, где он хотел бы совершенно и окончательно защитить себя от смелости Павла!» [Барт, 2010, с. 180]. Теология, малодушно отказывающаяся от сакрального призыва к исполнению христианских заповедей, не может считаться подлинной теологией.

Нетеологическими являются, согласно Барту, и попытки придать теологии «слишком человеческий» регистр. Добрая весть, приносимая теологией, восходит прежде всего к Божественному, а не к человеческому. Вектор развития теологии, стремящейся усилить человеческие «позиции» в богословии, неприемлем для Барта. «Католичество для Барта, — отмечает В. Н. Васечко, — является высшим выражением человеческого дерзновения самостоятельно толковать Откровение Бога... Именно в католической средневековой мистике Барт видел истоки того замещения Откровения Бога религиозным опытом человека, которое затем разовьется в гуманизме Ренессанса, зависимости бытия Божия от человеческого разума... и продолжится в пиетизме и рационализме вплоть до расцвета в либеральном протестантизме XIX в.» [Православная энциклопедия, URL]. Чрезмерная «очеловеченность» теологии мешает выполнить основные задачи богословия по Бого-славию: все, что не позволяет, не дает славить Бога — контртеологично. Богославие есть процесс, не ограниченный человеческим опытом, рамками экзистенции, это не победа в теологических дискуссиях или фиксации неких теологуменов. Теология — это скорее процесс Божьего прославления, а не дискретный результат, фиксированный в теологических текстах. Подобный подход Барта позволяет переосмыслить специфику и задачу теологических дискуссий (в частности, специфику защит диссертаций на теологическую тематику): в теологических спорах, выстроенных по законам «человеческого» знания, можно проиграть, но это не означает, что проигравший теологически не прав. Правота в теологии иная: если занятия теологией дают радость и повод для благодарения Бога, если привнесена «добрая весть» — это подлинная теология. Теология, считал К. Барт, не приносит эпистемологическую пользу или научно-результатирующую рентабельность. Подлинная теология приносит спасение, а спасение начинается с Богославия.

Поэтому «в историко-критическом методе Барт видел опасную негибкость, стремление "овладеть" текстом Библии и, следовательно, поставить Слово Божье под свой контроль» [Барт, 2005, с. XXII]. Когда П. Тиллих противопоставлял Божественную Откровение и человеческую идею («неправильно будет, если мы дадим Откровению испариться в Идею» [Тиллих, 1925, с. 152]), то здесь он, в унисон с Бартом, предупреждает об опасности теологии закоснеть в идейности как рационалистическом симулякре Откровения, в том, что К. Барт определял как *διάλογισμοί*, «мудрования», «сомнения», «замысловатые рассуждения». Здесь и проходит граница между теологическим и не-теологическим, и подлинная теология начинает выполнять задачу маркировки искушения подмены человеческим Божественного. Теолог получает статус стража, ответственного наблюдателя (см. у Тиллиха: «теологический акт не есть акт веры, а наблюдение за этим актом» [Тиллих, 1925, с. 152]), тем самым присутствуя при фронтире между теологическим и не-теологическим. Координаты теологического места, привязка к теологической «топографии» определяют контуры теологического и не-теологического пространств, и для Барта этот рубеж (понимая рубеж как «самостоятельное бытие (универсум), в котором происходит встреча самостоятельных... экзистенций» [Летина, 2012, с. 234]) очевиден.

Ответственность теолога как наблюдателя на этом рубеже — как любая серьезная ответственность — сопряжена с определенной опасностью, что также может рассматриваться в качестве маркера, разделяющего теологическое и не-теологическое. Безопасная, толерантно-выхолащенная теология для Барта не является теологией. Высокий уровень теологической ответственности предполагает принятие и ответственности за возможные далеко не безопасные последствия теологической мысли. Барт даже подчеркивает в предисловии ко второму изданию «Послания к Римлянам» потенциальную включенность опасности в подлинное богословие: «К. Мюллер-Эрланген (K. Muller-Erlangen) правильно отметил, что эта книга может фатально действовать на незрелые души. Тот, кто желает упрекнуть меня в этом, пусть примет в расчет, что из-за

опасности христианства его светильник постоянно помещали под спудом. Может быть, прав Шпренгель (Sprengel), говоря, что мы вступаем в “железный век”, и тогда необходимо не дать богословию и богословам почувствовать это?» [Барт, 2005, с. XI]. Призвание подлинной теологии – напоминать о возможности «железного века», о неизбывной опасности, грозящей духовности, и при этом сама теология не может не быть в определенной степени опасной («Блюдайте, како опасно ходите» (Еф.5:15)), предназначена придавать теологической экзистенции напряженность риска.

Потому в адрес Барта возникает целый ряд богословских обвинений, что и определяет степень опасности его теологии: то якобы Барт «принимает сторону супралапсариев» [Матаков, URL], то богословие Барта якобы сводится к «криптоне-сторианству» (А. Гарнак). Список обвинений можно продолжать долго. Но именно атмосфера опасности, богословского вызова, считал Барт, формирует подлинную теологию. Позиция-место теолога (своеобразный теологический редут) предстает как «борьба на два фронта» [Кюнг, 2000, с. 319]: с внутренними, эндотеологическими, вопросами каноничности, догматики, в целом богословской легитимности и внешними, экзотеологическими, темами, находящимися за пределами подлинно теологического бытия. Если эндотеологическая проблематика может нести в себе антиномичность в той же проблеме познаваемости/непознаваемости Откровения, то антитеологический универсум никаким образом не должен входить в пространство теологии.

Теология, не ощущающая себя вовлеченной в противостояние теологического и не-теологического, теология «проклятого и» (Г. Кюнг) (о смыслах союза «и» есть глубокое замечание А. Н. Уайтхеда: «...короткое слово "и" есть целое гнездо неопределенности» [Уайтхед, 1990, с. 380], т. е. семантического союза, соединяющего теологическое и контртеологическое), лишенная интуитивного «иммунитета» к не-теологическому, не может, согласно Барту, считаться в принципе теологией...

Вместе с тем ситуация противостояния теологического/не-теологического выводит к непростому вопросу о возможности – или даже праве! – теолога на умолкание, к вопросу о пределе индивидуального теологического знания. То, что конкретный теолог считает подлинно теологическим, имеет свою завершенность, свою исчерпанность. И здесь наступает болезненный этап выхода теолога из теологического пространства, по крайней мере, отекстованного пространства. Проблема выхода из теологии, проблема неоконченности теологических построений, актуальна для теологической экзистенции Карла Барта. Показательным является отсутствующий финал главного богословского трактата Барта – «Церковной догматики». Данный «тринадцатитомный труд остался неоконченной симфонией, подобно "Сумме" Фомы Аквинского, который, как мы знаем, тоже внезапно прекратил работу над *opus magnum* своей жизни за несколько месяцев до кончины» [Кюнг, 2000, с. 331]. Сопоставление имен Аквината и Барта показательно: процесс исхода из теологии есть процесс закономерный для теолога, процесс, являющийся испытанием на подлинность теологии. Настоящее богословие способно к умолканию в некой точке понимания своей исполненности – и шире! – в своей принципиальной незавершенности, открытости, неспособной быть окончательно выраженной, вычерпано-переданной в тексте.

Роль подлинной теологии – в непрекращающейся импульсации, но не в категоричной завершенности, «Карл Барт на самом деле был инициатором парадигмы, но *не тем теологом, который привел ее к завершению*» [Кюнг, 2000, с. 331]. Категоричная завершенность не является признаком подлинной теологии, ей свойственна открытость, может, даже оборванность на некоем взлете, и принятие такой ситуации также входит в спектр параметров подлинной теологичности. Контртеологичность не способна к ситуации посттеологического, к возможности продолжения, прораствания, подхватывания мысли в ее кажущемся излете-умолкании.

Здесь верным представляется тезис А. Казим-Бека о надежде как главном результате настоящего теологического наследия: «Можно было надеяться, что вот он завершит свой монументальный труд и в заключительной части своей “Догматики” изложит обещанную и главную часть – об эсхатологии, и на этой именно основе завяжется плодотворный обмен о днях последних, о парусии, о новом небе и новой земле. Всю жизнь трудился Карл Барт над своим свидетельством о Боге Слове. Его “христологическая концентрация” постоянно держала его сознание в напряженной обращенности к Альфе и Омеге, к Первому и Последнему. Православие – Церковь Христа Воскресшего – не могло не привлечь более пристальное внимание Карла Барта, дошедшего до понимания, что последние недели земной жизни Христа Спасителя после Воскресения составляют самый важный этап этой земной жизни. Для православных же особенно важно то, что – если суммировать богословское свидетельство Барта – он был и ушел из мира богословом самораскрытия Бога во Христе» [Казем-Бек, 1972, с. 53]. Барт своим уходом из теологического пространства оставляет не столько заверченный проект, сколько надежду на дальнейшее «самораскрытие» теологической истины для последующих поколений теологов. Урок Барта и в том, что теолог должен быть готов к недоговоренности, к недослушанности – и возможно, к недопониманию – но даже в умолкании подлинная теология несет надежду, что не способен дать контртеологический контент.

На фоне проблематики теологического исхода особым смыслом наполняются слова – или призыв! – Барта в Толковании Посланий: «Мы знаем, что у нас есть повод умолкнуть перед Богом... Речь идет об осознании нашего знания, а не о его постоянном расширении и распространении!» [Барт, 2010, с. 292]. Сакраментальное «мы» Барта становится учительным обращением к теологам, стремящимся сохранить свое присутствие в пространстве подлинной теологической экзистенции, старающейся определить порог, за которым начинается не-теологическое и антитеологическое, и прилагающей максимальные духовно-интеллектуальные усилия не переступить этот испытующий фронт.

Параметрия не-теологии в понимании Барта, таким образом, включает целый ряд взаимообусловленных категорий: непонимание и неприятие ситуации потенциальной оставленности, самой возможности оказаться в пространстве не-теологического и тем самым принципиальное отрицание существования не-теологического; теологический либерализм, смешение недопустимого в контуре подлинно теологического; отказ в признании особой автономности теологии, непереносимость теологического «одиночества»; контрапокалиптика теологии и, как следствие, пустотная бытийность не-теологических построений; *dis-ángelos*, зловестие теологии; чрезмерная очеловеченность богословских построений, забывающая о трансцендентальных истоках теологии; утрата ответственности, чувства опасности и дисциплины дозорности теолога как наблюдателя-стража на фронте теологического и не-теологического; лишение теологии права на незавершенность конкретного богословского проекта, претензия на окончательность и безапелляционность выводов, отсутствие видения ситуации умолкания теологической речи. Весь этот блок, характеризующий не-теологическое как область, противостоящую подлинному богословию, может рассматриваться в качестве особого направления в богословской системе взглядов К. Барта, четко определяющего актуальность проблематики противопоставленности теологической и контртеологической форм экзистенции.

После выяснения «негативно-апофатического» спектра параметров того, чем, по мнению К. Барта, теология не является, оправданным продолжением должно стать рассмотрение его «позитивных» взглядов на теологию, тех позиции, которые определяют формат подлинного богословия.

Но в случае с Бартом закономерно возникают существенные сложности системно-параметрического характера. Ведь в целом теологическое наследие Барта представляет

собой такой динамичный и грандиозный проект, что любая попытка вычленивть некие отдельные составляющие «идеальной теологии» в принципе будут неполными. Уже П. Тиллих фиксировал колоссальность и даже квазитеологичность наследия Барта: «Движение Барта принадлежит к великим событиям в истории протестантской теологии: да, в некотором смысле, оно по значению своему даже уходит за пределы теологии, – и это наиболее сильный элемент в нем» [Тиллих, 1925, с. 154]. Теологическая «система» Барта отличается открытостью, движением, отсутствием остановки, а следовательно, неподвластностью блокирующим категоризации и систематизации.

Конечно, попыток классифицировать богословие Барта возникало немало. Одна из наиболее интересных – систематизация Дж. Хансингера в монографии с дидактико-пропедевтическим названием «Как читать Карла Барта...» (1991). Хансингер стремится выделить «повторяющиеся мотивы» теологии Барта – их насчитывается шесть – и выстроить из этих принципов целостную систему теологических взглядов К. Барта. «Актуализм» как «мотив, определяющий сложную концепцию бытия и времени», как актуализация чуда, «которое постоянно обрушивается на человеческое существо и которое нужно искать всегда заново» (здесь и далее перевод наш. – С. К.) [Hunsinger, 1991, p. 4]; «партикуляризм», фиксирующий уникальность «события под названием Иисус Христос» и выводящий все теологические положения исключительно из этого События; «объективизм» – «мотив, относящийся к пониманию Откровения и спасения», которые открываются через объекты тварного мира и являются «объективными, действительными и эффективными вне зависимости от того, признаются или принимаются они существом» [Hunsinger, 1991, p. 5]; «персонализм» представлен как Божественная самоманифестация, selfmanifestation, проявление себя Богом в «виде личного обращения», «общение в формате «Я – Ты»; «реализм», трактуемый Бартом как «концепция богословского языка», который «радикально отличается от экстралингвистического объекта, каким является Бог, но по благодати этот язык призван к превосходению себя», обеспечивает «способы обращения, определенности и повествования, явленных в Писании, а также формирует язык Церкви» [Hunsinger, 1991, p. 5]; и, наконец, «рационализм» как мотив, относящийся к «построению и оценке доктрины» Барта, мотив, на основании которого, «учитывая специфический характер Объекта, предпринимаются попытки исключить некоторые незаконные критерии и процедуры в ходе доктринального построения и оценок». В рамках «рационализма» Барта докторинальные положения «могут быть выведены за пределы поверхностного содержания Писания и «рационализированы» как более глубокий и единый в своем основании концептуальный метод понимания Писания» [Hunsinger, 1991, p. 5], – все эти позиции определяют взгляд Г. Хансингера на теологию Барта.

Но при всем глубоком и своеобразном анализе, проделанном Г. Хансингером, полнота теологической концепции Барта не исчерпывается, скорее даже убегает – ведь есть совсем иное видение этой концепции у П. Тиллиха («Диалектическая теология»), А. Казим-Бека («Христианский путь Карла Барта»), у Р. Дженсона («Бог после Бога...» [Jenson, 1969]), Ву Куо-Эна («Концепция истории в теологии Карла Барта»).

Сам Барт, очевидно, предчувствуя попытки «систематизировать» его «движущую-убегающую» теологию настаивал на множественности теологических подходов: «Теология – это одна из тех, обычно именуемых "науками" человеческих попыток воспринять некий предмет или предметную область как феномен, причем тем способом, который они задают сами, понять их смысл, описать их во всем многообразии их существования. Слово "теология", как кажется, означает, что в ней как особой (совершенно особой!) науке речь идет о восприятии, понимании и описании "Бога". Но под словом "Бог" можно подразумевать многое. Поэтому и существует множество теологий» [Барт, 2006, с. 8]. Данная органическая «подвижность» теологических построений есть главная сложность при концептуализации теологической доктрины Карла

Барта, как, впрочем, и любой иной оригинальной богословской системы. Именно с этой сложностью связаны и трудности становления современной российской теологии, находящейся на стадии перманентного забегания и даже «разброда и шатаний»; теолого-организационный опыт Барта в упорядочении теологической динамики здесь может быть весьма полезен...

В. Джонсон, характеризуя богословский проект Барта, выделяет его *nonfoundationalist*, внефундаменталистический характер: «Перед нами стоит задача рассмотреть, как в построениях Барта уникальность Бога привела к уникальному богословскому бренду внефундаменталистского мышления. Одно из следствий *nonfoundationalism*-а Барта заключается в том, что богословие не должно быть ни одномерным, ни двумерным, но многомерным. Только при таком подходе не возникнет желание принизить Бога до плоскостной реальности...» [Johnson, 1997, p. 4]. Исходя из внефундаментализма Барта, представляется методологически оправданным не предпринимать попыток дать глобальный анализ всей его теологической концепции, – это малопродуктивно и чаще всего спорно, а остановиться на отдельном локусе и вместе с этим фрагментом продвигаться в потоке движущейся теологии Барта, создать некий плацдарм понимания, изнутри которого и станет более понимаемой вся концепция. Все вышеобозначенные категории теологического, как и не-теологического, должны рассматриваться в качестве некоего фона, позволяющего выделить определенный локус, выступающего точкой отсчета, старта движения теологического потока.

Оправданность применения термина «локус» обоснована динамическим характером теологической доктрины Барта. Это именно эмпативный локус подлинно теологического, своеобразная аттрактивная локация, координаты которой определены границей, разделяющей теологическое и не-теологическое, «свое» и «враждебное». Знаковой для понимания системы координат теологического локуса является реакция К. Барта на понятие «враг»: «"Враг" – это тот, кто открывает мне глаза на то, что меня всегда тайно раздражает в ближнем... Он показывает мне, что зло просто идет своим чередом, без ограничения, без противоречия, без помех» [Барт, 2010, с. 456]. И важное уточнение: «...ты солидарен с поверженным Богом врагом, Его зло – это твоё зло» [Барт, 2010, с. 459]. Динамичная подвижность позиции Барта позволяет ему «примерить» лоскуты «враждебного», пропустить враждебное через пространство своей теологичности – неслучайно подчеркивание динамичного «прохождения» зла – и затем демаскировать в себе негативные зоны, не являющиеся подлинно теологическими.

В таком понимании динамики поверженности зла – в случае с теологом: зло «не-теологичности» – зло изживается изнутри, выдавливается из теологического пространства-локуса за его пределы. Логически выверенной поэтому становится рекомендация Барта, сформулированная в «Церковной догматике»: «Для церкви, для веры и вечного блаженства каждого верующего смертельно опасно не замечать, отрицать, стирать, нивелировать любую, хотя бы одну из этих данных в откровении инаковостей имманентности Божьей, превращая ее в нечто обобщенное, которое как таковое определено не может быть божественным» [Барт, 2007, с. 296]. Подлинная теология в своем движении, «протекании», способна вымыть из самой себя зло не-теологического, но для этого теологическое должно бытьдвигающимся, мобильным, развивающимся.

Подлинно теологическое должно владеть разными типами движения, но при этом вектор этого движения, соориентированный в пространстве теологического и направленный на выдавливание не-теологического, остается неизменным. Аналогом разных типов движения могут служить динамические теории Кеплера и Ньютона в интерпретации А. Уайтхэда: «Оба они размышляли по поводу сил, удерживающих планеты на их орбитах. Кеплер искал тангенциальные силы,двигающие планеты вперед, в то время как Ньютон искал радиальные силы, изменяющие направление движений планет» [Уайтхэд, 1990, с. 103]. Сущность движения – различна, но вектор движения

един. Похожая ситуация наблюдается и в сфере подлинно теологического, где движение от одного теологического «места»-концепции к другому может осуществляться разными типами движения, но координаты этих «мест» всегда остаются в границах вероучения.

К. Барта можно охарактеризовать как теолога пространственно-динамического типа, теолога сакрального топоса, стремящегося держать некое выверенное теологическое «место» и в то же время перемещающего это «место» в потоке теологического развития. Специфика его теологических построений манифестирована топологией духа, причем это не новаторство, а скорее продолжение традиции, возникшей еще в заключительной части Послания Римлянам апостола Павла: «...я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании, но, как написано: “не имевшие о Нём известия увидят, и не слышавшие узнают”. Сие-то много раз и препятствовало мне прийти к вам. Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание прийти к вам, как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда...» (Рим. 15: 21-24). В качестве ключевой темы, как представляется, здесь выступает тема места – подвижного, постоянно нового, но в то же время укорененного в традиции, обращенного места, непрерывным поиском которого и занимается подлинная теологичность в своем непрекращающемся движении.

Для теологической топологии Барта одной из важнейших становится проблема присутствия/неприсутствия в конкретном богословском топосе. В характеристиках теологии К. Барта, данных У. Лоу, тема присутствия/неприсутствия вообще оказывается центральной, и Барт выступает «как критик дуализма» [Lowe, 1998, р. 377], выстраивающий непреодолимую границу между Божественным присутствием и отсутствием. К. Барт же, создавая концепцию особой движущейся топосности теологии, отрицает подобную дуалистическую ограниченность.

В своей динамичной критике дуализма концепция Барта может рассматриваться как теологический эквивалент апории «Ахилес и черепаха», в которой проблемы движения, разделенности места, соответствия точки и момента в трактовках А. Бергсона, Н. Бурбаки, Д. Гильберта и многих других приобрели особое звучание. Показательно, что в западном «бартоведении» тезис о связи теологии Барта и физико-философских проблем четко выражен. Так, Т. Торренс подчеркивал: «Земное богословие имеет тесную связь с такими точными науками, как физика... Как и физика, богословие стремится определить свою деятельность пределами, установленными природой ее конкретного объекта, и разработать метод в соответствии с характером объекта ее изучения» [Torrance, 1962, р. 179]. «Богословие считается формой “научной деятельности” по причине безусловной связи со своим объектом и определяется “режимом рациональной деятельности”, строго предписанным природой объекта» [Torrance, 1962, р. 192]. «Физикализм» теологии Барта как раз и раскрывается в проблеме местонахождения: присутствие и отсутствие теолога, как и присутствие и отсутствие Божественного (по Торренсу, «объекта»), в своем теологическом «месте», перемещение этого места и общая траектория динамики теологического роста – все это является «теофизическими» компонентами сложной топологии духа К. Барта.

Знаковым в понимании специфики пространственности теологии Барта является его визуальная реконструкция и даже детальная сценография тех или иных движений в пространстве главных героев его комментирующих трактатов и прежде всего апостола Павла. Но это не театрализация или non-fiction, основанные на виртуальных, игровых, актерско-лицедейских предпосылках. Данный прием визуализации объекта теологического исследования, апостола Павла, позволяет сделать наглядными, доказательными теологические установки самого Барта. Когда Барт рассказывает-показывает, как апостол Павел подходит к окну [Барт, 2010, с. 37], поднимает палец [Барт, 2010, с. 225] и прочее, то он использует подход, который дает возможность сделать образ

Павла наглядным, візуальна-даказальным, прастранственна-рэалістычным. Вёсё разаме – дынаміка тэалягічных пастроень, аб’ёмная тэалягічная тэпалогія, крытыка дуалізма, «фізічная» аб’ектнась, візуалізацыя, прастранственная каардынацыя тэалягічнага месца – складаецца ў прынцыпальную структуру богасловскай доктрыны, якая, згодна К. Барта, павінна абадаваць дынамічным і аб’ёмным характарам.

В сувязі са складным разуменьнем дынамікі развіцця тэалягічнай канцэпцыі ў цэлым асложняецца і воспрыяццё пазіцыі самага К. Барта. Дж. Хансінггер дажэ гаворыць о многуюроўневым воспрыяцці трактатаў Барта, ў частнасці яго многотомнай «Церковнай догматыкі»: «Эту книгу можно читать как минимум на двух уровнях. На одном уровне она стремится помочь читателю развить набор навыков. Приобретая эти навыки, можно надеяться, что читатель окажется на более высоком уровне, который позволит понять аргументы в любом отрывке монументальной церковной догматики Карла Барта» [Hunsinger, 1991, р. VII]. Поступательность и последовательно раскрывающаяся мистерияльность – этими свойствами абадаваць канцэптуальнае пастроенне Барта, фарміруюццае ў працэсе дзвіжэння.

Сложность архитектуры тэалягічнага тэпаса Барта заставяляе гаворыць дажэ о своеабазавай «аэрадынаміцы» яго сістэмы. В апрадэляннях Г. Кюнга пав’яляецца дажэ тэрмін «поворот» (генетычна звязаны, ачывідна, с "Kehre" Хайдэггера): «У Барта... прайшоў... – *поворот к прошлому*: не толькі к раннепротэстантскай артодоксіі, но і (откуда, в конце концов, взялась мудрость этой ортодоксии?) к средневековой Схоластыке и древнецерковной патристике» [Кюнг, 2000, с. 339]. Хронотэпосны паворот Барта, звязуючы яго с раннехрысціянскай традыцыяй, пралетаючы скзв’язь апыт пратэстантызма і ў тое жэ врэмя пазваляючы аставацца на піке саврэменнага тэалягічнага знаяня, ёсць та самая інтэлектуальна-прастранственная аэрадынаміка, якая абаеспечывае спасобнась настаячага тэаляга к канцэптуальна-духавнай маневрэннасці пры сахраненні фундамэнтальнай устоічывасці ў верауачытельнай догматыцы.

Тэалягія Барта ў сваём кінетычным развіцці становіцца поіскам каардынат ў прастранстве асмыслення Божэственнага чалавекам, тэпалогічным ісследаваннем самага сакральнага прастранства. Барт как падлінны тэаляг ісцёт – і нахадіць! – сваё месца ў гэтым прастранстве. І месца гэта прадэапрадэляна для него, как і месца каждага настаячага тэаляга. Абанаружэнне сваёй прызваннасці к даннаму тэалягічнаму месцу ёсць паказатэль падліннасці тэалягічнага быцця. У Барта прысутствуе чёткае разуменьне тэрытарыяльнай скоардынаваннасці палажэння правільнага/праведнага тэаляга: «...чалавеческая праведность атакована на своей территории» [Барт, 2010, с. 47], – воскліцае он, фіксуіруа тэпалогіау праведнасці і тэалягічнасці, прыдаваа самай тэалягічнасці прастранственныя характарыстыкі. Пры гэтым хрысціянскае міравіденне пазваляе Барту ввесці ў параметрыау духавнай тэпалогіі катэгорыі асобой прастранственнасці, вклячаючыя аб’ёмна-фігуральныя прызнакі внаешняга/внутренняга, паверхнаснага/глубіннага, лакальнага/бэзграначнага. Говораа о тэалягічным быцці, Барт азначае: «Исходящий от Иисуса Христа свет, который прикоснулся к нему извне, затронул его не просто внешне, но через это прикосновение извне вошел внутрь его» [Барт, 2010, с. 62]. Подлинная тэалягія вазнікае ў канкрэтным месце, но само месца гэта духавна падвільна, падчінена аэрадынаміцы света, абаучаема спэцыфіцы прастранственнага перемещення духавнага света.

Благодаря светоносной «пространственно-взлетной» мавільнасці тэалягіі атракываюцца кантуры тэалягічнага маатэрыка, гарызонты «зэмлі тэалягічнай». С гэтага вазросшага, вазлетевшага ўроўня тэалягія Барта спасобна к поліхромнаму вэгляду на тэалягічную праблэматыку. «Возникает более высокий уровень, – пішэт Дж. Хансінггер, асчытываа альтымэтрыау тэалягіі Барта, – на котаром прайсходзіць

исследование текстов Барта, что позволяет сформулировать его представление об истине. Происходит предельное прояснение теологических мотивов, что определяет многомерный взгляд Барта на богословскую истину. Эта истина сразу чудесным образом актуализируется в формате текстуальной стабильности, объективной эффективности и экзистенциальной аутентичности, что приводит к обретению уникального в своем роде и находящегося посреди обычного» [Hunsinger, 1991, р. 8] теологического места. Взгляд с высоты теологического «полета» дает панораму подлинного теологического пространства, в котором теолог – как его понимает Барт – находит свою духовную отчизну.

Тот же Дж. Хансингер предлагает даже картографию «полета» Барта над пространством теологического: «Научно-богословские исследования теологии Барта чаще всего напоминают старую карту, составленную на заре современной картографии в восемнадцатом веке. Некоторые основные аспекты его богословия могут присутствовать, но степень их искажения достаточно высока. Топографические особенности могут отсутствовать в деталях. Целые мысы могут отсутствовать или преуменьшаться... Однако задача ответственной критики предполагает более надежное изображение общего рельефа, а также исследование пропорциональных отношений различных концептуальных сегментов. И общий подход, в рамках которого необходимо начинать качественное исследование теологии Барта, – это поиск лучшего варианта картографии» [Hunsinger, 1991, Р. 8]. Именно такой картографический принцип (теологический GPS?) позволяет более точно и адекватно представить маршруты теологии Барта, «карту» его богословских перемещений. А потому столь закономерной становится четкая дефиниция теологического места, к которому «привязан» парящий в своих богословских взлетах теолог: «"Местом" теологии мы будем понимать следующее: это предназначенная для нее изнутри, с необходимостью определяемая ее предметом исходная позиция, с которой она должна продвигаться вперед во всех своих дисциплинах — библейской, исторической, систематической и практической» [Барт, 2006, с. 19]. Это и есть та первоначальная пространственно-корневая координата, с которой начинается подлинная теология, от которой она отталкивается и к которой она постоянно возвращается. Та точка, с которой начинается теолог, или, как ее обозначает В. Джонсон, «точка контакта» («Наиболее распространенной богословской стратегией выхода из эпистемологического тупика было найти некую священную "точку контакта" (Anknüpfungspunkt) между Божественным и человеческим» [Johnson, 1997, р. 19] есть начало и продолжение отсчета, альфа и омега всего теологического маршрута Барта.

Признание поступательности, принципиальной динамичности теологической доктрины позволяло К. Барту «доминировать в богословских дебатах XX века около тридцати лет» [Berkouwer, 1956, р. 9]. Это справедливое обозначение приоритетного положения теологии Барта, на наш взгляд, в первую очередь было обеспечено тем, что Барт истолковывал путь теолога в духе пространственно-возносящегося служения высшим духовным идеалам. Образцовым примером такого самоотверженного теологического служения может быть вся научно-богословская деятельность Карла Барта, преподносящая урок раскрытия потенциалов подлинной теологии, урок превосходения возможностей «классической» теологии. А потому с полным правом можно повторить слова В. Джонсон в оценках теологической значимости Барта: «Я трудился на этих страницах, чтобы быть верным Барту, пытаюсь увидеть то, что видел Барт, вместе с тем заглянуть "за его пределы". То, что я попытался представить в этом исследовании – это "подлинный" Барт, более "открытый" Барт...» [Johnson, 1997, р. 190].

Призывом продолжать открывать Барта, делать из его теологических открытий адекватные и практически значимые для современности выводы нам и хотелось бы завершить данный текст.

Список литературы

- Барт К. 2005. Послание к Римлянам. М.: ББИ, 580 с.
- Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М.: Центр Нарния, 192 с.
- Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М.: ББИ, 560 с.
- Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М.: ББИ, 306 с.
- Казем-Бек А. 1972. Христианский путь Карла Барта // Журнал Московской Патриархии. №. 9. С. 53-60.
- Колесников С.А. 2024. Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 49(3): 582–591.
- Кюнг Г. 2000. Великие христианские мыслители. СПб.: Алетейя, 442 с.
- Лётина Н.Н. 2012. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта // Ярославский педагогический вестник.. № 3. Том I. С. 232-236.
- Матаков К. О богословии Карла Барта / URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/o_bogoslovii_barta.pdf (дата обращения: 29.12.2025).
- Православная энциклопедия. 2002. Т. 4: М.: АО Московские учебники и картолитография, 751 с.
- Тиллих П. 1925. Диалектическая теология // Путь. № 1 (сентябрь). С. 148-154.
- Уайтхед А. Н. 1990. Избранные работы по философии. М.: Прогресс. 424 с.
- Berkouwer G. C. 1956. The Triumph of Grace in the Theology of Karl Barth. Grand Rapids. Mich.: Eerdmans. 282 p.
- Hunsinger G. 1991. How to read Karl Barth: the shape of his theology. New York, Oxford: OXFORD UNIVERSITY PRESS. pp. 4-8.
- Jenson W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill. 218 p.
- Johnson W. The Mystery of God: Karl Barth and the Postmodern Foundations of Theology. Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. 320 p.
- Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh. 288 p.
- Lowe W. 1988. Barth as Critic of Dualism: Re-reading the Römerbrief // Scottish Journal of Theology. Volume 41. Issue 3. pp. 377-395.
- Torrance T. F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press. 386 p.

References

- Bart K. 2005. Poslanie k Rimlyanam [Epistle to the Romans]. Moscow: BBI, 580 p.
- Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical Theology]. Moscow: Narnia Center, 192 p.
- Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogmatics]. Volume I. M.: BBI, 560 p.
- Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to the Romans and Philipians]. Moscow: BBI, 306 p.
- Berkouwer G. C. 1956. The Triumph of Grace in the Theology of Karl Barth. Grand Rapids. Mich.: Eerdmans. 282 p.
- Hunsinger G. 1991. How to read Karl Barth: the shape of his theology. New York, Oxford: OXFORD UNIVERSITY PRESS. pp. 4-8.
- Jenson W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill. 218 p.
- Johnson W. The Mystery of God: Karl Barth and the Postmodern Foundations of Theology. Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. 320 p.
- Kazem-Bek A. 1972. Hristianskij put Karla Barta [The Christian Way of Karl Barth] // Zhurnal Moskovskoj Patriarii. №. 9. pp. 53-60.
- Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh. 288 p.
- Kyung G. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St. Petersburg: Aleteya, 442 p.
- Lowe W. 1988. Barth as Critic of Dualism: Re-reading the Römerbrief // Scottish Journal of Theology. Volume 41. Issue 3. pp. 377-395.

- Latina N.N. 2012. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya problemy «rubezhnosti» kak kulturfilosofskogo koncepta [Theoretical and methodological foundations of studying the problem of "borders" as a cultural and philosophical concept] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 3. Tom I. P. 232-236.
- Matakov K. O bogoslovii Karla Barta [About the theology of Karl Barth] / URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/o_bogoslovii_barta.pdf (date of reference: 29.12.2025).
- Pravoslavnaia enciklopediya. 2002. [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 4: Moscow: JSC Moscow textbooks and cartolithography, 751 p.
- Tillih P. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology] // Put, 1925. № 1. P. 148-154.
- Torrance T. F. 1962. Karl Barth: An Introduction to His Early Theology, 1910-1931. London: SCM Press. 386 p.
- Whitehead A. N. 1990. Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on philosophy]. Moscow: Progress. 424 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025
Поступила после рецензирования 04.06.2025
Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025
Revised June 04, 2025
Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина; проректор по научной работе, Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью) Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0009-0000-3829-6167](https://orcid.org/0009-0000-3829-6167)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus), Orthodox Christian religious organisation of Belgorod and Stary Oskol Archdiocese of the Russian Orthodox Christian Church of Moscow Patriarchate, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0009-0000-3829-6167](https://orcid.org/0009-0000-3829-6167)

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 614.253

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-509-522

EDN FBXGDR

Обсуждение проблем биоэтического дискурса медицинским сообществом в первые годы Советской власти

Немеров Е.Н.

Курский государственный медицинский университет

Россия, 305041, г. Курск, улица Карла Маркса, д. 3

nemeroven@kursksmu.net

Аннотация. Комплекс проблем биоэтического дискурса в связи с изменениями в социальной, политической и культурных сферах в XXI в. требует решения для более эффективной работы врачей и медицинского персонала. Обращение к ретроспективе формирования проблематики позволит лучше понять процесс формирования современных этических стандартов и требований в медицине. При этом в современной науке недостаточно внимания уделяется биоэтическим вопросам, обсуждаемым в советской медицине. Цель данной работы – выявить основные вопросы биоэтической проблематики, обсуждаемые советским медицинским сообществом в 1920-е – начале 1930-х гг. В результате исследования выявлено, что основными проблемами биоэтического дискурса были правила проведения биомедицинских исследований, искусственное прерывание беременности, эвтаназия, соблюдение врачебной тайны. Отмечено, что в 1920-е – начале 1930-х гг. только происходило оформление этической проблематики, содержание рассматриваемых вопросов иногда сильно отличалось от принятого в современном мире; в своей профессиональной деятельности врачам приходилось руководствоваться собственным опытом и нравственными принципами.

Ключевые слова: медицинская этика, биоэтика, эвтаназия, врачебная тайна, правило конфиденциальности, патернализм

Для цитирования: Немеров Е.Н. 2025. Обсуждение проблем биоэтического дискурса медицинским сообществом в первые годы Советской власти. *NOMOTHEKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 509–522. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-509-522. EDN: FBXGDR

Discussion of the Problems of Bioethical Discourse by the Medical Community in the Early Years of Soviet Power

Evgenij N. Nemerov

Kursk State Medical University

3 Karl Marx St, Kursk 305029, Russian Federation

nemeroven@kursksmu.net

Abstract. The variety of bioethical discourse issues connected with the 21st century changes in the social, political, and cultural spheres requires a solution for more effective work of doctors and medical staff. Turning to the retrospective analysis of the problems will allow a better understanding of the formation of modern ethical standards and requirements in healthcare. At the same time, contemporary science pays

insufficient attention to bioethical issues discussed in Soviet medicine. The purpose of the study is to identify the main issues of bioethical problems discussed by the Soviet medical community in the 1920s and early 1930s. The findings reveal the main problems of bioethical discourse, which include rules for conducting biomedical research, artificial termination of pregnancy, euthanasia, and observance of medical confidentiality. The author notes that in the 1920s – early 1930s, ethical issues were just being formalized, the content of the issues under consideration sometimes differed significantly from that accepted in the modern world; in their professional activities, doctors had to rely on their own experience and moral principles.

Keywords: medical ethics, bioethics, euthanasia, medical secrecy, rule of confidentiality, paternalism

For citation: Nemerov E.N. 2025. Discussion of the Problems of Bioethical Discourse by the Medical Community in the Early Years of Soviet Power. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 509–522 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-509-522. EDN: FBXGDR

Введение

Развитие медицины является сложным и многосторонним процессом, в результате которого создаются новые средства, способы и методы борьбы с различными болезнями и недугами. В тоже время развитие медицины приводит и к появлению ряда проблем этического характера. Медицинские научные открытия XIX – начала XX в. актуализировали целый комплекс вопросов, с которыми врачебное ранее не сталкивалось, что вызвало их активное обсуждение. В России до революционных событий 1917 года темы, которые в последней четверти XX века станут относиться к проблемному полю такой дисциплины, как биомедицинская этика, не получили окончательного оформления и решения. Именно поэтому в первые годы советской власти в новых социально-политических условиях представители медицинского сообщества обращались к обсуждению этих вопросов. Отражением этого становятся диспуты и дискуссии, а также ряд публикаций их итогам. В качестве примера можно привести диспут, состоявшийся 23 марта 1923 года в Москве [Семашко, 1923] или дискуссию на втором Всесоюзном съезде по борьбе с венерическими болезнями, который проходил в Харькове 13–19 мая 1925 года [Владимирский, 1926; Вальтер, 1926].

Вопросы этики в медицине всегда являлись актуальными и важными, что объясняется сложностью получения конкретного однозначного универсального ответа на них. Советский оториноларинголог профессор В.И. Воячек отмечал следующее: «Вопросы врачебной нравственности представляют собой (и в прежнее время так было) проклятые вопросы, наболевшие язвы – того сфинкса, который одной своей лапой давит на врачей, другой – на больных; я бы прибавил ещё: третьей лапой, не менее железной, он давит на наших учащихся, на будущих врачей, которые чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы знать, по каким правилам им следует поступать в их будущей деятельности, и которые на много вопросов не получают своевременного ответа» [Воячек, 1930, с. 5].

Многие базовые этические принципы и установки биоэтического дискурса в первой четверти XXI века в связи с цивилизационными, политическими и социальными изменениями нуждаются в уточнении и корректировке. Обращение к ретроспективе формирования принципов биомедицинской этики в отечественной медицине и анализ взглядов врачей и юристов 1920-х – начала 1930-х годов имеет большое значение для понимания направления дальнейшей эволюции биоэтики.

Рассмотрению проблем биоэтического дискурса в отечественной медицине в начале XXI посвящено ряд публикаций. В статье Д.П. Александровой «Становление медицинской этики» дан общий обзор этических норм и принципов поведения медиков с древности до наших дней, оказавших влияние на формирование современных биоэтических принципов. Тем не менее ряд этапов развития автором рассмотрены не были, в том числе и отечественная медицина первой половины XX века [Александрова,

2015]. Именно этому периоду посвящена публикация О.А. Тишиной, в которой сделан акцент на деятельность Н.А. Семашко на посту народного комиссара здравоохранения РСФСР, при этом обсуждение вопросов биоэтической проблематике в советской медицине автором не рассматривается [Тишина, 2016]. Анализу этических взглядов русских врачей-гуманистов применительно к медицине посвящена статья В.Н. Засухиной, которая не затрагивает советский период [Засухина, 2011]. Особый интерес вызывает публикация Н.Н. Хомутовой «К вопросу о формировании принципов профессиональной этики медиков Российской Империи в конце XIX – начале XX вв.», которая посвящена анализу «Проекта этических правил, составленного комиссией, избранной Обществом киевских врачей» в 1889 году. Данный документ являлся добровольным соглашением среди врачей одного города Российской Империи, в нём декларировались основные этические нормы медицины конца XIX века [Хомутова, 2024].

Ряд публикаций посвящён отдельным биоэтическим проблемам. Одной из наиболее актуальной является проблема искусственного прерывания беременности. В статье Е.Н. Гнатик и Е.А. Соковой рассматриваются только юридические аспекты этого вопроса, без обращения к его этической стороне и рассмотрения взглядов на него со стороны врачей [Гнатик, Сокова, 2015]. Достаточно подробно рассматривается дискуссия по проблеме аборта в XIX – начале XX веков в публикации Н.Л. Пушкарёвой и Н.А. Мицюк, в ней внимание уделено только дореволюционному периоду в России. Обзору эволюции отношения к проблеме аборта в нашей стране с позиции медицины посвящена статья Ю.В. Цвелева и П.В. Лятошинской, но в ней отсутствует анализ этической стороны вопроса [Цвелев, Лятошинская, 2002]. Анализ аргументации сторон противников и сторонников искусственного прерывания беременности в конце XIX – начале XX веков представлен в работе И.И. Юкиной «Дискуссия об абортах в Российской Империи: Частная жизнь и новая идентичность» [Юкина, 2019]. Биоэтическая проблема информированного согласия в советской системе здравоохранения рассматривается О.В. Пыжовой и Т.А. Чальцевой, которая решалась предоставлением достаточно широких полномочий врачам СССР без согласия пациентов или их законных представителей [Пыжова, Чальцева, 2018]. Организация клинических испытаний также является предметом интереса исследователей, которые делают акцент на медицинской и юридической стороне вопроса, без обращения к этической составляющей проблемы [Чукреева, 2016; Громова, 2023]. Правило конфиденциальности в медицине рассматривается О.В. Пыжовой в статье «Регламентация врачебной тайны в западно-европейских странах на рубеже XIX–XX столетий (по материалам публикаций русских врачей и юристов)». В ней анализируются взгляды отечественных медиков на решение вопроса о конфиденциальности в законодательствах ряда европейских стран. Сравнительный анализ отдельных точек зрения по проблеме врачебной тайны известных русских врачей и юристов до и после событий 1917 года проведён нами в статьях «Врачебная тайна в России на рубеже XIX–XX веков: истоки этического анализа» [Немеров и др, 2020а] и «Врачебная тайна в России рубежа XIX–XX веков: от этической рекомендации к правовой оценке» [Немеров и др., 2020б].

Следует отметить, что в большинстве публикаций проблемы биоэтического дискурса рассматриваются с юридических и медицинских позиций, при этом очень редко уделяется внимание их обсуждению в период развития нашей страны 1920-х – начала 1930-х годов. Ещё реже можно наблюдать обращение исследователей к изучению мнений и взглядов самих врачей по актуальным этическим вопросам медицины, нашедшим отражения в их публикациях и дискуссиях.

Цель данной работы – определить основные вопросы биоэтической проблематики, обсуждаемые советским медицинским сообществом в 1920-е – начале 1930-х гг.

Материалы и методы

Исследование опирается на работы представителей советского медицинского сообщества, а также российских и советских юристов 1920–30-х годов, среди которых Ф.А. Вальтер [1926], В.Ф. Владимирский [1926], В.И. Воячек [1930], С.С. Гирголав [1930], В.Я. Данилевский [1921], Л.И. Дембо [1926], В.А. Надеждин [1930], В.П. Осипов [1930], Л.Л. Рохлин [1925], в которых рассмотрены проблемы медицинской этики и предлагавшие различные варианты их решения с этической, медицинской и юридической точек зрения.

В качестве материалов исследования рассматривались законодательные акты, такие как Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников»¹; Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщины»²; Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах»³; а также Уголовные кодексы РСФСР 1922⁴ и 1926 гг.⁵.

Проблема участия в исследованиях человека в качестве испытуемого в СССР 1920-х – начале 1930-х годов

В официальном законодательстве дореволюционной России этическим вопросам медицины уделялось очень мало внимания, поэтому в советское время врачебное сообщество заявляет о необходимости регулирования данной сферы. Конечно, это не означало то, что государство оперативно реагировало на потребности медиков и своевременно вводило новые законы, но важен сам факт осознания и обсуждения насущных вопросов медицинской этики.

Одним из таких вопросов была *проблема, связанная с проведением биомедицинских исследований с участием людей в качестве испытуемых*, но в тот период времени использовали более простой термин – «эксперименты над больными». Современные требования в данной сфере, закреплённые в отечественном законодательстве⁶, в основном сформировались к началу XXI века на основе трёх документов: Нюрнбергского кодекса (1947 г.), Хельсинкской декларации (1964 г.) и

¹Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2262.htm (дата обращения: 31.08.2025).

² Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщины» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/70486514/> (дата обращения: 31.08.2025).

³ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах» // Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/46164> (дата обращения: 31.08.2025).

⁴ Уголовный Кодекс РСФСР от 26 мая 1922 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 31.08.2025).

⁵ Уголовный Кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13973#ref-4> (дата обращения: 31.08.2025).

⁶ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=mf17rnxou161110712> (дата обращения: 01.09.2025).

Конвенции о правах человека и биомедицины (1997 г.). Эти требования предполагают соблюдение следующих правил: наличие добровольного информированного согласия; привлечение человека в качестве испытуемого только в том случае, если невозможно иначе получить ответ на вопрос; обоснованность исследования с точки зрения планируемых результатов; соответствие современным стандартам медицины; потенциальные выгоды эксперимента должны превышать риск для участников исследования; минимизация наносимого возможного вреда; наличие одобрения этического комитета. Данные принципы зафиксированы Национальным стандартом Российской Федерации «Надлежащая клиническая практика»¹ и Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 01.04.2016 «Об утверждении правил надлежащей клинической практики»².

В начале XX века какие-либо этические и правовые нормы, регулирующие участие человека в медицинских исследованиях, отсутствовали. Не было чёткого понимания того, что «действительно ли в процессе лечения производится эксперимент или же проводимые врачом мероприятия вызываются необходимостью самого лечения» [Осипов, 1930, с. 13]. Советский психиатр, невропатолог и физиолог, профессор Виктор Петрович Осипов относит к эксперименту в медицине использование в процессе лечения «методов мало испытанных или недостаточно обоснованных, дача средств в непозволительных размерах, в надежде что здесь получатся хорошие результаты» [Осипов, 1930, с. 13]. Если использовать современную терминологию, то в данном случае автор, по сути дела, говорит о клинических исследованиях, проводимых на больных для достижения терапевтических и диагностических целей. Среди разновидностей экспериментов профессор Семён Семёнович Гирголав выделяет такой тип, как «опыты так сказать в чистом виде, т. е. такие действия над человеком, которые данному человеку не нужны ни при каких обстоятельствах (напр. над совершенно здоровым человеком) и которые могут ему причинить только вред» [Гирголав, 1930, с. 21]. По мнению автора, проведение таких исследований врачами допустимо только над самими собой, что граничит с героизмом, так как они подвергают человека смертельной опасности. Требования к исследованиям на пациентах, по мнению В.П. Осипова, должны в первую очередь сводиться к следованию принципу «не навреди!», а также к ориентации на благоприятный исход лечения болезни. Это предполагает, что недопустим эксперимент ради самого эксперимента. Рассматривая условия проведения исследований, автор говорит о необходимости их предварительного коллективного обсуждения медицинским сообществом, взвешенной проработки программы, рассмотрения всех обстоятельств и выбора методов. Для организаторов исследований обязательно следование принципу гуманности, «потому что врач является не только лечебником, но и человеком, который должен двигать науку вперёд и находить всё новые и новые пути для блага человечества» [Осипов, 1930, с. 14].

Отметим, что в 1920 – начале 1930-х гг. не было ещё достаточно точного понимания проблемы. Одним из свидетельств этого является то, что В.П. Осипов относит к экспериментам даже простой забор крови у больного для анализа. В условиях господства патерналистского подхода в медицине начала XX века вопрос о согласии пациентов на участие в эксперименте рассматриваемым автором не затрагивается, что является отражением общего положения дел того времени в медицине и не только в СССР [Пыжова, 2020, с. 40].

¹ Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52379-2005 «Надлежащая клиническая практика», утверждён Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 сентября 2005 года № 232-ст // <https://cmrvsm.ru/wp-content/uploads/2022/06/GOST-R-52379-2005.-Natsionalnyj-standart-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

² Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 апреля 2016 года № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71373446/?ysclid=mf18k5dh8m593811800> (дата обращения: 01.09.2025).

Проблема искусственного прерывания беременности в СССР 1920-х – начале 1930-х годов

Ещё одним вопросом медицинской этики в СССР в 1920-е гг. была **проблема допустимости аборта**. Советская Россия стала первым государством мира, которое совместным постановлением Народных Комиссариатов РСФСР по здравоохранению и юстиции от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин», легализовала прерывание беременности по желанию женщины. В этом документе указывалось на возможность бесплатного проведения операции только врачами и только в условиях государственных медицинских учреждений независимо от наличия или отсутствия показаний для этого ¹. Снятие запрета на аборты можно рассматривать с точки зрения борьбы против бесправия женщин в царской России и их эмансипации в СССР. Например, советский психиатр и невролог Леон Лазаревич Рохлин отмечал, что если до революции медицинское сообщество «для производства аборта должно было руководствоваться одним ограниченным кругом медицинских показаний, то с момента признания права женщины отказаться от материнства – и по социальным мотивам наравне с медицинскими показаниями, при предоставлении советским законодательством возможности осуществить женщине своё право в условиях асептики родильного дома...» [Рохлин, 1925, с. 6]. Тем не менее исследователи полагают, что практика легализации искусственного прерывания беременности не свидетельствовала о принятии её в качестве медико-юридической нормы, предоставляющей женщине самой решать вопроса собственной фертильности [Лебина, 1999, с. 283]. На этом фоне в медицинском сообществе обратили внимание на ту нравственно-этическую нагрузку, которая ложится на врача. Выдающийся российский и советский врач Василий Яковлевич Данилевский отмечал, что врач несёт ответственность перед своей совестью, что его мировоззренческие установки должны ориентироваться на реализацию права на жизнь и «резко противоречить умерщвлению живого человеческого существа, хотя бы ещё и не созревшего для самостоятельной жизни» [Данилевский, 1921, с. 388]. Из данного утверждения видно, что ещё один проблемный вопрос в данной области – статус эмбриона, врач для себя трактует однозначно: он считает его человеком независимо от срока беременности. Поэтому, его позиция заключается в том, что «с принципиальной стороны "права на умерщвление" не может быть ни у врача, ни у самой женщины» [Данилевский, 1921, с. 388]. В.Я. Данилевский не призывает к запрету аборта, но поднимает вопрос о необходимости законодательного регулирования и чёткого определения тех весомых мотивов и принципиальных условий, которыми следует руководствоваться в практике искусственного прерывания беременности, а не следовать только волеизъявлению женщины. Об этом он пишет следующее: «Если человек так усердно бережёт всякие запасы потенциальной энергии, то тем более бережно он должен относиться к "носителю «потенциальной самостоятельной жизни. В этом направлении общественная и правовая организация оставляет желать ещё многого; чувство же жалости и сострадания слишком изменчиво и по настроению, и по случайным условиям, а потому неперменным критерием служить не может» [Данилевский, 1921, с. 389]. Как известно, в дальнейшем в Советском Союзе постепенно вводятся ограничения на аборты (рассмотрение специальной комиссией; запрет на аборт при первой беременности и для тех, кто делал операцию менее, чем за полгода; взимание платы за искусственное прерывание беременности), а в 27 июня 1936 году выходит постановление ЦИК и СНК СССР, которое вводило запрет на аборты, обосновывая это необходимостью исправления демографической ситуации в стране и повышением уровня рождаемости ².

¹ Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщины» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/70486514/> (дата обращения: 31.08.2025).

² Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении

Проблема эвтаназии в СССР 1920-х – начала 1930-х годов

Среди других вопросов биоэтического дискурса, которые обсуждались советскими медиками, была и **проблема эвтаназии**. Одним из выразителей отрицательного отношения к её легализации среди врачей был уже упоминаемый нами профессор Виктор Петрович Осипов. Он отмечал, что одной из задач медика является облегчение мучений больного, но ни в коем случае не ускорение его смерти. Доводы, называемые им, аналогичны тем, что приводят и современные противники эвтаназии. Первый аргумент В.П. Осипов связывает с тем, что врач должен лечить больного, а «кончать жизнь больного вовсе не задача врача» [Осипов, 1930, с. 19]. Следующий аргумент связывается с риском врачебной ошибки; также он говорит, что нужно полагаться на силы борющегося организма, чтобы победить болезнь. Ещё одним доводом против эвтаназии В.П. Осипов называет потенциальные возможности развития медицины, прогресс которой может быть замедлен или остановлен из-за отсутствия необходимости борьбы с неизлечимыми и безнадежными болезнями [Осипов, 1930, с. 19]. Важно отметить тот факт, что, по всей видимости, одной из причин, которая повлекла обсуждение проблемы эвтаназии, было то, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года к статье 143 содержал следующее примечание: «Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается»¹. Данную формулировку можно трактовать как акт легализации эвтаназии в Советской России. Это положение просуществовало относительно недолго, так как уже в следующем Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, который вступил в силу с 1 января 1927 г., это примечание отсутствовало². В.П. Осипов по этому поводу пишет: «Этот пункт продержался очень короткое время и был отменён. И это понятно, потому что можно толковать подобный пункт так, что право на убийство может присваивать себе любой гражданин, и тем более врач, который обладает известной компетенцией» [Осипов, 1930, с. 20].

Дискуссии о необходимости следовать правилу конфиденциальности в СССР 1920-х – начале 1930-х годов

Наиболее проблемным, судя по публикациям, в советской медицине стал **вопрос о врачебной тайне**. Причин для этого было несколько: отсутствовала точная трактовка самого термина «врачебная тайна»; ни дореволюционные, ни советские законы чётко не регламентировали правила её применения; а смена модели общественных отношений, предполагающей первенство коллективных интересов перед личными в условиях социалистического государства, приводила к необходимости однозначного понимания и решения проблемы.

Анализ публикаций говорит о том, что у врачей отсутствовало единое представление о том, что такое врачебная тайна. Свидетельством этому является ряд работ, в которых именитые российские и советские врачи очень по-разному понимают этот термин [Данилевский, 1921; Рохлин, 1925; Воячек, 1930; Надеждин, 1930; Осипов, 1930]. В отдельных случаях можно увидеть весьма странное понимание правила конфиденциальности, при котором допускалось неразглашение медицинской информации самому пациенту. Например, профессор В.И. Воячек пишет: «Врач может соблюдать тайну, чтобы не причинить больному напрасных страданий: например, если он скрывает

государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах» // Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/46164> (дата обращения: 31.08.2025).

¹ Уголовный Кодекс РСФСР от 26 мая 1922 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 31.08.2025).

² Уголовный Кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13973#ref-4> (дата обращения: 31.08.2025).

от неизлечимого больного неизбежность близкой смерти» [Воячек, 1930, с. 8]. Впрочем, такого рода представления также являются результатом господства патернализма в медицине начала XX века, как и в вопросе участия человека в медицинских исследованиях в качестве испытуемых.

Одной из причин, по которой сформировалась ситуация неоднозначного понимания термина, является то, что ни в дореволюционном законодательстве России, ни в советском праве юридической категории «врачебная тайна» не было. Существовали статьи законов, которые регламентировали сохранение тайны, в том числе профессиональной, но без учёта её специфики в медицинской профессии. В.Ф. Владимирский, характеризуя делопроизводство царской России отмечал: «Судебная практика того времени подводила случаи нарушения врачебной тайны под ст. 137 устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [Владимирский, 1926, с. 74]. В указанном документе этот проступок рассматривался как оскорбление чести ¹. Уголовное уложение 1903 года уже квалифицировало разглашение тайны, как вид правонарушения ². Таким образом, «вплоть до великих революционных событий во врачебно-санитарном законодательстве России понятия врачебной тайны как таковой не было, а все случаи, связанные с разглашением или сохранением сведений о пациентах, подводились под понятие профессиональной тайны» [Немеров и др., 2020б, с. 87].

Можно сказать, что исходные представления о правиле конфиденциальности у медиков в России начала XX века формировались на основании клятвы Гиппократова и факультетского обещания, в которых оно было абсолютизировано. Советский психиатр и невролог Леон Лазаревич Рохлин отмечает, что «в условиях суровой действительности переживаемого гнёта и административно-полицейского произвола единодушно высказывались за регламентацию врачебной тайны законом в целях гарантии её абсолютного соблюдения и оглашения в необходимых случаях в его же интересах» [Рохлин, 1925, с. 3].

К информации, составляющей врачебную тайну, иногда относили сведения немедицинского характера. Например, В.А. Надеждин в статье «О врачебной тайне» отмечает, что «с древности повелось правило, что лечащие врачи, а позже фармацевты и прочий подсобный лечебный персонал, не должны не только оглашать никаких известных им медицинских фактов, но и вообще что-либо из виденного или слышанного ими, особенно могущего повредить репутации или материальным интересам пациента» [Надеждин, 1930, с. 81].

Законодательные принципы, которые регламентировали вопросы разглашения информации, составляющей врачебную тайну, содержались в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников» ³. Седьмая статья данного документа требовала от медицинских работников, занимающихся частной практикой, предъявлять по запросу отдела здравоохранения, органов судебной или следственной власти прошнурованные особые книги, содержащие информацию об именах и адресах больных, диагнозе и назначенном лечении ⁴. Девятая

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 / изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. 211 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/372594> (дата обращения: 31.08.2025).

² Уголовное Уложение. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при правительствующем сенате. 16 апреля 1903 г. № 38. Отдел первый // URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

³ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2262.htm (дата обращения: 31.08.2025).

⁴ Статья 7 Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» //

статья предписывала врачам не позднее суточного срока сообщать в «ближайший отдел здравоохранения о каждом случае острозаразного заболевания, отравления, убийства, нанесения тяжких телесных повреждений или самоубийства в его практике»¹. Примечание к данной статье указывало на необходимость записывать все случаи телесных повреждений как можно более полно и точно. Другие статьи этого документа вопроса врачебной тайны больше не касались. Прямых указаний на необходимость её соблюдения в нём не содержалось.

Как результат, в среде медицинского сообщества остро встал вопрос о необходимости прояснить следующие аспекты врачебной тайны: нужно ли соблюдать врачебную тайну; если да, то какая информация должна её составлять; кто должен её сохранять; в каких случаях допустимо и даже необходимо её разглашение.

Публикации врачей и юристов 1920-х – начала 1930-х гг. [Данилевский, 1921, Рохлин, 1925; Вальтер, 1926; Владимирский, 1926; Дембо, 1926; Воячек, 1930; Осипов, 1930; Надеждин, 1930] позволяют заключить, что среди медицинского сообщества преобладала точка зрения о важности сохранения правила конфиденциальности, при этом авторы статей обращают внимание на необходимость регламентирования порядка его применения. Например, В.Ф. Владимирский отмечает, что венерологический съезд в Харькове в 1925 году «пришёл к выводу, что тайна может быть соблюдаема в интересах отдельных лиц, поскольку это не противоречит интересам государства, причём Наркомздрав предполагает выработать соответствующие правила» [Владимирский, 1926, с. 74]. Целесообразность сохранения института врачебной тайны обосновывалась интересами самой медицины, так как конфиденциальность выступала одним из инструментов, способствующих сохранению доверия пациентов врачам. Филипп Антонович Вальтер отмечает, что нужные сведения от пациента «врач может получить только при наличии доверия к нему, а это доверие, по крайней мере частью, основано на убеждении больного, что сведения, ставшие известными врачу, не будут им разглашены во вред больному» [Вальтер, 1926, с. 16].

Именно Ф.А. Вальтеру – крупному российскому и советскому юристу принадлежит обстоятельный анализ ключевых вопросов, связанных с врачебной тайной. На основе анализа различных источников (декретов, кодексов, законов и др.), отвечая на вопрос о том, кто именно должен хранить врачебную тайну, он заключает: «Обязанностью хранить врачебную тайну связаны все медработники, которые при своей профессиональной деятельности узнают составляющие врачебную тайну сведения» [Вальтер, 1926, с. 19]. К ним относятся собственно врачи, их сотрудники (фельдшеры, акушерки, медицинские сёстры и санитары), а также фармацевты и провизоры.

Рассматривая вопрос о содержании врачебной тайны, Ф.А. Вальтер исходит из представления о том, что оно должно охватывать все сведения, разглашение которых способно навредить больному и вызвать у него убеждённость в том, что обращение за медицинской помощью может быть связано с некоторой опасностью. По его мнению, к информации, которая составляет врачебную тайну, должны быть отнесены не только те сведения, которые были сообщены медику самим больным, но и те, которые стали известны в ходе лечения и ухода за ним [Вальтер, 1926, с. 21]. Также отмечается, что нельзя считать нарушением конфиденциальности случаи, когда обезличенная информация о пациентах передаётся внутри медицинского сообщества с лечебными или научными целями.

Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2262.htm (дата обращения: 31.08.2025).

¹ Статья 9 Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2262.htm (дата обращения: 31.08.2025).

Опираясь на юридическую базу, Ф.А. Вальтер очень подробно рассматривал ситуации, когда медицинские работники должны разглашать врачебную тайну. Он выделил две группы случаев. К первой относятся те, «когда сообщение сведений является одной из профессиональных или служебных обязанностей медработника» [Вальтер, 1926, с. 24]. Это как раз те случаи, которые подпадают под действие уже упомянутых статей 7 и 9 Декрета «О профессиональной работе и правах медицинских работников», а также случаи медицинского освидетельствования, экспертизы, сбора медицинской статистики.

Вторая группа случаев – это ситуации, при которых «обращение к медработнику вызывается интересами правосудия» [Вальтер, 1926, с. 28]. В этом случае врачи выступают как свидетели, которые должны сообщать все известное им по рассматриваемому делу, в том числе и сообщённую им пациентами информацию.

Подытоживая свою работу, Ф.А. Вальтер отмечает следующее: «В Советском законодательстве нет правила, карающего оглашение врачебной тайны; обязанность врача хранить её может быть обоснована лишь на общих интересах здравоохранения; охрана их требует, чтобы было поддержано доверие к врачу и чтобы было устранено всё то, что могло бы подорвать это доверие» [Вальтер, 1926, с. 33].

В этих условиях понятно желание медицинского сообщества, чтобы власть подробно регламентировала применение правила конфиденциальности, но задача дать исчерпывающее перечисление всех частных случаев была неосуществима, к тому же это не соответствовало интересам самого государства, так как оно исходило из представлений о приоритете коллективного блага над индивидуальным. Л.И. Дембо отмечал, что «по советскому праву "врачебной тайны" как юридической категории не существует» [Дембо, 1926, с. 11]. Поэтому, можно сказать, что врачебная тайна в 1920-е – начале 1930-х гг. в СССР выступала в качестве этического принципа, который не был юридически зафиксирован.

Заключение

Таким образом, обсуждаемые в советском медицинском сообществе в 1920-е – начале 1930-х гг. вопросы этики были связаны как с изменениями в самой медицине, так и с теми социально-политическими процессами, которые привели к коренному изменению в устройстве государства в России. Советские врачи находились в ситуации неопределённости. Среди наиболее важных и обсуждаемых актуальных проблем выделяются следующие: участие человека в качестве испытуемого в медицинских исследованиях, допустимость аборта, эвтаназия и правила конфиденциальности. Основной причиной, породившей дискуссии, является то, что в среде медицинского сообщества отсутствовало правильное понимание того, что такое, например, «эксперимент над больным» или какая именно информация должна составлять врачебную тайну. В свою очередь, причиной этого являлось отсутствие чёткой регламентации в советском законодательстве в 1920-е – начале 1930-х гг. целого ряда этических вопросов в медицине. Исключение составили только две проблемы – искусственное прерывание беременности и эвтаназия. Аборты в Советском государстве после событий октября 1917 г. были полностью легализованы, но в 1936 году был введён запрет. Сходная ситуация сложилось с эвтаназией. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года содержал формулировку, которую можно трактовать, как акт легализации добровольного ухода из жизни, но уже в следующем Уголовном кодексе РСФСР, вступившем в силу в 1927 году, эта формулировка отсутствовала. По остальным вопросам врачебное сообщество пыталось добиться однозначной позиции государства в правовых актах. Тем не менее в этот период чёткой регламентации действий медицинских работников применительно к рассматриваемым проблемам в советском законодательстве оформлено не было. Отчасти это было связано с тем, что на данном этапе только происходило оформление самой этической проблематики, поэтому врачам приходилось выстраивать отношения с пациентами на основе собственного опыта и совести.

Список литературы

- Александрова Д.П. 2015. Становление медицинской этики. *Учёные записки Орловского государственного университета*, 1 (64): 68–73.
- Вальтер Ф.А. 1926. Врачебная тайна. В кн. Дембо Л.И., Вальтер Ф.А. Врачебная тайна. Ленинград, Издание Ленинградского Медицинского Журнала: 11–36.
- Владимирский В.Ф. 1926. Врачебная тайна. *Право и жизнь*. Кн. 6–7: 73–77.
- Воячек В.И. 1930. О врачебной нравственности. В кн. Врачебная тайна и врачебная этика. Речи и статьи. Под ред. проф. В.И. Воячека и проф. В.П. Осипова. Ленинград, Красная газета: 5–8.
- Гирголав С.С. 1930. К вопросу об эксперименте на людях и о роли врача на войне. В кн. Врачебная тайна и врачебная этика. Речи и статьи. Под ред. проф. В.И. Воячека и проф. В.П. Осипова. Ленинград, Красная газета: 21–25.
- Гнатик Е.Н., Сокова Е.А. 2015. Этический и юридический статус плодотворности: история и современное состояние проблемы. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*, 4: 64–74.
- Громова А.А. 2023. История развития правового регулирования биомедицинских исследований. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 6(106): 168–177. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.106.6.168-177
- Данилевский В.Я. 1921. Врач, его призвание и образование: Вступительные чтения. Харьков, Всеукраинское государственное издательство, 416 с.
- Дембо Л.И. 1926. Эволюция врачебной тайны в законодательстве. В кн. Дембо Л.И., Вальтер Ф.А. Врачебная тайна. Ленинград, Издание Ленинградского Медицинского Журнала: 3–11.
- Денисова М.А. 2010. Становление советской семьи в 1920-е годы (на примере Курской губернии). *Научные ведомости БелГУ. Viaintempore. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*, 7 (78). Выпуск 14: 182–187.
- Засухина В.Н. 2011. Русские врачи-гуманисты (к вопросу об истоках российского типа биоэтики). *Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа*, 4: 16–24.
- Лебина Н.Б. 1999. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., Журнал «Нева» – Издательский дом «Летний сад», 320 с.
- Надеждин В.А. 1930. О врачебной тайне. В кн. Врачебная тайна и врачебная этика. Речи и статьи. Под ред. проф. В.И. Воячека и проф. В.П. Осипова. Ленинград, Издательство «Красная газета»: 81–94.
- Немеров Е.Н., Пыжова О.В., Симонова Ж.Г. 2020. Врачебная тайна в России на рубеже XIX–XX веков: истоки этического анализа. *Манускрипт*, 13(6): 117–122. DOI: 10.30853/manuscript.2020.6.22
- Немеров Е.Н., Пыжова О.В., Симонова Ж.Г. 2020. Врачебная тайна в России рубежа XIX–XX веков: от этической рекомендации к правовой оценке. *Манускрипт*, 13(7): 84–88. DOI: 10.30853/manuscript.2020.7.15
- Осипов В.П. 1930. Врачебная этика и врачебная тайна. В кн.: Врачебная тайна и врачебная этика. Речи и статьи. Под ред. проф. В.И. Воячека и проф. В.П. Осипова. Ленинград, Красная газета: 9–20.
- Пушкарёв Н.Л., Мицюк Н.А. 2021. Зарождение биополитической модели контроля рождаемости в XIX – начале XX вв. *Журнал исследований социальной политики*, 19(3): 421–436. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-421-436
- Пыжова О.В. 2000. Биоэтика в теории и на практике. Курск, Изд-во КГМУ, 240 с.
- Пыжова О.В. 2021. Регламентация врачебной тайны в западноевропейских странах на рубеже XIX–XX столетий (по материалам публикаций русских врачей и юристов). *Манускрипт*, 14(4): 721–726. DOI: 10.30853/mns210134
- Пыжова О.В., Чальцева Т.А. 2018. Информированное согласие пациента в советской системе здравоохранения: от этической теории к медицинской практике. *Современные исследования социальных проблем*, 10 (2-4): 14–27. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-14-27
- Рохлин Л.Л. 1925. Врачебная тайна в условиях советской медицины. *Врачебное дело. Научный медицинский журнал*. Отдельный оттиск из № 7. Харьков, «Научная мысль», 8 с.
- Семашко Н.А. 1923. О врачебной тайне (из речи на диспуте 23.03.1923 в Москве). *Известия Народного комиссариата здравоохранения*, 2-3.
- Тишина О.А. 2016. Деонтология советского периода отечественной медицины первой половины XX века. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 3(13): 85–89.

- Хомутова Н.Н. 2024. К вопросу о формировании принципов профессиональной этики медиков Российской Империи в конце XIX – начале XX вв. В кн.: История медицины и историческая память: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, 16–17 февраля 2024, СПб, РИЦ ПСПбГМУ: 118–126.
- Цвелев Ю.В., Лятошинская П.В. 2002. Эволюция аборта – «от можжевельника до мифепристона». *Журнал акушерства и женских болезней*, Выпуск 4. Том LI: 84–89.
- Чукреева Н.В. 2016. Исторические этапы эволюции систем обеспечения и контроля качества лекарственных средств. *Ремедиум*, 6: 44–50. DOI: 10.21518/1561-5936-2016-6-44-50
- Юкина И.И. 2019. Дискуссия об абортах в Российской Империи: частная жизнь и новая идентичность. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 2: 243–262. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.11

References

- Aleksandrova D.P. 2015. Stanovlenie medicinskoj jetiki [The development of medical ethics]. *Scientific notes of Orel State University*, 1 (64): 68–73.
- Val'ter F.A. 1926. Vrachebnaya tayna [Medical Secrecy]. In: Dembo L.I., Val'ter F.A. Vrachebnaya tayna [Medical Secrecy]. Leningrad, Publ. of Leningrad Medical Journal: 11–36.
- Vladimirskij V.F. 1926. Vrachebnaya tayna [Medical Secrecy]. *Pravoizhizn'*. Books 6–7: 73–77.
- Vojachek V.I. 1930. O vrachebnoy нравственности [On medical morality]. In: Vrachebnaya tayna i vrachebnaya jetika. Rechi i stat'i [Medical Secrecy and Medical Ethics. Speeches and Articles]. Ed. V.I. Vojachek and V.P. Osipov. Leningrad, Publ. «Krasnaya gazeta»: 5–8.
- Girgolav S.S. 1930. K voprosu ob eksperimente na lyudyakh i o roli vracha na voyne [On the issue of human experimentation and the role of the doctor in war]. In: Vrachebnaya tayna i vrachebnaya etika. Rechi i stat'i [Medical Secrecy and Medical Ethics. Speeches and Articles]. Ed. V.I. Vojachek and V.P. Osipov. Leningrad, Publ. «Krasnaya gazeta»: 21–25.
- Gnatik E.N., Sokova E.A. 2015. Jeticheskiy i juridicheskiy status plodoizgnaniya: istoriya i sovremennoe sostojanie problem [Ethical and legal status of fetal expulsion: history and current state of the problem]. *RUDN Journal of Law*, 4: 64–74.
- Gromova A.A. 2023. Istorija razvitiya pravovogo regulirovaniya biomedicinskih issledovanij [History of the development of legal regulation of biomedical research]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 6 (106): 168–177. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.106.6.168-177
- Danilevskij V.Ja. 1921. Vrach, yego prizvaniye i obrazovaniye: Vstupitel'nyye chteniya [The Doctor, His Calling and Education: Introductory Readings]. Kharkov, All-Ukrainian State Publishing House: 416 p.
- Dembo L.I. 1926. Evolyutsiya vrachebnoy tayny v zakonodatel'stve [The evolution of medical confidentiality in legislation]. In: Dembo L.I., Val'ter F.A. Vrachebnaya tayna [Medical Secrecy]. Leningrad, Publ. of Leningrad Medical Journal: 3–11.
- Denisova M.A. 2010. Stanovleniye sovetской sem'i v 1920-ye gody (na primere Kurskoj gubernii) [Formation of the Soviet Family in the 1920s (using the Kursk Province as an example)]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Vaintempore. Serija Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*, 78 (7). 14: 182–187.
- Zasuhina V.N. 2011. Russkie vrachi-gumanisty (k voprosu ob istokah rossijskogo tipa biojetiki) [Russian Doctors-Humanists (on the Issue of the Origins of the Russian Type of Bioethics)]. *Uchjonye zapiski ZabGU. Serija: Filosofija, sociologija, kul'turologija, social'najarabota*. 4: 16–24.
- Lebina N.B. 1999. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody [Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930]. Saint Petersburg, Magazine «Neva» – Publishing house «Letniy sad», 320 p.
- Nadezhdin V.A. 1930. O vrachebnoy tayne [About medical secrecy]. In: Vrachebnaya tayna i vrachebnaya aetika. Rechi i stat'i [Medical Secrecy and Medical Ethics. Speeches and Articles]. Ed. V.I. Vojachek and V.P. Osipov. Leningrad, Publ. «Krasnaya gazeta»: P. 81–94.
- Nemerov E.N., Pyzhova O.V., Simonova Zh.G. 2020. Vrachebnaya atayna v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: istoki eticheskogo analiza [Medical Secrecy in Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries: Origins of Ethical Analysis]. *Manuscript*, 13(6): 117–122. DOI: 10.30853/manuscript.2020.6.22

- Nemerov E.N., Pyzhova O.V., SimonovaZh.G. 2020. Vrachebnaya tayna v Rossii rubezha XIX–XX vekov: ot eticheskoy rekomendatsii k pravovoy otsenke [Medical Secrecy in Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries: From Ethical Recommendations to Legal Assessment]. *Manuscript*, 13(7): 84–88. DOI: 10.30853/manuscript.2020.7.15
- Osipov V.P. 1930. Vrachebnaya etika i vrachebnaya tayna [Medical Ethics and Medical Secrecy]. In: Vrachebnaya tayna i vrachebnaya etika. Rechiistat'I [Medical Secrecy and Medical Ethics. Speeches and Articles]. Ed. V.I. Vojachek and V.P. Osipov. Leningrad, Publ. Krasnayagazeta: 9–20.
- Pushkarjov N.L., Micjuk N.A. 2021. Zarozhdenie biopoliticheskoy modeli kontrolja rozhdaemosti v XIX – nachale XX vv [The emergence of the biopolitical model of birth control in the 20th – early 20th centuries]. *The Journal of Social Policy Studies*, 19 (3): 421–436. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-421-436
- Pyzhova O.V. 2020. Bioetika v teorii i na praktike [Bioethics in theory and practice]. Kursk, KSMU Publishing House. 240 p.
- Pyzhova O.V. 2021. Reglamentacija vrachebnoj tajny v zapadnoevropejskih stranah na rubezhe XIX–XX stoletij (po materialam publikacij russkih vrachej i juristov) [Regulation of medical confidentiality in Western European countries at the turn of the 19th and 20th centuries (based on publications by Russian doctors and lawyers)]. *Manuskript*, 14(4): 721–726. DOI: 10.30853/mns210134
- Pyzhova O.V., Chal'ceva T.A. 2018. Informirovannoe soglasie pacienta v sovetsko jsisteme zdavoohranenija: otj eticheskoy teorii k medicinskoj praktike [Informed consent of the patient in the Soviet health care system: from ethical theory to medical practice]. *Modern Studies of Social Issues*, 10 (2-4): 14–27. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-14-27
- Rohlin L.L. 1925. Vrachebnay atayna v usloviyakh sovetskoy meditsiny [Medical secrecy in the conditions of Soviet medicine]. Kharkov, Publ. «Nauchnayamysl'». 8 p.
- Semashko N.A. 1923. O vrachebnoy tayne (izrechina dispute 23.03.1923 g. v Moskve) [On medical confidentiality (from a speech at a debate on 23.03.1923 in Moscow)]. *Izvestija Narodnogo komissariata zdavoohranenija*. 2–3.
- Tishina O.A. 2016. Deontologija sovetskogo perioda otechestvennoj mediciny pervoj poloviny XX veka [Deontology of the Soviet period of domestic medicine in the first half of the 20th century]. *Innovacionnaja jekonomika: perspektiv razvitiya i sovershenstvovanija*, 3(13): 85–89.
- Homutova N.N. 2024. K voprosu o formirovani iprincipov professional'noj jetiki medico v Rossijskoj Imperii v konce XIX – nachale XX vv. [On the issue of the formation of principles of professional ethics of doctors of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries.]. In: Istorija mediciny i istoricheskaja pamjat' [History of Medicine and Historical Memory]: Collection of articles from the All-Russian scientific conference with international participation, February 16-17, 2024, SPb, Publ. RIC PSPbGMU: 118–126.
- Cvelev Ju.V., Ljatoshinskaja P.V. 2002. Jevoljucija aborta – «ot mozhzhevel'nika do mifepristona» [The evolution of abortion – “from juniper to mifepristone”]. *Journal of Obstetrics and Women's Diseases*, 4(LI): 84–89.
- Chukreeva N.V. 2016. Istoricheskie jetapy jevoljucii system obespechenija i kontrolja kachestva lekarstvennyh sredstv [Historical stages of the evolution of quality assurance and control systems for medicines]. *Remedium*, 6: 44–50. DOI: 10.21518/1561-5936-2016-6-44-50
- Jukina I.I. 2019. Diskussija ob abortah v Rossijskoj Imperii: chastnaja zhizn' i novaja identichnost' [Debate on Abortion in the Russian Empire: Private Life and New Identity]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2: 243–262. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.11

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Revised August 24, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Немеров Евгений Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-5183-1961](https://orcid.org/0000-0001-5183-1961)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenij N. Nemerov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Kursk State Medical University, Kursk, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-5183-1961](https://orcid.org/0000-0001-5183-1961)

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 331.108.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-523-535

EDN FLWMEU

Реновация системы подготовки государственных гражданских служащих (на примере опыта Белгородской области)

Захаров В.М., Захарова И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

zakharov@bsuedu.ru, zakharova_iv@bsuedu.ru

Аннотация. Эффективная система подготовки гражданских служащих является ключевым фактором успешного функционирования государственного управления и достижения национальных целей. Ее формирование требует комплексного подхода, включающего актуализацию нормативных документов, образовательных стандартов, методов и инструментов обучения. Исследования в области профессионально-личностного развития государственных служащих находятся на начальной стадии и не охватывают всех аспектов построения гибкой и адаптивной системы подготовки кадров государственного управления. Целью исследования является разработка методических рекомендаций и организационно-управленческих подходов, направленных на формирование и устойчивое функционирование системы подготовки кадров государственных органов власти. В результате исследования были предложены приоритетные задачи: актуализация законодательной базы, регулирующих подготовку кадров в сфере государственного управления, развитие цифровой образовательной инфраструктуры, а также совершенствование системы оценки потребностей и механизмов мотивации сотрудников органов власти. Комплексная реновация системы подготовки государственных гражданских служащих, основанная на указанных задачах, позволит разработать и внедрить инструменты профессионального развития кадров государственного управления, способных оперативно реагировать на вызовы экономики и ориентированных на стратегическое развитие страны.

Ключевые слова: органы государственной власти, государственный гражданский служащий, подготовка кадров государственной службы, кадровая политика, профессиональное развитие

Для цитирования: Захаров В.М., Захарова И.В. 2025. Реновация системы подготовки государственных гражданских служащих (на примере опыта Белгородской области). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 523–535. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-523-535. EDN: FLWMEU

Renovation of the System of Civil Servant Training (Based on the Experience of the Belgorod Region)

Victor M. Zakharov, Irina V. Zakharova

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

zakharov@bsuedu.ru, zakharova_iv@bsuedu.ru

Abstract. An effective system for training civil servants is a key factor in the successful functioning of public administration and the achievement of national goals. Its formation requires a comprehensive

approach, including updating regulatory documents, educational standards, teaching methods, and tools. Research in the field of professional and personal development of civil servants is in its initial stages and does not cover all aspects of building a flexible and adaptive training system for public administration personnel. The aim of the research is to develop methodological recommendations and organizational and managerial approaches aimed at the formation and sustainable functioning of the training system for personnel of state authorities. As a result of the research, priority tasks were proposed: updating the legislative framework governing personnel training in the field of public administration, developing digital educational infrastructure, and improving the system for assessing needs and mechanisms for motivating employees of government bodies. A comprehensive renovation of the training system for civil servants that is based on these tasks will allow the development and implementation of tools for the professional development of public administration personnel, capable of responding quickly to the challenges of the economy and focused on the strategic development of the country.

Keywords: government bodies, civil servant, training of civil service personnel, personnel policy, professional development

For citation: Zakharov V.M., Zakharova I.V. 2025. Renovation of the System of Civil Servant Training (Based on the Experience of the Belgorod Region). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 523–535 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-523-535. EDN: FLWMEU

Введение

Система подготовки государственных служащих является неотъемлемой частью эффективного государственного управления и ключевым элементом реализации стратегических целей государства. В условиях современных вызовов – экономических преобразований, геополитической нестабильности и растущих требований к качеству государственной службы особое значение приобретают профессиональная подготовка и модели профессионально-личностного развития кадрового состава государственной службы. Широкий спектр элементов образовательной системы, включая высшее образование, переподготовку и т. д., реализуется в соответствии с законодательными требованиями и современными образовательными стандартами. Качественная система подготовки государственных гражданских служащих должна быть направлена на формирование компетентных, эффективных и социально ответственных сотрудников органов власти, способных достигать поставленных целей, оптимизировать процессы и повышать качество государственного управления.

Данное исследование направлено на изучение и оценку инструментов подготовки кадров государственного управления на основе опыта Белгородской области, которые формируются в условиях продолжающихся реформ в сфере государственного управления. В ходе исследования использовались: общенаучный диалектический метод познания, метод обобщения, анализа, системно-структурный и эмпирический методы.

Основные компоненты системы подготовки государственных гражданских служащих в Российской Федерации

Система подготовки государственных гражданских служащих – это комплекс мер и мероприятий, направленных на обеспечение органов государственной власти квалифицированными кадрами, способными эффективно выполнять свои должностные обязанности в соответствии с требованиями законодательства и потребностями общества. Эта система включает в себя различные этапы и формы подготовки, направленные на развитие профессиональных компетенций, личностных качеств и управленческих навыков государственных служащих [Матвеев, 2020].

Основными компонентами системы подготовки государственных гражданских служащих являются (рис. 1):

Рис. 1. Ключевые компоненты системы подготовки государственных гражданских служащих

Fig. 1. Key components of the system for training civil servants

1. Субъекты:

- государственные органы: определяют потребность в профессиональном развитии, планируют обучение, оценивают эффективность и качество подготовки, финансируют программы;
- государственные служащие: участвуют в оценке своих компетенций, формируют индивидуальные планы развития, проходят обучение, применяют полученные знания и навыки в работе;
- образовательные организации: разрабатывают и реализуют программы профессионального развития, проводят обучение, оценивают усвоение знаний;
- наставники, коучи, менторы: оказывают индивидуальную поддержку государственным служащим в их профессиональном развитии.

2. Объекты:

- компетенции государственных служащих: знания, умения, навыки, личные качества, необходимые для эффективного выполнения должностных обязанностей;
- программы профессионального обучения: конкретные образовательные мероприятия, направленные на развитие определенных компетенций;
- индивидуальные планы развития: документы, определяющие цели, задачи и пути профессионального развития конкретного государственного служащего;
- кадровый резерв: группа государственных служащих, обладающих потенциалом для замещения руководящих должностей.

3. Инструменты и ресурсы:

- нормативно-правовая база: законы, указы, постановления, регулирующие вопросы профессионального развития государственных гражданских служащих;
- федеральный портал государственной службы и управленческих кадров: информационный ресурс, содержащий сведения о программах повышения квалификации, вакансиях, конкурсах и т. д.;
- современные образовательные технологии: дистанционное обучение, электронные курсы, вебинары, интерактивные тренажеры;
- бюджетные и внебюджетные средства: финансовые ресурсы, направляемые на повышение квалификации;

- информационные системы управления обучением: платформы для организации процесса обучения и управления им;
- методические материалы: учебные пособия, рекомендации, кейсы, разработанные для программ ДПО.

4. Процессы:

- планирование: определение потребностей в обучении, разработка программ, составление планов;
- организация обучения: подбор образовательных организаций, заключение договоров, формирование учебных групп;
- реализация образовательных программ: проведение занятий, организация стажировок, обеспечение доступа к электронным ресурсам;
- оценка эффективности профессионального развития: оценка знаний, умений и навыков, полученных в результате обучения, а также влияния обучения на результаты работы;
- мониторинг и контроль: отслеживание реализации планов профессионального развития, выявление проблем и принятие мер по их устранению.

5. Принципы:

- непрерывность: обучение на протяжении всей карьеры;
- актуальность: соответствие программ потребностям государственной службы;
- результативность: ориентация на достижение измеримых результатов;
- доступность: равные возможности для всех;
- индивидуализация: учёт индивидуальных потребностей;
- практическая направленность: ориентация на применение знаний в работе;
- ответственность: участие государственного служащего в планировании и проведении обучения.

Нормативно-правовое регулирование профессиональной подготовки государственных служащих осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 21.02.2019 № 68 ¹ и Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ ².

Подготовка кадров государственной гражданской службы в Белгородской области

В июле 2023 года на базе мастерской управления «Сенеж» АНО «Россия – страна возможностей» прошла стратегическая сессия «Российская модель Центра развития компетенций государственных и муниципальных служащих», итогом которой стала комплексная модель открытия и функционирования Центров развития компетенций в регионах, которая предусматривает внедрение единых принципов и типовых решений наиболее актуальных задач в сфере управления персоналом в органах власти ³.

На конец 2024 года в 64 субъектах РФ Центры развития компетенций начали свою деятельность по решению ряда актуальных задач:

- популяризации государственной и муниципальной службы;
- повышению качества компетенций служащих;
- привлечению молодежи и управлению имиджем региональных органов власти.

¹ Указ Президента РФ от 21.02.2019 № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72179524/> (дата обращения: 29.07.2025)

² Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 29.07.2025)

³ Ассоциацию центров развития компетенций государственных и муниципальных служащих создадут на базе Мастерской управления «Сенеж». URL: <https://rsv.ru/news/1/5571/> (дата обращения: 28.07.2025)

В Белгородской области данный Центр функционирует на базе областного автономного учреждения «Институт региональной кадровой политики» (ОАУ «ИРКП»), основной целью деятельности которого является реализация единой кадровой политики на территории Белгородской области¹.

В 2019 году ОАУ «ИРКП» были переданы функции по реализации профессионального обучения государственных гражданских служащих области. Проведенная оценка качества ранее реализованных программ повышения квалификации и ресурсного обеспечения образовательной деятельности выявила следующие «слабые места»:

- отсутствие широкого спектра программ ДПО для получения актуальных знаний в сфере государственного управления, а также направленных на развитие личностных качеств государственных гражданских служащих;
- в большинстве программ повышения квалификации практические занятия составляли менее 30 % учебного времени;
- итоговая аттестация в форме тестирования показала себя как неэффективный метод оценки качества усвоенного материала слушателями.

Для решения названных проблем был инициирован проект «Совершенствование системы профессионального обучения государственных служащих области», целью которого стал переход на новую систему профессионального развития и апробация ее на не менее 60 % слушателей программ повышения квалификации.

Данная система профессионального обучения государственных служащих была построена на следующих принципах (рис. 2):

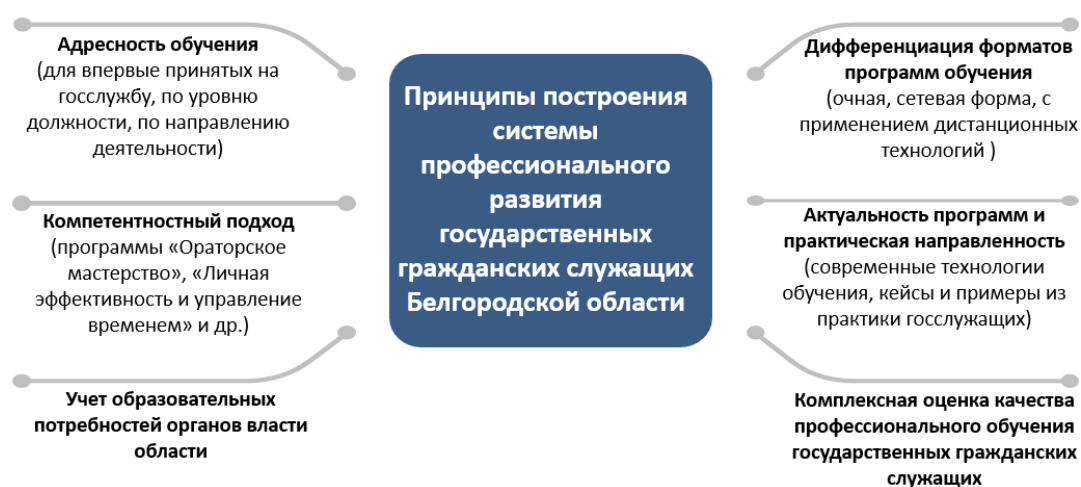

Рис. 2. Принципы построения системы профессионального развития государственных гражданских служащих Белгородской области

Fig. 2. Principles of building a system for professional development of civil servants in the Belgorod Region

1. В основу перечня программ обучения легли образовательные потребности органов власти области, адресность обучения и компетентностный подход.

2. Образовательные программы имеют выраженную практическую направленность (использование современных технологий обучения, кейсов и примеров из практики государственных служащих). По итогам мероприятий проводится комплексная оценка качества профессионального обучения, которая включает в себя:

- итоговую аттестацию по окончанию освоения программы в форме практических заданий, проектов и т.п.;

¹ Устав областного автономного учреждения «Институт региональной кадровой политики». URL: <https://irkp31.ru/sveden/document/> (дата обращения: 30.07.2025)

– анкетирование слушателей программ о качестве и содержании образовательного процесса, профессиональных качествах преподавателей, а также пожеланий по освоению других программ.

3. Проведение ежегодного мониторинга эффективности подготовки сотрудников органов власти области по следующим параметрам – количество обученных (отчисленных), доля успешно прошедших итоговую аттестацию, рейтинг образовательных программ и др.

Реализация указанного комплекса мероприятий позволила перейти на практико-ориентированную модель профессионального развития государственных служащих области и подготовить в период с 2020 по 2024 годы более 3 000 человек (рис. 3).

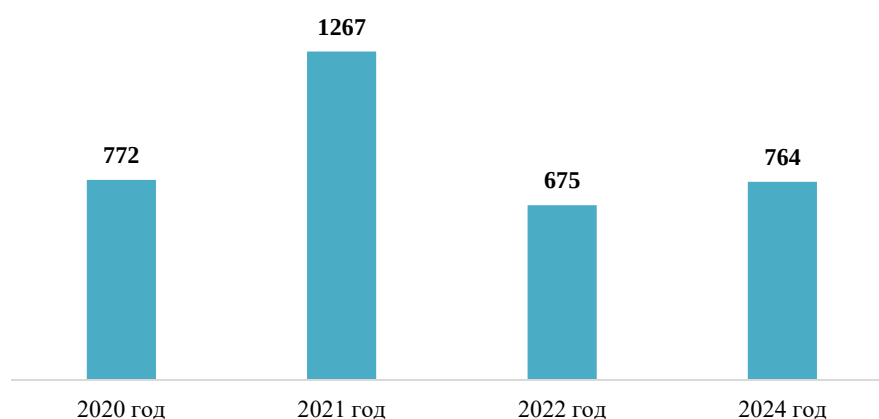

Рис. 3. Численность государственных служащих Белгородской области, прошедших обучение в рамках практико-ориентированной модели профессионального развития
Fig. 3. Number of civil servants in the Belgorod Region who have completed training under the practice-oriented model of professional development

В целях повышения эффективности государственного управления и результативности полученных профессиональных знаний государственных служащих ОАУ «ИРКП» регулярно проводится корректировка перечня образовательных программ с учётом приоритетных направлений профессионального развития, ежегодно утверждаемых министерством труда и социальной защиты РФ.

На рис. 4 показана численность государственных гражданских служащих, прошедших обучение по программам повышения квалификации в 2020–2024 годах (в разрезе направленности образовательных программ).

Обучение большого количества служащих (726 человек) по направлению «Программное, проектное и бережливое управление» связано в первую очередь с внедрением проектных и бережливых технологий в деятельность органов власти и государственных органов Белгородской области.

С целью снижения рисков коррупционных правонарушений, а также повышения эффективности деятельности по противодействию распространению экстремистских идей более 600 человек было обучено по направлению «Противодействие коррупции и профилактика терроризма». В рамках перехода сотрудников органов государственного управления области на отечественное программное обеспечение, а также ужесточения требований работы на коммуникационных платформах по направлению «Информационные технологии и цифровые коммуникации в деятельности государственных гражданских служащих» прошли обучение 477 человек. Преимущественно для сотрудников, впервые принятых на государственную службу, было реализовано несколько программ по направлению «Основы государственного управления и государственной гражданской службы» (472 человека).

Рис. 4. Численность государственных гражданских служащих Белгородской области, прошедших обучение по программам повышения квалификации в 2020–2024 годах (в разрезе направленности образовательных программ)

Fig. 4. Number of civil servants in the Belgorod Region who completed advanced training programs in 2020–2024 (in terms of the educational program focus)

С целью формирования всесторонне развитой личности, способной адаптироваться к меняющимся условиям, принимать взвешенные решения, эффективно взаимодействовать с гражданами и коллегами по направлению «Развитие потенциала государственных гражданских служащих» было обучено 464 человек. Более 200 государственных служащих прошли обучение по программам, связанным непосредственно с их профессиональной деятельностью; более 450 служащих прошли обучение по работе с обращениями граждан, управлению государственными закупками, нормотворческой деятельности и др. Часть вышеперечисленных программ ОАУ «ИРКП» реализовано самостоятельно с привлечением экспертов (в том числе представителей органов власти), а некоторые программы проходили в форме сетевого взаимодействия с региональными образовательными организациями высшего образования, а также ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России.

Проанализировав итоги реализации данного проекта, можно сделать вывод, что достигнуты значительные результаты в удовлетворении текущих образовательных потребностей сотрудников органов власти, что позволило обеспечить их профессиональный рост, повысить качество работы и оперативность решения поставленных задач. Однако проект не был ориентирован на решение одной из приоритетных задач государственной кадровой политики – это опережающее развитие компетенций государственных служащих. В связи с этим необходимо разработать и реализовать дополнительные мероприятия, направленные на подготовку кадров к будущим изменениям и новым задачам, стоящим перед государственным управлением.

Внедрение новых подходов в систему подготовки государственных служащих

К решению вышеуказанных задач предлагается следующий подход. Функции по координации и реализации деятельности по профессиональному развитию кадров органов власти должны быть переданы единому региональному оператору, который будет

отвечать за разработку, реализацию и оценку эффективности системы подготовки кадров государственной службы.

В мероприятия по реновации данной системы должны быть включены:

1. Инициация изменений в законодательство, регулирующее подготовку кадров, а также в федеральные государственные образовательные стандарты (с учетом анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление).

Актуализация образовательных, а также профессиональных стандартов необходима в связи с появлением новых требований к таким компетенциям, как аналитика больших данных, цифровые навыки, стратегическое мышление, навыки работы с искусственным интеллектом и т. д. [Марголин, 2024].

Изучение российскими исследователями международного опыта подготовки специалистов государственного управления позволило выделить следующие ключевые тенденции:

– в странах Европы актуализация образовательных стандартов для подготовки государственных служащих направлена на модернизацию учебных программ, развитие цифровых и практических навыков. В учебные программы включаются такие дисциплины (курсы), как цифровые коммуникации, анализ данных и кибербезопасность. Образовательные программы приводятся в соответствие с European Qualifications Framework (EQF), которая способствует признанию квалификации в разных европейских странах и системах и мобильности государственных служащих [Гвоздев, 2020];

– обновление образовательных стандартов в странах Азии предполагает адаптацию к новым технологиям, глобализации и меняющимся потребностям общества. Многие страны переходят на обучение, основанное на компетенциях, уделяя особое внимание практическим навыкам и результативности работы [Хабриева, Чжао Шимин, 2020]. Кроме того, все больше внимания уделяется непрерывному обучению и профессиональному развитию государственных служащих с упором на этику, лидерство и специальные знания. Например, во Вьетнаме сделан акцент на приведение образовательных программ в соответствие с конкретными требованиями к должностям, а также на этические качества работников государственной службы; Южная Корея уделяет большое внимание использованию современных технологий для подготовки кадров и эффективности государственной службы, включая платформы для онлайн-обучения и мобильные приложения [Мартынова, Лаврова, 2024].

Помимо изменений в стандарты высшего образования РФ, необходима также трансформация процессов разработки, нормативного закрепления и реализации государственных программ профессионального развития государственных служащих. Связано это со следующими факторами:

– изменениями характера вызовов и задач, стоящих перед государством: быстрые технологические изменения, глобализация, растущие требования граждан к качеству государственных услуг. Государственные служащие должны быть готовы к решению новых, сложных и многогранных задач, что требует постоянного повышения их квалификации и развития компетенций;

– необходимостью повышения эффективности и результативности государственного управления: квалифицированные и мотивированные государственные служащие способны принимать более обоснованные решения, эффективно использовать ресурсы и предоставлять качественные государственные услуги [Захаров, 2014]. Это, в свою очередь, повышает доверие граждан к государству и способствует социально-экономическому развитию страны;

– смещением акцента с традиционного администрирования на управление кадровым потенциалом и человекоцентрированный подход. Кадровая функция из вспомогательной

превращается в стратегическую, обеспечивая развитие кадрового потенциала, полностью учитывающее интересы личности.

2. Оценка рисков профессионального развития кадров, планирование и развитие карьеры государственных служащих.

При построении профессионального трека сотрудников органов власти кадровыми службами часто не учитываются мнения самих служащих, восприятия ими успешности карьеры, возможностей карьерного развития, факторов и условий, которые влияют на их карьерное продвижение. Проведение анализа потребностей в компетенциях позволит сосредоточить усилия на развитии именно тех знаний и навыках, которые действительно необходимы для повышения эффективности работы государственных служащих [Комиссаров, 2023]. При этом возможно использование различных инструментов сбора данных для получения информации о текущем уровне компетенций и потребностях в их развитии: проведение опросов и интервью, анализ должностных инструкций и профессиональных стандартов, результатов работы служащих, обратной связи от граждан и другие.

Оценка рисков профессионального развития кадров государственного управления должна быть основана на тщательном анализе потребностей в обучении, связанных со стратегическими целями органа власти, внедрением новых технологий и изменений в приоритетах государственной политики.

3. Внедрение новых методов и технологий развития кадрового потенциала в системе государственного управления.

По результатам опроса, проведенного АНО «Центр перспективных управленческих решений», текущая система подготовки государственных служащих недостаточно результативна: 43 % респондентов – сотрудников госорганов признали, что пройденные ими образовательные программы никак не влияют на качество их работы. При этом 90 % опрошенных, работающих в государственном секторе более 10 лет, считают, что их профессиональные навыки отстают от навыков коллег из коммерческого сектора [Байтеряков, Барышникова, 2021]. Государственные служащие в большинстве имеют высшее образование и потому более ориентированы на форматы обучения, предполагающие активное вовлечение и участие, чем на пассивное восприятие теоретических знаний.

Необходимо также укреплять взаимодействие между образовательными организациями и государственными органами: привлекать представителей органов власти к разработке и реализации образовательных программ, организовывать стажировки для преподавателей, развивать научные исследования в области государственного управления, реализовать совместные проекты. Отсутствие или недостаточная эффективность такого взаимодействия приводит к тому, что образовательные программы не соответствуют реальным потребностям государственного управления, а полученные знания и навыки не применяются на практике.

В целях аккумулирования информации о профессиональном развитии государственных служащих необходимо разработать онлайн-платформу, в которой, помимо образовательного контента, будут доступны данные о результатах аттестации, рекомендации по развитию служащих и другая информация. Такой ресурс будет способствовать получению актуальных знаний в той или иной сфере, росту личностного потенциала. Также на данной платформе государственные служащие могут проходить тестирование на выявление знаний, необходимых для поступления на гражданскую службу, анализировать кейсы и выполнять другие оценочные задания.

4. Обмен опытом в области подготовки государственных служащих, тиражирование лучших практик.

Установление широких внутристрановых и международных связей для обмена опытом, генерирования инноваций и подходов к обучению и развитию служащих является

важнейшим условием для создания современной и эффективной системы подготовки кадров для государственного управления. Развитие партнерских отношений в области государственного управления в последние годы демонстрирует положительную динамику:

– в 2022 году на базе Центра изучения Африки НИУ ВШЭ была запущена программа трансфера компетенций в сфере цифровизации государственного управления стран Африки (e-Governance Knowledge Sharing Program for Africa)¹, которая направлена на совершенствование государственного управления в странах Африки;

– в 2023 году в рамках Международного форума «РОСТКИ: Россия и Китай – взаимовыгодное сотрудничество»² были проработаны направления российско-китайского сотрудничества в области подготовки кадров государственной службы. Также в этом году началось сотрудничество между Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Высшей школой подготовки кадров государства и правительства Республики Куба³;

– в 2025 году открылась первая Летняя школа для государственных управленцев иностранных государств, которая объединила более 100 молодых парламентариев и государственных служащих из 42 стран, в том числе: Мали, Коста-Рики, Венесуэлы, Бразилии, Мексики, Нигерии, Сербии, Италии, ЮАР, Черногории, Боснии и Герцеговины и многих других стран⁴.

Тиражирование лучших кадровых практик в органах власти, которое с 2012 года проводилось Министерством труда и социального развития Российской Федерации в формате Всероссийского конкурса «Лучшие кадровые практики и инициативы в системе государственного и муниципального управления» в последние годы не проводится [Огородникова, 2022]. При этом видна тенденция по запуску новых федеральных проектов в области привлечения молодых специалистов в органы власти (Федеральная программа «ГосСтарт»), подготовки участников и ветеранов СВО к работе в госструктурах (Федеральная программа «Время героев»), развития кадрового потенциала органов власти (Всероссийского конкурса Управленческих инноваций) и др. [Бабинцев, Захаров, 2025].

5. Формирование механизмов и инструментов мотивации государственных служащих к профессиональному развитию. Это позволит повысить уровень профессионализма и компетентности служащих, привлечь и удержать талантливые кадры, создать благоприятную рабочую среду в органах власти [Захаров, Качурова, 2025].

Ключевыми факторами профессиональной мотивации к личностному росту должны стать:

– системный подход: мотивация должна быть частью комплексной системы управления персоналом и профессионального развития в органах власти;

– открытость и доступность: равные возможности для каждого при участии в программах карьерного роста;

– связь с результатами работы: предоставление возможностей для применения полученных знаний и навыков на практике, внедрения инициатив по улучшению качества

¹ Программа трансфера компетенций в сфере цифровизации госуправления для госслужащих из стран Африки. URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/ptc> (дата обращения: 30.07.2025)

² Россия и Китай укрепляют взаимовыгодное сотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/news/rossiya-i-kitaj-ukreplyayut-vzaimovuygodnoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 30.07.2025)

³ РАНХиГС и Высшая школа подготовки кадров Кубы подписали меморандум о сотрудничестве. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6896195> (дата обращения: 30.07.2025)

⁴ Молодым госслужащим из 42 стран представят российские практики госуправления. URL: <https://kadrsov.ru/all/ofitsialno/8206-molodym-gossluzhashim-iz-42-stran-predstavlyat-rossijskie-praktiki-gosupravleniya> (дата обращения: 30.07.2025)

работы государственных органов, включение гражданских служащих в состав экспертных советов/комиссий;

– поддержка со стороны руководства: создание рабочей атмосферы, способствующей профессиональному росту и развитию, поощрение достижений.

Заключение

Эффективная система подготовки государственных служащих сегодня приобретает характер экосистемы, в которую вовлечены не только органы власти и образовательные учреждения, но и профессиональные сообщества, исследовательские организации и граждане.

Реформирование кадровой работы в органах государственной власти Белгородской области требует системного и стратегического подхода. Приоритетной задачей становится актуализация законодательной базы, а также федеральных образовательных стандартов, учитывающих современные требования к компетенциям государственных служащих. Внедрение новых методов обучения, развитие форм сетевого взаимодействия и создание цифровых платформ для профессионального развития сотрудников обеспечат повышение качества подготовки кадров. Кроме того, важным аспектом является постоянная оценка потребностей сотрудников, а также формирование эффективных механизмов мотивации, ориентированных на личностный рост и привязанных к результатам работы. Активный обмен опытом и внедрение лучших практик как внутри России, так и на международном уровне позволит выстроить современную, гибкую и результативную систему подготовки и развития кадрового потенциала органов власти, способную эффективно отвечать на вызовы времени и обеспечивать повышение качества государственного управления.

Список литературы

- Байтеряков С.В., Барышникова А.В., Копыток В.К., Филиппова А., Шубина Д.О. 2021. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. Под ред. М.С. Шклярук. М., Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 118 с.
- Гвоздев В.А. 2019. Зарубежный опыт подготовки кадров для государственной гражданской службы. *Вестник Чувашского университета*, 2: 29–34.
- Бабинцев В.П., Захаров В. М., Серкина Я.И. 2025. Государственное и муниципальное управление. Москва, Юрайт, 247 с.
- Захаров В.М. 2014. Управление профессиональным развитием государственных и муниципальных служащих. Белгород., Издательский дом «Белгород», 259 с.
- Захаров В.М., Качурова Е.В. 2025. Государственная и муниципальная служба. Белгород, НИУ «БелГУ», 86 с.
- Комиссаров А.Г. 2023. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров. *Вестник МГУ*, 1: 63–85.
- Марголин А.М. 2024. Развитие профессиональных компетенций управленческих кадров как необходимое условие обеспечения реального суверенитета. *Государственная служба*, 4: 6–18.
- Мартынова С.Э., Лаврова Т.Б., Еварович С.А., Колесников А.М. 2024. Мировые тренды организации и методологии профессионального развития государственных служащих. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4: 67–85.
- Матвеев В.В. 2020. Зарубежный опыт управления персоналом государственной службы и его адаптация к условиям России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 1: 41–49.
- Огородникова М.В. 2022. Лучшие кадровые практики организации профессионального развития государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Документ в современном обществе: на пути к междисциплинарному изучению: материалы XV Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 8–9 апреля 2022, Екатеринбург, ООО «ТРИКС»: 167–170.

- Сладкова Н.М., Воскресенская О.А., Горковенко Ю.Л. 2023. HR-аналитика для управления эффективностью в госсекторе. *Государственная служба*, 1 (141): 64–75.
- Хабриева Т.Я., Чжао Шимин. 2020. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая. М., Юриспруденция, 396 с.
- Шебураков И.Б. 2022. Целостный подход к оценке современного государственного гражданского служащего. *Личность: ресурсы и потенциал*, 4 (16): 42–51.

References

- Baiteryakov S.V., Baryshnikova A.V., Kopytok V.K., Filippova A., Shubina D.O. 2021. Kadrovaya politika na gossluzhbe: tekushchiye problemy i neobkhodimyye izmeneniya [Personnel Policy in the Public Service: Current Issues and Necessary Changes]. Ed. M.S. Shklyaruk. Moscow, Publ. Accounts Chamber of the Russian Federation, Center for Advanced Management Solutions, 118 p.
- Gvozdev V.A. 2019. Zarubezhnyi opyt podgotovki kadrov dlya gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby [Foreign experience in training personnel for the civil service]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2: 29–34.
- Babintsev V.P., Zakharov V.M., Serkina Ya.I. 2025. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie [State and municipal administration]. Moscow, Publ. Yurait, 247 p.
- Zakharov V.M. 2014. Upravlenie professional'nym razvitiem gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh [Management of professional development for state and municipal employees]. Belgorod, Publ. Publishing House «Belgorod», 259 p.
- Zakharov V.M., Kachurova E.V. 2025. Gosudarstvennaya i munitsipal'naya sluzhba [State and municipal service]. Belgorod, Publ. NIU «BelGU», 86 p.
- Komissarov A.G. 2023. Metodologiya otsenki kompetentsii i otbor vysshikh upravlencheskikh kadrov [Methodology for assessing competencies and selecting senior management personnel]. *Vestnik MGU*, 1: 63–85.
- Margolin A.M. 2024. Razvitie professional'nykh kompetentsii upravlencheskikh kadrov kak neobkhodimoe uslovie obespecheniya real'nogo suvereniteta [Developing the professional competencies of management personnel as a necessary condition for ensuring real sovereignty]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 4: 6–18.
- Martynova S.E., Lavrova T.B., Evarovich S.A., Kolesnikov A.M. 2024. Mirovye trendy organizatsii i metodologii professional'nogo razvitiya gosudarstvennykh sluzhashchikh [Global trends in the organization and methodology of professional development for civil servants]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 4: 67–85.
- Matveev V.V. 2020. Zarubezhnyi opyt upravleniya personalom gosudarstvennoi sluzhby i ego adaptatsiya k usloviyam Rossii [Foreign experience in managing public service personnel and its adaptation to Russian conditions]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 1: 41–49.
- Ogorodnikova M.V. 2022. Luchshie kadrovyie praktiki organizatsii professional'nogo razvitiya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v Rossiiskoi Federatsii [Best practices for the professional development of civil servants in the Russian Federation]. Document in Modern Society: Towards Interdisciplinary Study: Proceedings of the XV All-Russian Student Scientific and Practical Conference, April 8–9, 2022, Ekaterinburg, Publ. LLC «TRIX»: 167–170.
- Khabrieva T.Ya., Chzhao Shimin. 2020. Opyt luchshikh praktik gosudarstvennoi sluzhby Rossii i Kitaya [Best practices in Russian and Chinese public service]. Moscow, Publ. Jurisprudence, 396 p.
- Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A., Gorkovenko Yu.L. 2023. HR-analitika dlya upravleniya effektivnost'yu v gossektore [HR Analytics for Performance Management in the Public Sector]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 1(141): 64–75.
- Sheburakov I.B. 2022. Tselostnyi podkhod k otsenke sovremennogo gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego [A holistic approach to evaluating a modern civil servant]. *Lichnost': resursy i potentsial*, 4(16): 42–51.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 05.08.2025
Поступила после рецензирования 26.08.2025
Принята к публикации 29.08.2025

Received August 05, 2025
Revised August 26, 2025
Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Захаров Виктор Михайлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Захарова Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor M. Zakharov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Irina V. Zakharova, Senior Lecturer of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 291.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547

EDN КСТЕНР

Региональная специфика мусульманской религиозности в Среднем Поволжье по данным советской социологии религии

Кильдеев М.В.

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Российская Федерация, 420081, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Николая Ершова, д. 58
makhmud_e@rambler.ru

Аннотация. Ретроспективное социологическое изучение проблемы региональной религиозной специфики сегодня актуально в условиях дефицита историко-этнографических и религиоведческих источников по теме. Цель исследования – раскрыть региональную специфику мусульманской религиозности в Среднем Поволжье, указав ее социологически фиксируемые признаки. На наш взгляд, корни современного поволжского ислама, его отличия от условных «кавказского» или «среднеазиатского» следует искать как в историческом прошлом, так и в 70-летнем периоде социализма. Исследование основано на социологических материалах республик и областей Среднего Поволжья, полученных в период с 1965 по 1990 годы. Использованы результаты проведенного автором в 2020 году социологического опроса среди татарского населения г. Казани. Применены разработанные в западной социальной психологии типологии религиозности. При ретроспективном анализе эмпирических данных зафиксировано существование в советских условиях таких явлений, как латентная или приватная, то есть недемонстрируемая публично религиозность, адаптивность, фемининность религиозности. Латентная религиозность социологически фиксируется как аномально низкий уровень религиозности в молодых возрастных категориях. Полученные результаты вносят вклад в изучение современной этноконфессиональной ситуации в регионе.

Ключевые слова: типы религиозности, «латентная» религиозность, женская религиозность, ислам в Среднем Поволжье

Для цитирования: Кильдеев М.В. 2025. Региональная специфика мусульманской религиозности в Среднем Поволжье по данным советской социологии религии. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 536–547. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547. EDN: КСТЕНР

Regional Specificity of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region According to the Soviet Sociology of Religion

Mansour V. Kildeyev

Kazan Institute of Cooperation, branch of Russian University of Cooperation
58 N.Yershov St, Kazan 420081, Republic of Tatarstan, Russian Federation
makhmud_e@rambler.ru

Abstract. Retrospective sociological research into regional religiosity specificity is especially relevant in the context of a shortage of historical, ethnographic and religious sources. The purpose of the study is to reveal the specifics of Muslim religiosity in the Middle Volga region. In our opinion, the roots of modern Volga Islam and features differing it from the conventional “Caucasian” or “Central Asian” counterparts should be sought in the past 70-year historical period of Soviet socialism. The article is based on the materials of the 1965–1990 Soviet era sociological research conducted in the Middle Volga region, as

well as on the findings of the 2020 sociological survey among the Tatar population in a suburban residential area of Kazan. The study also relies on the typologies of religiosity developed in Western psychology of religion. A retrospective analysis revealed the existence in Soviet conditions of such specific phenomena as latent and private religiosity, adaptability, and femininity in religiosity. Latent religiosity is sociologically recorded as an abnormally low level of religiosity in the young. The research findings may contribute to the study of the ethno-confessional situation in the Volga-Urals region.

Keywords: types of religiosity, “latent” religiosity, female religiosity, Islam in the Middle Volga region

For citation: Kildeev M.V. 2025. Regional Specificity of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region According to the Soviet Sociology of Religion. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 536–547 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547. EDN: KCTENP

Введение

Ряд авторов полагают, что в Среднем Поволжье сложился региональный вариант ислама, который обозначается как «поволжский» или «татарский» [Якуп, 2005, с. 115; Мухетдинов, 2005]. Его национальную специфику отмечают также исследователи этнографии тюркских народов, придерживающихся одного с татарами ханафитского мазхаба [Ярлыкапов, 2006]. В настоящий период усиливающаяся миграционная активность народов России и бывшего СССР привела к проникновению кавказских и среднеазиатских мусульман на территорию Среднего Поволжья и Приуралья. Одновременно в мусульманской среде появилось определенное напряжение, связанное в том числе и с тем, что мигранты приносят с собой некоторые особенности религиозной жизни своих стран [Попов, Старостин, 2016, с. 29]. В связи с этим усилился интерес исследователей к региональным формам бытования ислама [Мухаметшина, 2014; Аминев, Ямаева, 2020].

Для анализа современных конфессиональных процессов необходимо более детальное изучение источников советского периода, причем не только историко-политических и церковных, но и социологических. Отметим, что в советские времена по воле заказчика – партийных органов КПСС – не все социологические данные публиковались. Не принято было писать, например, о молодежной религиозности или об «интеллигентской». Поэтому почерпнутые из архивных дел данные позволяют дополнить картину мировоззренческого разнообразия советского общества.

В научной литературе преобладает достаточно одностороннее представление о «советском» исламе. Упоминая эту тему, современные исследователи – историки и религиоведы, пишут о прерывании религиозной традиции, об «аномальности», архаизации и «деинтеллектуализации» ислама, об обрядовом характере религиозности, о «бездуховности» советского общества и т. д. [Мухаметшин, 2005; Миннуллин, 2003] Специфика ислама народов СССР сводится авторами к тому, что это «бытовая» или «традиционная», в веберовском понимании, религия, причастность верующих к которой достигалась участием в совместных ритуалах. Такие характеристики предмета, как правило, сформированы под влиянием советской атеистической парадигмы, в которой религиозность рассматривалась как явление, лишённое будущности.

Предмет данного исследования – региональная мусульманская религиозность в Среднем Поволжье в позднесоветский и постсоветский периоды. Цель исследования – раскрыть региональную специфику мусульманской религиозности в Среднем Поволжье, указав ее социологически фиксируемые признаки.

Методологические и теоретические основы исследования проблемы

Основу мусульманской религиозности составляет система вероучения, сложившаяся к X веку и с тех пор мало изменившаяся. Она включает в себя, прежде всего признание Аллаха и его посланника Пророка Мухаммеда. В тесной связи с ним находятся четыре

практических требования, которые должны выполняться мусульманами неукоснительно: намаз (молитва); ураза (пост), закят (милостыня, имущественные отчисления в пользу бедных) и хадж (паломничество в Мекку) [Кильдеев, 2017, с. 66]. Следующий компонент религиозности – обрядово-культовая система, которая в процессе исторической эволюции ислама претерпевала изменения. В осуществлении ритуалов и обрядов не исключены специфические особенности, характерные для той или иной местности. Локальная специфика довольно сильно выражена во всем исламском мире, что не мешает осознанию его единства как *уммы*. В историко-этнографической литературе в последние годы активно рассматривается региональная специфика мусульманских верований, традиций и обычаев, которые адаптировались к советским реалиям и частично дошли до наших дней [Агишев, Бареев, 2020; Мухаметшина, 2014].

Наиболее динамичным, постоянно меняющимся компонентом религиозности является регулирующая жизнь верующих система социально-моральных принципов и нормативно-регулятивных предписаний, которые также воспринимаются как часть религии. В условиях трансформации общества социально-экономические, моральные и политические принципы и предписания ислама получают новое отображение, влияя на социальное поведение верующих и их образ жизни.

Для проблемы региональной специфики религиозности особое методологическое значение имеет социологический подход к религии, основанный на трудах М. Вебера. Основоположник социологии религии Вебер, не вдаваясь в изучение явлений, выходящих за пределы опыта, во-первых, характеризовал религию как мотивирующий и смыслополагающий фактор в деятельности людей. Во-вторых, он настаивал, что социологический подход должен быть основан на эмпирических данных, подразумевая их достаточно длительный и систематический сбор [Вебер, 1990, с. 628]. И, добавим, в-третьих, в современной социологии религии осмысление религиозных феноменов осуществляется в специальных, ценностно нейтральных терминах, центральным из которых является понятие «религиозность». В советские времена этот научный подход, со многими оговорками, в целом был реализован. Начиная со второй половины 1960-х годов были осуществлены масштабные, комплексные, теоретически обоснованные в марксистской парадигме проекты по изучению мировоззренческих ориентаций населения СССР. В более ранний период для отечественного обществоведения, по словам западногерманского социолога Р. Альберга, были характерны абстрактные дедукции и генерализации без конкретного информационного содержания [Ahlberg, 1989]. Важными преимуществами применения социологического подхода стало то, что под теоретические выводы стала подводиться надежная почва конкретно-эмпирических исследований. Поэтому работы региональных авторов-социологов [Балтанов, 1973; Соловьев, 1987] резко контрастируют с прежними, во многом схоластическими, трудами на темы научно-атеистического воспитания.

В Среднем Поволжье мусульманская религиозность так или иначе затрагивается социологическими исследованиями проблем «атеистического воспитания», проведенными в период с 1965 по 1990 годы [Кильдеев, 2017, с. 69]. Данные этих исследований являются источником не только для количественной характеристики региональной мусульманской религиозности (то есть о ее укорененности в различных социальных стратах), но и для ее качественной характеристики, которая не всегда становится предметом социологического анализа.

В социологии для качественной характеристики религиозности применяется понятие «тип религиозности». В классической социологии религии выделяют, например, «регулярный» тип религиозности, ориентированный на священные тексты и их толкования, и «харизматический», предполагающий ориентацию на религиозные переживания и на некоего «живого лидера»; «высшие» и «низшие» типы религиозности [Метлицкая, 2020, с. 28]; мистический и аскетический, «социальный» и «духовный» типы [Самарина, 2018, с. 106]. Типологии указывают на те или иные компоненты, которые

образуют современную религиозность. Г. Олпорт выделяет «внешний» и «внутренний» тип религиозности. На взгляд Г. Олпорта религиозные чувства большинства людей незрелы и утилитарны. «Внешняя», неразвитая религиозность присуща людям, для которых их религиозность – средство достижения нерелигиозных жизненных целей («для удобства в семье, для личностного комфорта»). Посещение церкви, участие в религиозных обрядах, в деятельности религиозных организаций, внешнее благочестие являются для них средствами доказать свою социальную респектабельность, лояльность по отношению к общепринятому образу жизни [Allport, 1968, p. 149]. «Внутренняя», подлинная религиозность присуща тем верующим, которые руководствуются в жизни религиозной верой, подчиняя свое поведение религиозным нормам и предписаниям. У подлинно верующих в большей степени преобладают такие чувства, как терпимость, милосердие, эмпатия, связанное с этим принятие людей с иным религиозным мировоззрением и иной системой ценностей [Allport, 1968, p. 233]. В конечном счете, цель данной типологии – показать функциональность религиозных идей в современном секуляризованном западном обществе. При этом религиозный фанатизм и экстремизм, нетерпимость к религиозным диссидентам и иноверцам оставляются Олпортом за скобками как дисфункциональные явления.

Необходимо обозначить подходы иных общественных дисциплин (исламоведения, истории, этнографии), которые изучают религию сравнительно-историческим методом. Для понимания мусульманской религиозности этими дисциплинами методологически важно различение двух уровней в исламе: «неофициального» или «параллельного» и «официального», которое ввел автор труда «Мусульмане в СССР» А. Беннигсен [1983]. Исследователи, рассматривая «советский» ислам в регионе в зависимости от методологического фокуса расценивают его как аномальное и преходящее явление либо как самостоятельное и функциональное.

«Внутреннее» исламоведение в стране после 1991 года как самостоятельная дисциплина формируется практически заново [Сапронова и др., 2020, с. 124]. Академические исламоведы, тяготеющие к изучению богословия, и историки, специализирующиеся на истории официального духовенства, категорично описывают состояние мусульманской религиозности в советском Среднем Поволжье как неполноценное и аномальное. По мнению Р.М. Мухаметшина, «...ислам архаизировался», а отсутствие системы мусульманского образования повлекло за собой «общую деинтеллектуализацию ислама» [2005, с. 43]. И.Р. Миннуллин пишет об утрате в годы советской власти преемственности в религиозной мусульманской традиции [2003, с. 2]. Исламоведы, специализирующиеся на изучении современных течений в исламе, и этнографы, напротив, усматривают в региональном исламе непрерывную качественную специфику [Якупов, 2005, с. 115; Мухетдинов, 2005; Ярлыкапов, 2006].

В работе используется методология архивно-социологического исследования. Для оценки актуального состояния проблемы использованы результаты авторского опроса, проведенного в 2020 году. В нем приняли участие горожане-татары – жители одного из окраинных жилых массивов г. Казани [Кильдеев, 2024]. Метод исследования – телефонное интервью, опрошено 104 человека в возрасте от 54 до 87 лет (1966 года рождения и старше). Применение подобной опросной методики для изучения ретроспективных вопросов религиозности ранее успешно применялось в постсоветской социологии [Каарияйнен, Фурман, 2007].

Латентность и приватность как часть специфики советского ислама в Среднем Поволжье

Социальной нормой для религиозной личности в традиционном обществе является *набожность* – глубокая религиозная вера, со строгим соблюдением обрядов и предписаний. В советских реалиях развилось такое явление как латентная, то есть

недемонстрируемая публично религиозность, недоступная для изучения обычными для исследователей методами наблюдения или анализа печатных источников.

В имеющихся в нашем распоряжении социологических данных 1960–1970-х годов обращает на себя внимание то, что они фиксировали аномально низкую религиозность в младших возрастных категориях при сохранении религиозности в более старших категориях. Так, согласно итогам исследования, проведенного в 1966 году университетскими социологами среди населения г. Казани, доля верующих в возрастных категориях до 30 лет не превышала 2–3 процентов¹. Двумя десятилетиями позднее, по результатам аналогичного исследования, проведенного 1989 году, в возрастных когортах, которые на 1966 год входили в категорию «молодежи», верующих оказалось на порядок больше (17–26%).² Латентная религиозность была свойственна не только мусульманам Среднего Поволжья. Латентной религиозностью части молодого поколения объясняют сегодня стабильность численности православных верующих в период 1940–1970-х годов [Сергеева, 2016, с. 10].

Скрывающие свои убеждения, «верующие в душе» мусульмане – это чисто советское явление, причем более свойственное европейской части СССР. Исследователи из республик Средней Азии, например социолог из Каракалпакии Ж. Базарбаев, возражали по поводу причисления не соблюдающих обряды к верующим мусульманам: «Чтобы стать подлинно верующим, человек должен не только внутренне воспринять веру, но и непрестанно материализовывать ее как в своих обрядах, так и в тех конкретных требованиях, которые будто бы предъявлены людям от имени Аллаха» [Базарбаев, 1973, с. 96]. В этом заочном споре налицо разница в религиозном менталитете двух регионов, в одном из которых мусульмане находились на положении религиозного меньшинства, в другом – были доминирующим населением.

Советские социологи, характеризуя тип религиозности советских верующих, как правило, сходились во мнении, что эта религиозность носит не совсем «правильный» характер. Из советских авторов об «аномальности» региональной мусульманской религиозности довольно определенно высказался казанский социолог Р.Г. Балтанов: «у нас нет верующих классического типа» [Балтанов, 1973, с. 95]. Господствовала точка зрения об утилитарном – «обрядовом», ритуальном, имитационном характере религиозности [Атеизм в СССР, 1986, с. 94–95]. Считалось, что участники обрядов, особенно молодежь, руководствовались не религиозными мотивами, а ситуативными утилитарными соображениями. Исследователь религиозности татар Горьковской области А.М. Орлов в свое время критиковал точку зрения об утилитарной обрядовости как основе мусульманской религиозности [Орлов, 1973, с. 77]. Его опрос среди татарской молодежи Горьковской области показал, что молодые верующие были хорошо знакомы с категориями мусульманского вероучения, и осознанно связывали их с морально-этической сферой [Орлов, 1973, с. 87].

Антирелигиозная направленность системы образования и воспитания сохранялась вплоть до отмены в марте 1990 года 6-й статьи Конституции СССР и прекращения действия партийных постановлений о «научно-атеистическом воспитании». С этого момента для конфессий начинается период «религиозного возрождения», что отразилось и на характере религиозности. В городах Среднего Поволжья ислам развивает высокую социальную активность, вокруг него создаются общественно-политические, благотворительные, просветительские, издательские организации. Религиозность из приватной возвращается в публичную сферу. Наблюдаются и другие изменения: размывается этнический характер религии, из-за рубежа проникают новые формы

¹ «Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани». Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 263, 264.

² ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626. Л. 47.

религиозной жизни. Однако черты, сложившиеся в ту эпоху, по-прежнему находят отражение в современной религиозной жизни.

Как показало авторское исследование, всестороннее подавление религиозных чувств сказалось на религиозном поведении современных татар. Верующие на всю жизнь усвоили, что *«нельзя вслух говорить о своей вере» (Альфинур, 66 лет)*. Респонденты в качестве одного из важных качеств верующего человека называют сдержанность в проявлении религиозных чувств. *«Никто [при советской власти] не запрещал верить в Аллаха, [вера] была у каждого внутри... Татары все внутренне верили, но на улице никто об этом не рассказывал» (Рашидя, 71)*. При этом респонденты скептически характеризуют публичность веры и показную набожность, свойственные новым поколениям верующих (*«нельзя напоказ выставлять свою веру, вера должна быть в душе»*, Факия, 74 года).

По мнению Г. Олпорта, верующий может быть по-разному мотивирован к участию в религиозной жизни и проявлению собственной религиозности: мотивация бывает как внутренней, исходящей из личных, глубинных побуждений; так и внешней, выступая как форма адаптации индивида к социальной среде. Характеризуя «советский» ислам как регулятор морально-этической сферы жизни верующих следует учесть, что он не вписывался в рамки «внешней», утилитарной религиозности. Принадлежность к верующим, а тем более к верующим мусульманам, в советские годы не могла быть признана рациональным поведением. По сей день, с точки зрения отечественного обществоведения, глубоко верующий мусульманин – нерациональный индивид, поскольку добровольно налагает на себя ограничения, навлекает недоверие государственных структур, поступает вопреки светскому общественному мнению [Шишелякина, 2017].

Несмотря на ожидаемые стеснения, часть населения в условиях застоя именно в религии стала искать моральную поддержку. В исламе верующие в большей степени видели источник, противоположный позднесоветским энтропии и хаосу. Ислам рассматривался как фактор, традиционно способствующий формированию социально одобряемых социальных норм. Охватившие общество и государство патологические явления порождали неверие людей в справедливое устройство общества. Это стимулировало приток людей в религиозные общины. Опрошенные нами в 2020 году респонденты отрицательные, всем хорошо известные стороны советского образа жизни связывают с отсутствием религиозной веры *«Неверующие были кругом (езде)» («ханым», не представилась по имени, 80 лет)*. *«Многие из наших верующих соседей до сих пор живы, а неверующие, бездельники, пьяницы – на том свете» (Ахметгарей, 84 года)* [Кильдеев, 2024, с. 62]. Люди, воспитанные в мусульманских традициях, не допускали для себя иного образа жизни, кроме традиционного, поскольку не видели ему равноценной альтернативы.

Адаптивность

Исследование 1986 года в Казани и Арском районе показало, что большинство верующих татар не подтверждали свою религиозную веру предписываемым религиозным поведением, например, не читали намаза и не придерживались религиозного поста [Кильдеев, 2017, с. 66–67]. Здесь также сказывались навыки советского конформизма. В «классическом» исламе послабления допустимы только в случае болезни, беременности или преклонного возраста. Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири, напротив, избегало осуждения непоследовательных верующих и неоднократно издавало *фетвы*, освобождавшие от соблюдения поста работающих и несовершеннолетних [Петраш, Хамитова, с. 330]. Органы власти отмечали, что модернистское духовенство причисляет к мусульманам «все татарское население» и настаивает на полном «охвате его религиозной обрядностью»¹.

¹ Приложение к справке о работе Чистопольского горкома КПСС по атеистическому воспитанию. ЦГАИПД РТ. Ф.15 Оп. 8. № 1574а. Л. 176.

О степени адаптивности и конформизма советских верующих говорит и тот факт, что дети из верующих семей не уклонялись от вступления в пионерские организации и в комсомол, чей Устав обязывал членов вести «решительную борьбу» с «религиозными предрассудками». Об этом говорят данные, полученные А.М. Орловым [Орлов, 1977, с. 147]. Авторское исследование в Казани подтверждает данный факт. Большинство опрошенных нами (75%) ответили, что по крайней мере один из их родителей был религиозным человеком. При этом на вопрос о собственном членстве в комсомоле 90% респондентов дали утвердительный ответ.

Этнический характер религиозности

Социологические исследования позволяют установить картину дифференциации уровня религиозности в зависимости от региона и местности проживания. Социологические исследования, проведенные в 1960–70-х, показывают, что татары за пределами Татарии и Башкирии были религиознее своих соплеменников из обеих «мусульманских» автономий, и в целом, религиознее других народов этих регионов [Кильдеев, 2014, с. 136]. Условия для высокой религиозности татар в соседних областях и республиках мы связываем с конвенциональной практикой игнорирования местными властями факта существования неофициального ислама. На эту тему высказался уполномоченный Совета по делам религий по Чувашской АССР Б.А. Краснов: «Следует признать, что мусульманская религия в республике со стороны уполномоченных Совета оказалась в смысле внимания на второстепенном месте, т.е. по сути был нарушен принцип равноправия религиозных объединений. Сказалось монопольное положение русской православной церкви, которая требовала и требует значительных усилий со стороны уполномоченного в решении повседневных вопросов»¹. Ответным условием этой негласной договоренности становился отказ верующих от участия в инициативах по легализации религиозных общин.

Социологические исследования в городах Среднего Поволжья фиксировали моноэтничность мусульманских общин. В иноязычном этническом окружении городские мечети становились центром притяжения для татарского населения, то есть возрастало значение их коммуникативной функции. Ученый секретарь Института научного атеизма при ЦК КПСС Ю.П. Зуев отмечал, что действующие мечети в городах центрально-европейской части России служат представителям татарской национальности своеобразным «национальным клубом»².

Фемининность

Еще одна особенность региональной мусульманской религиозности в советские времена, подтверждаемая социологическими опросами – это численное преобладание женщин среди верующих [Ахметова, 1972, с. 50]. Данную особенность можно обозначить как «фемининность». В те времена не было принято, чтобы мечети посещались женщинами. Оперативный учет количества верующих мусульман власти осуществляли в дни религиозных праздников в официально действовавших мечетях. Это давало ограниченную статистику, так как учитывались только мужчины-верующие. В Татарской АССР посещение мечетей женщинами впервые фиксируется в 1968–1969 годах. В 1970 году женщины посещали мечети в Казани и Чистополе на таравих-намаз в последние дни месяца Рамазан³, но в праздничной молитве на Ураза-байрам и Курбан-байрам по-

¹ О деятельности мусульманских религиозных объединений на территории Чувашской АССР (1988). Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1857. Оп. 4. № 152. Л. 16.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. № 86. Л. 12.

³ Национальный архив Республики Татарстан (сокращенно – НА РТ). Ф. 871. Оп. 1. № 41. Л. 188.

прежнему не участвовали¹. При этом имамы и мужчины-верующие к их присутствию относились неодобрительно². В отдельных селах Ульяновской области женщины допускались до богослужения в дни религиозных праздников [Идиатуллов, 2010, с. 66]. В двух законно действовавших мусульманских общинах Чувашской АССР еще в 1983 году «женщин вообще не пускают в мечеть и их там никогда не видели»³. В то же самое время в мечети г. Москвы, Ташкента, Уфы женщины допускались беспрепятственно. В 14 мечетях Башкирской АССР в день Курбан-байрам в 1974 году женщины составили около 10 % участников праздничных богослужений⁴. Посещение мечетей было разрешено женщинам и в кавказских республиках. В Среднем Поволжье это новшество наталкивалось на противодействие прихожан, которые были настроены более консервативно, чем духовенство.

Большая степень религиозности среди женщин диагностирована исследованием 1966 года в Казани. Среди мужчин-татар верующие составили 15,8 %, среди женщин-татарок – 32,8 %. В русской подвыборке разрыв был еще сильнее, соответственно – 7,6 % мужчин и 27 % женщин [Балтанов, 1968, с. 89]. Дальнейшие исследования показали, что к концу 1980-х разрыв между женской и мужской религиозностью у татар сохраняется. В 1987 году среди татар – жителей Казани мужчин, верящих в существование Аллаха было 23 %, а среди женщин – 35 %⁵.

Обзор советской литературы по социологии религии, выполненный исследователем из США У. Флетчером, показал, что сбалансированность гендерной структуры общин была свойственна советским баптистам, меннонитам и пятидесятникам [Fletcher, 1981, р. 88]. Баланс полов в структуре религиозной общины соответствует положению религиозности как основе социальной жизни. Так, в этнической группе татар Нижегородской (до 1991 года – Горьковской) области, которая всегда отличалась сильными религиозными традициями, в 1971 году религиозность среди мужчин составила 40 %, среди женщин – 61 % [Орлов, 1974, с. 94].

Заключение

Нам удалось социологически выявить и подтвердить существование ряда специфических для мусульманской религиозности в Среднем Поволжье черт, таких как латентность и приватность, адаптивность, до некоторой степени «фемининность». Умалчивание респондентов в беседах с социологами о своей вере дает основания утверждать о существовании «латентной» или «приватной» религиозности. Вследствие мощного внешнего воздействия советские верующие, полагаясь на проповеди модернистского духовенства, реализовывали адаптивные тактики, позволявшие им поддерживать социальные связи с неверующими и иноверцами. «Фемининность» или преобладание женщин среди верующих также зафиксирована количественными данными. Эти обобщенные характеристики религиозности связаны с тем, что верующие вынужденно приспособлялись к советским социально-политическим реалиям. Вышеуказанные свойства отличают региональный мусульманский менталитет от условных «среднеазиатского» или «кавказского».

Полученные результаты вносят вклад в развитие темы религиозной этноспецифики в российских условиях. Наш взгляд, перспективным представляется дальнейшее изучение неофициальной религиозности, в том числе с помощью ретроспективных опросных методик.

¹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 7. № 1843^а. Л. 15.

² НА РТ. Ф. 871. Оп. 1. № 41. Л. 188.

³ ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 4. № 111. Л. 119.

⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 71. № 240. Л. 4.

⁵ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 934. Л. 7.

Список источников

- Атеизм в СССР: Становление и развитие. 1986. М., Мысль, 235 с.
- Идиатуллин А.К. 2010. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области. Дис... канд. ист. наук (07.00.07). Чебоксары, 253 с.
- Миннуллин И.Р. 2003. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930е гг. Автореферат дис... канд. ист. наук (07.00.02). Казань, 26 с.
- Орлов А.М. 1977. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде: (Исследования групп татар. населения в Горьк. и Пенз. обл.). Дис. ... канд. философских наук (09.00.06). Москва, 198 с.

Список литературы

- Аминев З.Г., Ямаева Л.А. 2020. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: Триумф. 224 с.
- Ахметова С. Дин тотучыны яхшы белергә. *Атеизмны – массага* [төз. А.Н. Калаганов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 49–62 бб. (на тат. яз.)
- Базарбаев Ж. 1973. Типология современных верующих мусульман. *Философские науки*, 3: 95–101.
- Балтанов Р.Г. 1968. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани. *Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма*. М.: 87–91.
- Балтанов Р.Г. 1973. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, Казанский университет, 251 с.
- Бареев М.Ю., Агишев Р.Р. 2020. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе. *Регионоведение*, т. 28, 2: 303–321.
- Беннигсен А.А. 1983. Мусульмане в СССР. Париж: Ymca Press: 90 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 808 с.
- Каариайнен К., Фурман Д.Е. 2007. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий. *Общественные науки и современность*, 2: 78–95.
- Кильдеев М.В. 2014. Уровень мусульманской религиозности населения в Среднем Поволжье и Приуралье по данным советских социологических исследований (1966–1991). *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, т. 32, 1: 131–150.
- Кильдеев М.В. 2017. Ранний этап развития отечественной социологии религии на примере социологического изучения мусульманской религиозности в Среднем Поволжье. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2 (46): 64–69.
- Кильдеев М.В. 2024. Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 17(1): 53–68. DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68
- Метлицкая З.Ю. 2020. Генри Мор как критик "харизматической религиозности". *Философия религии: аналитические исследования*: т. 4, 1: 27–41. DOI: 10.21146/2587-683X-2020-4-1-27-41
- Мухаметшин Р.М. 2005. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, Татарск. кн-е изд-во, 246 с.
- Мухаметшина А.В. 2014. Ислам в Среднем Поволжье: общее и особенное. Казань, Татарск. кн. изд-во, 245 с.
- Мухетдинов Д.В. 2006. Мусульмане Поволжья: современная проблемная ситуация. *Ислам в современном мире: ежеквартальный альманах*, 1(3): 26–30.
- Орлов А. 1973. О характере и структуре пережитков ислама (по материалам социологических исследований среди татарского населения Горьковской области). *Проблемы исследования структуры религиозного сознания*. Тезисы докладов и выступлений. Горьковск. гос. пед. ин-т им. М. Горького. Горький: 76–93.

- Орлов А.М. 1974. Опыт исследования процесса секуляризации в татарских селах. *Вопросы научного атеизма*. Выпуск 16. М., Мысль: 89–102.
- Петраш Ю.Г., Хамитова Р.М. 1966. К характеристике процесса модернизации современного ислама в СССР. *Вопросы научного атеизма*. Выпуск 2. Модернизация религии в современных условиях. М., Мысль: 322–334.
- Попов Д.С., Старостин А.Н. 2016. Радикальный исламизм на Урале. *Россия и мусульманский мир*, 7: 28–32.
- Самарина Т.С. 2018. Теория уровней религиозности в классической феноменологии религии. *Религиоведение*, т. 2, 2: 101–109.
- Сапронова М.А., Чечевишников А.Л., Ярлыкапов А.А. 2020. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама. *Полис. Политические исследования*, 2: 122–136.
- Сергеева А.Н. 2016. Религиозность приватная vs религиозность публичная: эволюция религиозности в СССР/России. *Социально-политические науки*, 3: 7–13.
- Соловьев В.С. 1987. По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма, и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 159 с.
- Шишелякина А.Л., Бобров И.В. 2017. «Чужие» среди «своих»: о практиках ношения мусульманского платка в немусульманском российском регионе. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2(37): 146–154.
- Якупов В. 2005. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, Иман, 144 с.
- Ярлыкапов А.А. 2006. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа. *Этнографическое обозрение*, 2: 59–74.
- Ahlberg R. 1989. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung. *Osteuropa*. Vol. 39, 5: 478–496.
- Allport G.W. 1968. The Person in Psychology: Selected Essays. Beacon Press, 440 p.
- Fletcher, William C. 1981. Soviet Believers: The Religious Sector of the Population. Regents Press of Kansas, 259 p.

References

- Ahlberg R. 1989. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung. *Osteuropa*, v. 39, 5: 478–496.
- Akhmetova S. Din totuchyny yahshy belergä [To know a Believer well]. *Ateizmny – massaga*. [Collected by A.N.Kalaganov], Kazan, Tatar. kit. nashr., 1972: 49–62. (in Tatar)
- Allport G.W. 1968. The Person in Psychology: Selected Essays. Beacon Press, 440 p.
- Aminev Z.G., Yamaeva L.A. 2020. “Bashkirskij islam”: istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie [“Bashkir Islam”: Origins, Evolution, Current State]. Moscow, Triumf, 224 p.
- Baltanov R.G. 1968. O nekotorykh itogakh vyborochnogo issledovaniya religioznosti u tatarskoi chasti naseleniya g.Kazani [On some Results of a Survey Study of Religiosity among the Tatar Part of the Population of Kazan] *Modernizatsiya islama i aktual'nye voprosy teorii nauchnogo ateizma. Abstracts of reports*. Institut nauchnogo ateizma. Moscow: 87–91.
- Baltanov R.G. 1973. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya. (Problemy konkretno-sotsiologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR) [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education.]. Kazan, Kazan university, 251 p.
- Bareyev M.Y., Agishev R.R. 2020. Regional'nye osobennosti nekotorykh traditsii i obycheev v sovremennom isleme [Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam]. *Regionologiya*, v. 28, 2: 303–321. DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321
- Bazarbayev Z. 1973. Tipologiya sovremennykh veruyushchikh musul'man [Typology of Modern Muslim Believers]. *Filosofskie nauki*, 3: 95–101.
- Bennigsen A.A. 1983. Musul'mane v SSSR [Muslims in USSR]. Paris, Ymca Press, 90 p.
- Fletcher, William C. 1981. Soviet Believers: The Religious Sector of the Population. Kansas, Regents Press of Kansas, 259 p.
- Kääriäinen K., Furman D. E. 2007. Religioznost' v Rossii v 90-e gody 20 — nachale 21 veka. [Religiosity in Russia in the 90s of the 20th — Early 21 Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2: 78–95.

- Kildeyev M. 2014. Uroven' musul'manskoi religioznosti naseleniia v Srednom Povolzh'e i Priural'e po dannym covetskikh sotsiologicheskikh issledovaniy (1966-1991) [The Level of Muslim Religiosity in the Middle Volga and Ural Regions According to Soviet Sociological Surveys (1966-1991)]. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, v. 32, 1: 131–150.
- Kildeyev M. 2017. Rannij etap razvitiya otechestvennoj sociologii religii na primere sociologicheskogo izucheniya musul'manskoy religioznosti v Srednem Povolzh'e [The Early Stage of the Russian Sociology of Religion on the Example of the Studies of the Muslim Religiosity in the Middle Volga Area]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 2 (46): 64–69.
- Kildeyev M. 2024. Gorodskie osobennosti musul'manskoy religioznosti v Srednem Povolzh'e [Urban Features of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 17(1): 53–68. DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68
- Metlitskaya Z.Y. 2020. Genri Mor kak kritik "kharizmaticheskoi religioznosti" [Henry More as a Critic of "Charismatic Religiosity"]. *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya*, v. 4, 1: 27-41. DOI: 10.21146/2587-683X-2020-4-1-27-41
- Mukhametshin R.M. 2005. Islam v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v XX veke [Islam in the Social and Political Life of the Tatars and Tatarstan in the XXth century]. Kazan, Tatar Book Publishers, 246 p.
- Mukhametshina A.V. 2014. Islam v Srednem Povolzh'e: obshchee i osobennoe [Islam in the Middle Volga Region: General and Special]. Kazan, Tatar. book. publ., 245 p.
- Mukhetdinov D.V. 2006. Musul'mane Povolzh'ya: sovremennaya problemnaya situatsiya [Muslims of the Volga Region: Modern Problematic Situation]. *Islam v sovremennom mire: Quarterly Almanac*, 1(3): 26–30.
- Orlov A. 1973. O kharaktere i strukture perezhitkov islama (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy sredi tatarskogo naseleniya Gor'kovskoi oblasti) [On the Nature and Structure of the Remnants of Islam]. *Problemy issledovaniya struktury religioznogo soznaniya. Tezisy dokladov i vystuplenij*. Gor'ky: 76–93.
- Orlov A.M. 1974. Opyt issledovaniya protsessa sekulyarizatsii v tatarskikh selakh [Experience in Studying the Process of Secularization in Tatar Villages]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 16. Moscow, Mysl': 89–102.
- Petrash Y.G., Khamitova R.M. 1966. K harakteristike processa modernizatsii sovremennogo islama v SSSR [On the Characteristics of the Process of Modernization of Modern Islam in the USSR]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 2. Modernizatsiya religii v sovremennykh usloviyakh. Moscow, Mysl': 322–334.
- Popov D.S., Starostin A.N. 2016. Radikal'nyy Islamizm na Urale [Radical Islamism in the Urals]. *Rossiya i musul'manskij mir*, 7: 28–32.
- Samarina T.S. 2018. Teoriya urovnei religioznosti v klassicheskoi fenomenologii religii [Theory of Levels of Religiosity in Classical Phenomenology of Religion]. *Religiovedenie*, v. 2, 2: 101–109. DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.101-109
- Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L., Yarlykapov A.A. 2020. Stanovyashcheesya nauchnoe soobshchestvo. Svodnyy portret issledovatelej rossijskogo islama [Forming a Scientific Community. A Consolidated Portrait of Researchers of Russian Islam]. *Polis. Political Studies*, 2: 122–136. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09
- Sergeeva A.N., (2016), Religiosity Private VS. Religiosity Public: Evolution of Religiosity in the Soviet Union / Russia. *Sociopolitical Sciences*, 3: 7-13.
- Shisheliakina A.L., Bobrov I.V. 2017. "Chuzhie" sredi "svoih": o praktikah nosheniya musul'manskogo platka v nemusul'manskom rossijskom regione. [Foreign Natives: on Practices of Wearing of a Muslim Headscarf in a non-Muslim Region of Russia]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2(37): 146–154.
- Solov'yov V.S. 1987. Po puti duhovnogo progressa. Nekotorye itogi povtornykh sociologicheskikh issledovaniy problem byta, kul'tury, nacional'nykh traditsij, ateizma, i verovaniy naseleniya Marijskoj ASSR [On the Way of Spiritual Progress. Some Results of Sociological Re-studies of Problems of Everyday Life, Culture, National Traditions, Atheism, and Beliefs of the Population of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 159 p.
- Weber M. 1990. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]: Trans. from Germ. Ed. by N. Davydov; Intr. by P. P. Gaidenko. Moscow, Progress, 808 p.

- Yakupov V. 2005. Islam v Tatarstane v 1990-e gody [Islam in Tataristan in the 1990th]. Kazan, Iman, 144 p.
- Yarlykapov A.A. 2006. “Narodnyi Islam” i musul'manskaya molodezh' Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [“Folk Islam” and Muslim Youth of the Central and Northwest Caucasus]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2: 59–74.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Received March 28, 2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Revised August 24, 2025

Принята к публикации 29.08.2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и иностранных языков, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Казань, Россия.

Mansour V. Kildeev, Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor at the Department of Humanities and Foreign Languages, Kazan Institute of Cooperation, branch of Russian University of Cooperation, Kazan, Russia.

УДК 291.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-548-564

EDN KEQTZK

Причины и последствия коррупционного поведения студентов с точки зрения самих студентов

¹ Краснова Е.А. , ² Сагирян И.Г.

¹ Приволжский государственный университет путей сообщения
Россия, 443066, г. Самара, ул. Свободы, д. 2В

² Донской государственный технический университет
Россия, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
eakrasnova@mail.ru, sagiryan@yandex.ru

Аннотация. Коррупция в сфере образования является одной из ключевых угроз развитию российского общества. Несмотря на принимаемые меры, уровень коррупции в образовательных учреждениях остается высоким, что требует поиска новых подходов к профилактике коррупционного поведения. Данное исследование направлено на выявление ключевых причин вовлечения студентов в коррупционные практики и анализ их понимания возможных последствий таких действий. Проведено анонимное анкетирование студентов двух российских университетов. Основное внимание уделено систематизации факторов, способствующих коррупционному поведению. Среди них выделяются психологические мотивы (страх неуспеваемости, стремление избежать трудностей), организационные проблемы (высокая учебная нагрузка, нехватка времени) и влияние социальной среды. Особый интерес представляют данные о правовой осведомленности участников опроса, демонстрирующие существенные пробелы в понимании последствий коррупционных действий. Результаты исследования свидетельствуют о двойственном отношении студентов к проблеме: при преобладании негативных оценок сохраняется значительная доля равнодушных или ситуативно оправдывающих коррупцию позиций. Выявленные закономерности подчеркивают необходимость комплексного подхода к организации работы по профилактике коррупции, включающей совершенствование процессов оценки, развитие корпоративной и правовой культуры и создание эффективных механизмов неприятия академической нечестности. Авторы предлагают направления для дальнейших исследований в области формирования антикоррупционного сознания молодежи.

Ключевые слова: коррупция в образовании, профилактика коррупционного поведения студентов, правовое сознание студентов, причины коррупционного поведения студентов, мотивы коррупционного поведения студентов, правовые последствия коррупции, этические последствия коррупции, аннулирование диплома

Для цитирования: Краснова Е.А., Сагирян И.Г. 2025. Причины и последствия коррупционного поведения студентов с точки зрения самих студентов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 548–564. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-548-564. EDN: KEQTZK

Causes and Consequences of Corrupt Behavior of Students from the Students' Point of View

¹ Elena A. Krasnova , ² Inga G. Sagiryan

¹ Volga State Transport University
2V Svobody St, Samara 443066, Russian Federation

² Don State Technical University
1 Gagarin sq., Rostov-on-Don 344003, Russian Federation
eakrasnova@mail.ru, sagiryan@yandex.ru

Abstract. Corruption in education is one of the key threats to the development of Russian society. Despite the measures taken, the level of corruption in educational institutions remains high, which

requires the search for new approaches to the prevention of corrupt behavior, including those through students' awareness of the causes and consequences of corrupt relations. This study is aimed at identifying the key reasons for students' involvement in corrupt practices and analyzing their understanding of possible consequences. The paper presents the results of an anonymous survey of students from two Russian universities. The study primarily focuses on the systematization of factors contributing to corrupt behavior. Among them, there are psychological motives (fear of failure, the desire to avoid difficulties), organizational problems (high academic workload, lack of time), and the influence of the social environment. Of particular interest are the data on the legal awareness of the survey participants, which demonstrate significant gaps in understanding the consequences of corrupt practices. The study reveals students' ambivalence towards the problem, whereas despite the predominance of negative assessments, there is still a large number of those who are indifferent or offer situational justification for corruption. The revealed patterns emphasize the need for an integrated approach to the organization of work on corruption prevention, including the improvement of assessment processes, the development of corporate and legal culture, and the creation of effective mechanisms for the rejection of academic dishonesty. The authors suggest directions for further research in the field of forming the anti-corruption consciousness of young people.

Keywords: corruption in education, prevention of students' corrupt behavior, legal awareness of students, causes of students' corrupt behavior, motives of students' corrupt behavior, legal consequences of corruption, ethical consequences of corruption, diploma nullification

For citation: Krasnova E.A., Sagiryan I.G. 2025. Causes and Consequences of Corrupt Behavior of Students from the Students' Point of View. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 548–564 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-548-564. EDN: KEQTZK

Введение

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400 ¹, определяет в качестве одной из ключевых задач государственной политики предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности. Как справедливо отмечает С. Н. Чирун, активная антикоррупционная политика является залогом устойчивости государственного механизма и должна восприниматься как «индикатор проявления патриотизма» [Чирун, 2024, с. 190].

Несмотря на серьезные меры, принятые для противодействия коррупционным действиям в нашей стране, число преступлений остается высоким. Так, по данным доклада о деятельности в области противодействия коррупции и результатам антикоррупционного мониторинга, в Ростовской области в 2023 году правоохранительными органами было выявлено 986 преступлений коррупционной направленности (в 2022 году – 834). Количество коррупционных преступлений за год увеличилось на 18,2 % ².

Особую актуальность борьба с коррупцией приобретает в образовательных организациях, поскольку на них возложена миссия формирования гражданского сознания подрастающего поколения. Коррупция в образовании не просто негативно влияет на имидж образовательной организации – она коренным образом способствует падению престижа образования и государства в целом, оказывает негативное воздействие на общественное сознание, разрушает моральные устои общества, прежде всего студенческой молодежи. По справедливому замечанию Д. В. Алонцевой, А. В. Акопяна и

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 10.03.2025).

² Доклад о деятельности в области противодействия коррупции и результатах антикоррупционного мониторинга в Ростовской области по итогам 2023 года: Приложение № 1к протоколу заседания комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ростовской области от 21.03.2024 № 1. URL: <https://www.donland.ru/result-report/2107/> (дата обращения: 12.03.2025).

О. А. Лаврищева, «ничто не может разрушить страну больше, чем ее коррумпированная система образования» [Алонцева и др., 2021, с. 27].

Как отмечают исследователи, сложность профилактики коррупционных действий в образовании во многом обусловлена латентной природой данного вида преступлений, а также их потенциально низкой юридической значимостью [Сидоров, Комиссаров, 2018]. Между тем подмена процессов обучения и воспитания суррогатом, построенным на коррупционных отношениях, приводит к снижению уровня подготовки специалистов и подрыву доверия к системе образования, а следовательно, по нашему мнению, коррупция в определенной степени способствует нецелевому использованию бюджетных средств.

В интервью ТАСС генеральный прокурор РФ И.В. Краснов со всей ответственностью заявил, что «взяточничество – одно из самых распространенных коррупционных преступлений. В последние годы его доля в общем массиве коррупционной преступности составляет более половины». В 2024 году «количество данных преступлений увеличилось более чем на 30 %, превысив 6,6 тыс.»¹. В образовательных организациях взяточничество наравне с мошенничеством, злоупотреблением служебным положением составили целый арсенал коррупционных схем, которые попали в поле зрения правоохранительных органов и прокуратуры.

Целью настоящей работы является установление мотивов и причин, которые способствуют вовлечению студентов в коррупционные действия.

Обзор литературы

Вопросы определения природы коррупции и эффективных мер ее профилактики находятся в поле зрения исследователей на протяжении последних десятилетий. При этом само явление коррупции, по словам доктора социологических наук М. В. Шедий, трудно поддается непосредственному наблюдению и социологическому измерению, что обусловлено латентным характером и аморальностью коррупционных отношений [Шедий, 2018].

Образование, особенно профессиональное, традиционно называется в числе самых коррумпированных областей жизни [Дейнека и др., 2020; Митрофанов, 2020; Каменский, 2021; Алонцева и др., 2021 и др.]. Как отмечает Е. Г. Каменский, коррупциогенные и коррупционные риски негативно отражаются на системе образования, нивелируя цели развития ее институционального пространства: «...в результате не могут быть достигнуты социокультурные цели профессиональной социализации молодежи и обновление кадрового корпуса экономики, деформируются механизмы воспроизводства социально-профессиональной структуры общества» [Каменский, 2021]. Коррупция должна однозначно пониматься как негативное явление, дестабилизирующий общество фактор, берущий свое начало в нестабильности экономики, противоречиях в политической, духовной и иных сферах социальной жизни [Карягина и др., 2017, с. 70].

При этом мы не разделяем мнение Н. В. Митрофанова, который утверждает, что проблема коррупции в образовании наиболее актуальна в России, тогда как «в других странах подобные вопросы не являются предметом дискуссии, поскольку там действуют механизмы, позволяющие сделать прозрачными все этапы получения высшего образования» [Митрофанов, 2020, с. 140]. Действительно, большая часть исследований в международных базах публикаций сосредоточена на процессах коррупции в высшем образовании в развивающихся странах, однако исследователи отмечают, что проблема взяточничества остро стоит и в университетах экономически благополучных стран мира [Heyneman, 2014; Osipian, 2020].

¹ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова ТАСС. 9 декабря 2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=99573396> (дата обращения: 15.03.2025).

Коррупция – это комплексное явление. Она не знает границ и опутывает своими сетями самые важные сферы жизни человека. Ученым из Пакистана удалось даже установить прямую зависимость между уровнем коррупции в государстве и ощущением счастья у его граждан [Aslam et al., 2024].

В известном, но не бесспорном, исследовании "Policies and Actions of Accreditation and Quality Assurance Bodies to Counter Corruption in Higher Education" представлены результаты анкетирования и интервьюирования представителей аккредитационных агентств и сотрудников образовательных организаций, чья деятельность напрямую связана с вопросами качества образования и противодействия коррупционным проявлениям. Опрос 69 респондентов из Африки, Европы, США, Центральной и Южной Америки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона позволил обобщить и проанализировать информацию о самых разных проявлениях коррупции (в широком понимании) при реализации программ высшего образования. И. Глендиннинг, О. Стелла-Марис, А. Кинг пришли к выводу, что характер и масштабы коррупции различаются в разных частях мира, но существуют некоторые общие проблемы, которые, по-видимому, влияют на сектор высшего образования во всем мире: мошенничество при распределении и получении грантов и исследовательских контрактов, взяточничество и кумовство при отборе преподавателей и приеме студентов, нарушение академической честности при оценивании учащихся, нарушение исследовательской этики и сомнительные публикации и др. [Glendinning et al., 2019].

В России, по наблюдениям исследователей, коррупция в образовании преимущественно укладывается в рамки бытовой коррупции (недобросовестные отношения между педагогами и обучающимися) [Митрофанов, 2020], тогда как, к примеру, в США остро стоят вопросы политической и административной коррупции [Мамедов, 2010]. Это обусловлено спецификой финансирования образовательных организаций государством и бизнесом, что открывает возможность для махинаций при распределении средств от субсидий, образовательных кредитов, пожертвований корпоративных спонсоров и частных лиц. Среди таких сугубо американских видов коррупции можно назвать, к примеру, мошенничество с зачислением «нужных» абитуриентов на квотируемые места, предназначенные для спортсменов [Hextrum, 2023].

Будучи локализованной преимущественно в стенах университетов, коррупция в образовании тем не менее имеет четкие макроэкономические последствия. Так, Филип Шоу и Джозеф А. Мауро [Shaw, Mauro 2023], изучив многочисленные источники о поступлении в вузы более чем ста стран посредством дачи взяток, приходят к очевидному выводу о прямой зависимости возможностей экономического роста страны от уровня коррупции в образовании: взяточничество позволяет студентам с высоким достатком и низкими способностями поступать в университеты, лишая образовательные учреждения функции «фильтра талантов», а следовательно, государство недополучает на ключевых должностях в ключевых сферах экономики высококвалифицированных специалистов, которых можно было бы подготовить из числа более достойных абитуриентов. Социально-экономический ущерб от взяточничества в высшем образовании хоть и отсрочен во времени, но бесспорен: сначала подкуп преподавателей позволяет людям без должного уровня подготовки получать дипломы и степени, а затем открывает некомпетентным и изначально коррумпированным лицам доступ к влиятельным политическим и управленческим должностям в государственных и частных организациях [Heyneman, 2014].

В работе Кристины С. Вайсмюллер и Лоде Де Ваеле представлено исследование мотивов и психологических установок студентов, готовых предложить взятку своему преподавателю [Weißmüller, De Waele, 2021]. Авторы провели онлайн-опрос более 600 студентов четырех вузов, финансируемых государством, в Германии, Бельгии и Нидерландах. Целью опроса было установление готовности и способности студентов к

одному из трех типов коррупционных действий, которые исследователи вслед за А. Дж. Хайденхаймером [Heidenheimer, 2017] «окрасили» в три цвета: черный, серый и белый. Черное взяточничество – классический обмен финансовых средств на положительную оценку или иную преференцию в учебе. Серое взяточничество – предложение нефинансовой помощи, услуг, то есть то, что мы привыкли называть платой «борзыми щенками». Белое «взяточничество» – самая тонкая форма неэтичных взаимоотношений участников образовательного процесса, при котором средством стратегического манипулирования преподавателем выступают уговоры, плач и мольбы студента, апеллирование к эмоциональным семейным (зачастую фальшивым) историям в попытке вызвать сострадание. Данные опроса, проведенного Кристиной С. Вайсмюллер и Лодой Де Ваеле, показали, что студенты европейских университетов четко различают «оттенки» взяточничества: число тех, кто полагает приемлемым в ситуации провала на экзамене прибегнуть к предложению преподавателю денег или нефинансовой помощи, невелико, а вот тактику эмоционального давления на педагога считают возможной и уместной многие [Weißmüller, De Waele, 2021, p. 771].

Работ отечественных исследователей, посвященных практике применения эмоционального давления и шантажа («белое взяточничество»), которые по-русски принято обозначать выражением «взять измором», найти не удалось. Российские авторы свидетельствуют, что студенты в нашей стране понимают коррупцию преимущественно как дачу взятки (в денежной или вещной форме) преподавателю [Моисеев и др., 2024]. При этом исследователи отмечают, что студенты сегодня редко сталкиваются с фактами прямого вымогательства [Логунова, Логунова, 2016]. К схожим выводам приходит и О.С. Дейнека с соавторами. Проведенный ими опрос выпускников семи высокорейтинговых вузов и анализ информации, размещенной на их сайтах, подтвердил, что студенты с каждым годом реже фиксируют факты склонения их к противоправным взаимоотношениям, а образовательные организации в течение последних десятилетий проводят масштабную системную работу по профилактике коррупции, дающую свои плоды [Дейнека и др., 2020].

В обществе достаточно распространено мнение, что коррупции способствует прежде всего низкий уровень доходов преподавателей. В опросах о причинах коррупции именно эту причину жизнеспособности коррупции в образовании студенты назвали ведущей, а поддерживает ее укоренившаяся в стране традиция дарения подарков педагогам [Шарин, Вахмянина, 2021]. Однако наличие коррупционных взаимоотношений в образовании в тех странах, где профессия педагога является высоко престижной и достойно оплачиваемой, заставляет усомниться в правоте такого суждения. Как отмечает А. Осипян, возможности для коррупционной деятельности существуют практически в каждой национальной системе высшего образования [Osipian, 2007, p. 316]. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что истинные причины коррупции лежат не столько в экономической плоскости, сколько в морально-нравственной. Такие «легкие» нарушения, как выполнение и сдача «заказных работ», продажа преподавателями своих учебных материалов, по наблюдению В. И. Шарина, воспринимаются участниками образовательного процесса зачастую нейтрально, как допустимые способы решения проблем и затруднений в учебе [Шарин, 2022], что явно свидетельствует о низком уровне правосознания и слабом представлении об академической честности.

Академической честности посвящено глубокое исследование Н. Г. Чевтаевой, О. В. Бобровой и Е. Колл [Чевтаева и др., 2024]. Авторы провели социологический анализ сформированности устойчивой антикоррупционной позиции студента по трем параметрам: когнитивному, ценностному и поведенческому. Особенно интересными представляются наблюдения, что склонность к соблюдению норм академической честности находится в зависимости от того, в каком формате студентом осуществляется учебная деятельность: в составе группы или индивидуально. Искушение поступить

неправомерно гораздо выше, когда речь идет о собственных интересах, тогда как при работе в группе каждый ждет от другого максимальной академической честности. Следовательно, если большая часть окружения проявляет неприятие нечестных действий, то и отдельному человеку будет сложнее решиться на нарушение норм закона и этики. И наоборот: люди с большей вероятностью будут вовлечены в коррупцию, если ожидают, что другие будут действовать незаконными способами.

Вопрос о том, каковы причины, по которым студенты оказываются вовлечены в коррупционные действия, звучит в научной литературе нередко. Среди основных мотивов А.М. Моисеев с соавторами называют: страх быть отчисленным за академическую неуспеваемость, боязнь получить низкую оценку, уверенность в «малозначимости» проступка и безнаказанности [Моисеев и др., 2024]. Лидирует желание получить «корочку» без усилий и труда. По словам В. И. Шарина, «для российского потребителя образовательных услуг статусная ценность диплома выше ценности получения профессиональных знаний» [Шарин, 2022, с. 63]. В нашем менталитете, к сожалению, достаточно сильна установка, что специалистом можно стать в процессе работы (вспомним известное выражение «а теперь забудьте все, чему вас учили в вузе»), что свидетельствует о низкой ценности фундаментальных знаний в обществе и преимущественно декларативном характере высшего образования.

Научных работ, нацеленных на выявление понимания студентами последствий, к которым может привести участие в коррупционных действиях, немного. В ходе исследования, проведенного К. Беккер, К. Хаузером и Ф. Кронталером в четырех крупных университетах в немецкоязычной части Швейцарии, было установлено, что большинство студентов испытывают трудности с определением правовых последствий коррупционного поведения. В частности, значимая часть из полутора тысяч опрошенных студентов, среди которых были студенты-юристы, не подозревали, что правовое преследование граждан может осуществляться в том числе и за коррупционные действия, совершенные в других странах [Becker, et al., 2013].

Между тем в последние годы в России существенно увеличилось число прецедентов аннулирования дипломов о высшем и среднем профессиональном образовании, выданных лицам, в отношении которых доказаны факты дачи взяток преподавателям, «покупка» курсовых и дипломных работ. Анализ судебной практики, проведенный авторами данного исследования, свидетельствует о том, что получение оценки без фактического проведения процедуры промежуточной аттестации квалифицируется судом как неосвоение студентом образовательной программы в полном объеме, а следовательно, обстоятельства выдачи гражданину документа об образовании и (или) квалификации признаются незаконными [Краснова и др., 2022, с. 32].

В средствах массовой информации фокус внимания, как правило, сосредоточен на фигуре взяткодателя-преподавателя или сотрудника учебного заведения, привлеченного к ответственности за фиктивные сведения, поддельные справки и пр. Однако в последние годы все чаще появляются публикации, освещающие неприятные последствия нечестного обучения для бывших студентов¹. Безусловно, на первые полосы попадают только отдельные решения, однако само наличие подобных публикаций, по нашему мнению, способствует постепенному развенчанию мифов о малозначимости «проступка» взяткодателя и его гарантированной безнаказанности.

¹ См.: Дипломов лишились 22 выпускника погрязшего во взятках филиала вуза в Воронеже // URL: <https://obozvrm.ru/archives/315318?ysclid=m7ac00ymsg583754925>; В Оренбурге вуз уничтожит диплом бакалавра по решению суда // URL: https://oren.aif.ru/society/v_orenburge_vuz_unichtozhit_diplom_bakalavra_po_resheniyu_suda (дата обращения: 10.03.2025); Суд аннулировал девушке диплом из-за взятки на экзамене // URL: <https://rg.ru/2024/07/15/reg-sibfo/priznali-neuchem.html> (дата обращения: 10.03.2025).

Проведенный анализ литературы свидетельствует о наличии устойчивого интереса к проблеме коррупции в образовании у научного сообщества. Однако, при всей значимости и глубине накопленного знания о причинах, мотивации и последствиях коррупционного поведения, некоторые аспекты остаются малоизученными. К числу таких лагун можно отнести механизмы формирования правосознания обучающихся и эффективные педагогические практики воспитания академической честности. Также практически не исследованы отдаленные правовые и социально-карьерные последствия коррупционного поведения во время обучения. Все это определяет актуальность настоящего исследования и перспективность будущих научных изысканий.

Материалы и методы исследования

Авторы в течение 2024 года провели исследование с использованием метода анонимного анкетирования студенческой молодежи двух российских вузов: Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону) и Приволжского (Самарского) государственного университета путей сообщения (г. Самара). Основным методом – опрос-исследование в форме онлайн-анкетирования на базе Яндекс-форм. Респондентами стали 290 обучающихся преимущественно в возрасте от 17 до 25 лет. Анкетирование проводилось на добровольной и полностью анонимной основе. Респонденты привлекались посредством размещения информации и ссылок на опрос на образовательных платформах названных университетов.

Надежность опросника обеспечивалась преамбулой, детально описывающей порядок анкетирования, а также четкой формулировкой вопросов, адресованных студентам. Анкета содержала как закрытые, так и открытые вопросы. Текстовые ответы, полученные в результате опроса, были обработаны с использованием методов контент-анализа. Автоматизированная обработка данных была применена к вопросам с фиксированными вариантами ответов. Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа или пропускать вопросы по своему усмотрению. Единицей измерения данных стал процент от числа ответивших на конкретный вопрос (валидный процент), за исключением случаев, когда вопрос допускал несколько ответов от одного респондента (в таких случаях указывался процент от общего числа наблюдений).

В исследовании применялись общенаучные методы, включая системный анализ, анкетирование, обобщение, систематизацию и сравнение.

Результаты исследования

В анкетировании приняли участие будущие инженеры и юристы, обучающиеся в двух технических вузах по очной и заочной формам обучения. 90 % респондентов состоят в возрастной группе от 17 до 25 лет, лиц мужского пола – 60 %, женского – 40 %. В ходе исследования не было выявлено существенного влияния пола или возраста респондентов на характер ответов. Кроме того, будущая специализация студентов – инженер или юрист – тоже не оказала значимого воздействия на полученные результаты, поскольку опрос проводился преимущественно среди обучающихся первого курса.

В ходе исследования было задано 15 вопросов, нацеленных на выявление отношения респондентов к коррупционным проявлениям, понимание причин, по которым студенты оказываются вовлеченными в коррупционные действия, а также последствий подобных деяний. При ответе на закрытые вопросы можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Респондентам был задан вопрос о том, как они относятся к коррупции в вузах. Полученные ответы распределились следующим образом:

– 48,1 % выразили отрицательное отношение, считая, что коррупции нет места в сфере образования;

- 17,9 % выразили равнодушие, отметив, что данный вопрос их не касается;
- 17,9 % признались, что не задумывались об этом;
- 8,8 % проявили терпимость, полагая, что коррупция может быть допустима в некоторых ситуациях, так как способствует экономии времени и сил;
- 7,4 % выразили мнение, что коррупция в образовании является нормой и будет существовать всегда.

Дополнительно студентам был задан вопрос о наличии информации о случаях коррупции в их учебном заведении. Большинство респондентов (73 %) ответили отрицательно, что свидетельствует о недостаточной осведомлённости или нежелании обсуждать данную тему. 27 % студентов подтвердили, что им известны случаи коррупционных проявлений в вузе. Примечательно, что два респондента (0,6 %) признались в собственном участии в коррупционных схемах, выразив готовность «благодарить за помощь».

Эти данные позволяют сделать вывод о неоднозначном отношении студентов к коррупции в образовательных учреждениях, а также о недостаточной информированности в данной сфере.

При определении деяний, имеющих признак коррупционных отношений, были получены следующие результаты:

- «передача денежных средств за фактическое непрохождение аттестации (за оценку на экзамене, зачете и пр.)» – 88 %;
- «обращение родственников и знакомых к преподавателю с просьбой о поблажках при аттестации» – 26 %;
- «книги, сертификаты магазинов и пр. знаки внимания в обмен на поблажки при аттестации» – 21 %;
- «выполнение внеучебных поручений преподавателя в обмен на поблажки при аттестации» – 16 %;
- «заказ контрольной, курсовой, дипломной и иной письменной работы» – 15 %.

Можно отметить, что в целом признаки коррупционных действий в вузе респондентам известны, причем к самым распространенным относится плата за несданный зачет или экзамен. Любопытно, что вариант «выполнение письменных работ на заказ» оказался среди самых непопулярных. Полагаем, что такой вид коррупционных действий, как «покупка» готовых работ, будет фиксироваться всё реже, поскольку уже сегодня студенты предпочитают обращаться за помощью в написании работ к нейросетям, а не к преподавателям или посредникам.

В ходе опроса 187 респондентов (64 % от общего числа) выразили мнение, что инициаторами коррупционных взаимоотношений чаще всего выступают сами студенты. Вариант «преподаватели» был выбран 114 респондентами (39 % от общего числа). Кроме того, 10 % опрошенных отметили, что инициатива может исходить от родственников обучающихся. Варианты «старосты и иные студенческие лидеры» и «сотрудники факультетов или кафедр» набрали по 6 % голосов респондентов.

При том, что студенты в большинстве своем оставляют за собой инициативу коррупционных действий, факторы, провоцирующие подобные намерения, весьма разнообразны. В числе наиболее частотных оказались страх не сдать экзамен или получить плохую оценку (43 % опрошенных указали, что именно этот страх является основным мотивом для инициирования коррупционных действий), а также лень и прокрастинация (36 % респондентов признали, что их склонность к лени и откладыванию дел на потом также способствовала их вовлечению в коррупционные схемы). Не менее любопытными оказались ответы «недостаток времени для изучения дисциплины и выполнения письменных работ» (35 % студентов отметили, что из-за нехватки времени они вынуждены прибегать к нечестным методам); «непрофильная дисциплина» (30 % опрошенных указали, что они считают данную дисциплину ненужной и не видят смысла в

её изучении); «чрезмерная учебная нагрузка» (26 % респондентов упомянули, что большое количество обязательных письменных работ и экзаменов создаёт дополнительную нагрузку, с которой они не справляются честным путём). Среди причин, подталкивающих студентов к коррупционным действиям, оказалось и низкое качество образования. 23 % опрошенных выразили недовольство качеством преподавания, что делает предмет трудным для понимания и усвоения, что, в свою очередь, требует дополнительных усилий для его освоения. Дополнительные трудности, по мнению студентов, проще оплатить, чем преодолеть. Наконец, 11 % респондентов указали на ненужность некоторых дисциплин. У них уже есть необходимые знания, и они стремятся лишь получить формальное подтверждение своих знаний, не прилагая значительных усилий к обучению.

В рамках блока вопросов, направленных на установление осведомленности студентов о возможных краткосрочных и долгосрочных последствиях участия в коррупционных практиках, были получены следующие данные.

Среди потенциальных последствий, которые могут наступить в случае выявления факта приобретения письменной работы, зачета или экзамена, наиболее часто упоминались «отчисление из учебного заведения» (50 %) и «вызов на повторную пересдачу с участием комиссии» (43 %). Значительное число респондентов (25 %) высказали предположение о том, что университет уведомит правоохранительные органы о данном инциденте, что может повлечь за собой возбуждение уголовного дела по статье о даче взятки. Кроме того, существует вероятность, что информация о случившемся станет известна потенциальному работодателю («сообщат о факте на место работы» – 6 %).

Почти половина опрошенных (45,5 %) считают, что в такой ситуации преподаватель также может быть подвергнут дисциплинарным санкциям, вплоть до увольнения. В то же время 14 % респондентов полагают, что студент не понесет серьезного наказания, а будет предпринята стратегия сохранения контингента студентов, при этом преподаватель будет подвергнут дисциплинарным мерам.

Говоря о возможных последствиях за посредничество в даче взятки, половина опрошенных указала на отчисление из вуза. Варианты ответов «крупный штраф» и «административная или уголовная ответственность» набрали по 25 и 23 % соответственно. При этом затруднялись дать ответ на этот вопрос 37 % респондентов, что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточной информированности обучающихся о последствиях подобных действий. Примечательно, что 8 % не видят для себя последствий и предпочли ответ «никакие, если студент не получил выгоды за посредничество».

В продолжение темы последствий применения коррупционных механизмов в вузе любопытно было выяснить, насколько перспективно мыслят студенты и насколько они осознают опасность последствия коррупции в будущем. Анализ ответов на вопрос о возможных последствиях для выпускника вуза, успешно работающего по специальности, в случае выявления факта нечестного получения оценок во время учебы выявил существенные пробелы в понимании студентами отсроченных последствий коррупционных практик. Только 39 % респондентов осознают возможность аннулирования диплома, что свидетельствует о недостаточной информированности большинства студентов (61 %) о потенциальных рисках.

Наиболее распространенными ошибочными мнениями стали предположения о том, что университет сообщит работодателю о факте нечестного получения оценок, который затем самостоятельно примет решение о дальнейших действиях (36 %). Также значительная часть студентов (21 %) считает, что отсутствие последствий возможно в случае истечения срока давности по факту дачи взятки или получения диплома, что указывает на поверхностное понимание правовых и этических аспектов. Дополнительно 20 % опрошенных предполагают, что нечестное получение оценок приведет к увольнению

с работы, что отражает частичное понимание возможных профессиональных последствий, хотя и не в полном объеме.

Затруднения вызвал и ответ вопрос: «В последнее время всё чаще становится известно, что сотрудник при трудоустройстве предоставил поддельный диплом об образовании. Как Вы считаете, какие последствия должны ждать такого сотрудника?». Не смогли дать ответ на него 33 % респондентов. За вариант «его необходимо уволить или перевести на должность, на которой не требуется наличие профессионального образования» проголосовали 40 % опрошенных. За вариант «его необходимо привлечь к уголовной или административной ответственности» – 32 %. При этом каждый четвертый студент (25 %) предположил, что можно простить этот проступок, если человек отработал более 10 или 20 лет по специальности, поскольку он уже сам может научить кого угодно.

Очевидно, что большинство опрошенных студентов не воспринимают полученную нечестным образом оценку в зачетной книжке или дипломе об образовании как противоправное деяние или преступление против общества и государства. Для них это скорее «внутренний» проступок, ограниченный стенами образовательной организации или предприятия, за который может последовать отчисление из университета или перевод на должность ниже. Морально-этическая сторона, к сожалению, не оказалась в приоритете.

Формирование правового сознания студентов требует комплексного подхода, включающего правовое просвещение и воспитание через пример. Одним из возможных шагов повышения эффективности работы по профилактике коррупции считаем обсуждение со студентами кейсов, основанных на реальных судебных решениях о привлечении к наказанию обучающегося или выпускника [Краснова, Сагирян, 2024]. При работе с действительно существующим правовым актом студентам не составляет труда мысленно поставить себя на место поддавшегося соблазну «легкой учебы» молодого человека и осознать реальные негативные последствия противоправных действий для будущей карьеры.

Финальный блок вопросов был направлен на выявление готовности обучающихся принимать участие в работе по профилактике коррупции в университете. На вопрос «Готовы ли принять активное участие в пропаганде антикоррупционного поведения в своем университете?» обучающие ответили следующим образом: «возможно» – 49 %, «да» – 24 %, «нет» – 23 %. Десять человек не дали ответ на данный вопрос. В ответе на вопрос «Если Вам станет известно о фактах коррупции в Вашем университете, Вы готовы сообщить об этом?» были получены следующие результаты: «да» – 12 %, «да, но на условиях полной анонимности» – 40 %, «нет, пусть этим занимаются специально обученные люди» – 48 %. Ответившие положительно уточнили, к кому в университете они готовы обратиться, чтобы сообщить о фактах коррупции. Итоги ранжирования доверительных каналов выглядят следующим образом: «в деканат» – 51 %, «куратору» – 28 %, «старосте» – 22 %, «на горячую линию университета по телефону доверия» – 21 %, «в ректорат» – 18 %, «в правоохранительные органы» – 18 %.

Несмотря на не самую обнадеживающую степень мотивации обучающихся к личному участию в профилактике коррупции, внушает оптимизм то обстоятельство, что 74 % студентов уверены в возможности искоренить коррупцию в образовании в рамках правового поля. Оставшиеся респонденты констатируют, что коррупция и образование неразрывно связаны.

Таким образом, полученные нами результаты позволяют сделать следующие обобщения. Студенты в целом воспринимают коррупцию как крайне негативное явление, тормозящее развитие общества, и понимают, что получение оценок без фактического прохождения контроля может иметь долгосрочные последствия.

Основными причинами, по которым студенты оказываются вовлеченными в коррупционные действия, являются:

1. *Страх неуспеваемости.* Высокий процент студентов, которые негативно относятся к коррупции, но при этом указывают на страх неуспеваемости как мотив для поиска нестандартных способов решения проблем, свидетельствует о наличии напряжённой атмосферы, связанной с аттестацией. Плата за фактическое непрохождение экзамена или получение заведомо высокой оценки воспринимается как приемлемый вариант снижения сложности освоения образовательной программы и купирования возможных рисков академической неуспеваемости.

2. *Низкое качество преподавания и несоответствие учебных программ потребностям студентов.* Многие опрошенные отметили, что предлагаемые в ходе обучения учебные материалы не в полной мере отвечают их будущим профессиональным интересам. Действительно, содержание образовательных программ университетов не всегда соответствует требованиям динамично развивающихся отраслей экономики. Несоответствие между тем, кого хочет рынок труда, и тем, кого готовит университет, – извечная дилемма. Проблема усугубляется недостаточным уровнем качества преподавания. Часть вузовских преподавателей десятилетиями читают одни и те же дисциплины на одном и том же материале, что негативно сказывается на актуальности и глубине знаний обучающихся и повышает риски академической неуспеваемости по программе. Консервативный и косный подход к образовательному процессу со стороны преподавателей может стать одним из факторов, провоцирующих рост коррупционных проявлений.

3. *Высокая учебная нагрузка и дефицит временного ресурса.* Современная образовательная среда характеризуется высокой интенсивностью и насыщенностью как учебной, так и внеучебной деятельности, тогда как студенты (в том числе очной формы обучения) все чаще вынуждены совмещать обучение с работой. Хронический дефицит времени подталкивает обучающихся к поиску возможностей оптимизации жизни, в том числе с помощью нелегитимных средств. Со стороны преподавателей наблюдается симметричный процесс поиска пути снижения интенсивности трудовой деятельности в условиях высокой академической нагрузки и работы в нескольких образовательных учреждениях одновременно.

4. *Желание получить не знания, а «корочку».* Часть студентов воспринимает необходимость получения высшего образования как формальный барьер, который необходимо преодолеть для достижения карьерных целей и получения определенного социального статуса. Сугубо утилитарный подход минимизирует значимость глубоких профессиональных знаний и общекультурных компетенций и приводит к переориентации учебной стратегии на получение диплома любой ценой. Коррупционные действия воспринимаются как оправданный и приемлемый инструмент экономии времени, когнитивных и эмоциональных ресурсов.

5. *Влияние социума и окружения.* Молодым людям свойственно копировать поведение окружающих. Если в кругу общения студента есть примеры положительного отношения к коррупции, то это, как правило, приводит к возникновению суждений, оправдывающих коррупционные действия. Раз одни так делают, то почему бы мне не делать так же. Особое значение приобретает психологическая подоплека, при которой возникает давление со стороны сверстников (одногогруппников). Боязнь быть отвергнутым побуждает человека поддерживать неправовое поведение. Отсутствие примеров активного противостояния коррупции снижает мотивацию борьбы с этим явлением, что ведет к нивелированию соблюдения этических и правовых норм. Ценности и убеждения формируются под влиянием общественной морали. Если преподаватели, родители, иные авторитетные для молодого человека люди не придают должного значения важности борьбы с коррупцией, то студент не видит необходимости противостоять ей.

6. *Несовершенство системы контроля за академической честностью.* Отсутствие эффективных механизмов контроля за академической честностью приводит к созданию

благоприятных условий для развития коррупционных практик. Недостаточная эффективность механизмов контроля способствует снижению уровня ответственности среди студентов, что, в свою очередь, повышает вероятность нарушения академических норм. Осознание студентами низкого риска выявления их неправомерных действий усиливает мотивацию к совершению нарушений.

7. Недооценка возможных краткосрочных и долгосрочных последствий участия в коррупционных действиях. Нетерпимое отношение к коррупции включает в себя понимание правовых норм, уважение к закону и готовность действовать в рамках правового поля, а также понимание последствий и рисков, связанных с нарушением установленных норм.

К общим причинам коррупции в образовании, связанным прежде всего с незрелостью личности студента, отсутствием понимания своего профессионального предназначения, небольшим жизненным опытом, высокой внушаемостью молодого человека и неспособностью к долгосрочному планированию примешиваются иные, более глубокие причины, истоки которых кроются в самой системе российского образования. Главное – это пренебрежение вопросами этики всего университетского сообщества. Честность, открытость и прозрачность в образовательной среде обеспечиваются прежде всего понятными и разделяемыми всеми правилами и нормами поведения. Крепкая корпоративная культура вуза, основанная на традициях взаимопомощи, взаимопонимания, по своей сути не допускает проявления каких бы то ни было негативных проявлений, включая коррупцию.

Недостаточная прозрачность и открытость в управлении учебным заведением, отсутствие информации о критериях оценки, процедурах принятия решений и распределении ресурсов, неравные возможности доступа к качественному образованию могут вызывать недоверие и подозрительность внутри академического сообщества, создавать чувство несправедливости у ряда студентов, что способствует их вовлечению в коррупционные схемы. К этому можно добавить неэффективную систему контроля и надзора за соблюдением академических норм.

К частным причинам отнесем:

- сложность и неоднозначность некоторых академических процедур, связанных, например, с оценкой научных работ или проектов, что может создавать возможности для манипуляций и коррупции;
- отсутствие механизмов защиты прав студентов и преподавателей в случае обнаружения фактов коррупции. Это может снижать мотивацию к борьбе с коррупцией из-за неуверенности в защите своих прав и интересов;
- недостаточное финансирование и ресурсное обеспечение образовательных учреждений, что приводит к перегрузке преподавателей и снижению качества образования, создаёт дополнительные стимулы для поиска обходных путей, включая коррупцию;
- неэффективная интеграция принципов противодействия коррупции в образовательные программы и учебные планы. Снижению уровня осведомленности и ответственности среди участников образовательного процесса способствует отсутствие возможности повышения квалификации и изучения способов развития антикоррупционного мышления.

Подводя итог, отметим, что в сознании студентов нашло свое отражение двойственное отношение к коррупционным проявлениям: с одной стороны, они осознают противоправность и аморальность коррупционных действий, их разрушительный характер для общества в целом, с другой стороны, готовы оправдать их такими реалиями жизни, как «нехватка времени», «неважный предмет», «диплом – это всего лишь корочки». Согласимся с М.В. Шедий и Е.Н. Малик в том, что в российском социуме, к сожалению, пока еще отсутствует четкая граница между корруптивным и «нормальным», а общество

достаточно спокойно воспринимает коррупцию, поскольку привыкло к ней [Шедий, Малик, 2019].

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Авторы не претендуют на всеобъемлющий системный охват исследуемой проблемы, поскольку предлагаемые выводы основываются на результатах локального опроса студентов двух вузов. Однако выявленные в ходе проведенного анкетирования частные пробелы в формировании четкой антикоррупционной позиции у обучающихся, в том числе недостаточная информированность молодых людей о непосредственных и отсроченных последствиях их участия в коррупционных действиях, по мнению авторов, могут дополнить уже имеющиеся наработки и сделать работу по профилактике коррупционного поведения в университетах более эффективной.

Заключение

Коррупция в образовании имеет далеко идущие социальные последствия. Она не только подрывает доверие к системе образования, но и способствует формированию искаженных морально-нравственных установок у молодежи. Студенты, вовлеченные в коррупционные схемы, в будущем могут переносить подобные модели поведения на свою профессиональную деятельность, что негативно сказывается на развитии общества и государства в целом. Нечестно полученные дипломы и оценки снижают качество подготовки специалистов, что, в свою очередь, влияет на экономическую конкурентоспособность страны и ее возможности отвечать на глобальные вызовы.

Вместе с тем коррупция в образовательной сфере – это не только проблема системы или отражение текущего состояния общества, но и вопрос личной ответственности каждого участника образовательного процесса. Причины, по которым студенты вовлекаются в коррупционный контент, сводятся к психологическим (страх перед трудностями и возможными негативными последствиями), организационным (неспособность грамотно распределить время между учебой, работой и личной жизнью; неготовность к интенсивным учебным нагрузкам), влиянию окружающей среды, игнорированию правовых и этических рисков своих деяний. Отсутствие у студентов понимания серьезности и долгосрочности таких последствий, как аннулирование диплома или уголовная ответственность за участие в коррупционных деяниях, свидетельствует не только о пробелах в работе по профилактике коррупции, но и о недостаточно развитом правовом сознании среди значительной части студенческого сообщества. Налицо глубокий разрыв между абстрактным осуждением коррупции и непониманием конкретных личных рисков.

Проведенное исследование показало, что ключевым элементом профилактики коррупции в образовании является воспитание академической честности. Необходимо развивать у студентов личную ответственность и информировать о последствиях нечестного поведения, в том числе отсроченных. Важнейшим результатом такого подхода становится зрелое правосознание, при котором взятка или плагиат воспринимаются не просто как противоправное действие, но как посягательство на фундаментальные этические устои общества.

Выявленные в ходе опроса правовой нигилизм и этическая амбивалентность студентов говорят о стирании границ между незаконным и «нормальным» поведением в социуме: коррупция видится как инструмент решения личных бытовых проблем. Следовательно, необходимо ставить вопрос о разработке комплексной системы профилактики коррупционных отношений в образовании, включающей в себя просветительские и ценностные компоненты, нацеленные на борьбу не только со сложившимися коррупционными практиками, но и на преодоление укорененных установок. Перспективы дальнейших исследований связаны с поиском эффективных механизмов трансляции правовой культуры, анализом превентивного потенциала

инструментов повышения академической честности, а также оценкой вклада антикоррупционных программ, реализуемых образовательными организациями, в процесс формирования активной правовой позиции гражданина.

Список литературы

- Алонцева Д.В., Акопян А.В., Лаврищева О.А. 2021. К вопросу о коррупции в системе отечественного образования. *Закон и право*, 9: 27–28. DOI:10.24412/2073-3313-2021-9-27-28
- Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Крылова Д.В., Максименко А.А. 2020. Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов. *Высшее образование в России*, 29(7): 64–74. DOI:10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74
- Каменский Е.Г. 2021. Коррупциогенные риски модернизации высшего образования в социокультурном контексте современной России: теоретический очерк. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 12(2). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (дата обращения: 14 февраля 2025)
- Карягина А.В., Исакова Ю.И., Сагирян И.Г. 2017. Современные механизмы противодействия коррупции: перспективные стратегии развития. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, 8: 70–73.
- Краснова Е.А., Сагирян И.Г. 2024. Методический и воспитательный потенциал текста судебного решения в формировании нетерпимого отношения к коррупции среди будущих юристов. *Право и образование*, 8: 48–54.
- Краснова Е.А., Сагирян И.Г., Кузина С.И. 2022. Право на документ о профессиональном образовании в судебной практике. *Философия права*, 2(101): 30–35.
- Логунова О.А., Логунова Е.Г. 2016. Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического анализа. *Дискуссия*, 5 (68): 69–74.
- Мамедов О.Ю. 2010. Коррупция, коммерциализация и бюрократизм в американских университетах. *Пространство экономики*, 8(3): 5–7.
- Митрофанов Н.В. 2020. Коррупция в российском высшем образовании. *Союз криминалистов и криминологов*, 4: 140–147. DOI:10.31085/2310-8681-2020-4-208-140-147
- Моисеев А.М., Кондратюк С.В., Побережная И.А., Соколов М.С., Ермолова Е.В. 2024. Борьба с коррупцией в вузе как направление антикриминальной политики: опыт социологического исследования. *Правопорядок: история, теория, практика*, 2(41): 115–124. DOI:10.47475/2311-696X-2024-41-2-115-124
- Сидоров Б.В., Комиссаров А.Е. 2018. Мелкое взяточничество в системе уголовно-наказуемого взяточничества и вопросы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за взяточничество. *Вестник экономики, права и социологии*, 4: 170–172.
- Чевтаева Н.Г., Боброва О.В., Колл Е. 2024. Академическая честность в структуре устойчивой антикоррупционной позиции студента: опыт социологического анализа. *Образование и наука*, 26(10): 131–165. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-10-131-165
- Чирун С.Н., Гладких С.С. 2024. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 9(2): 183–197. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-2-183-197
- Шарин В.И. 2022. Коррупция в высшей школе в оценках студентов. *Высшее образование в России*, 31(4): 60–78. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-4-60-78
- Шарин В.И., Вахмянина А.В. 2021. Видение студентами университета причин и способов преодоления коррупции. *Вопросы управления*, 3(70): 93–105. DOI:10.22394/2304-3369-2021-3-93-105
- Шедий М.В., Малий Е.Н. 2019. Коррупция и российское общество: аномия или норма? *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 9(2): 145–155.
- Шедий М.В. 2018. Методы научного анализа коррупционных отношений. *Управленческое консультирование*, 2(110): 15–23. DOI:10.22394/1726-1139-2018-2-15-23
- Aslam A., Mushtaq U., Ghouse G., Raoof R. 2024. Corruption and Happiness: Fortune or Evil? *Journal of the Knowledge Economy*. 1–21. DOI: 10.1007/s13132-024-02077-7

- Becker K., Hauser C., Kronthaler F. 2024. Fostering management education to deter corruption: What do students know about corruption and its legal consequences? *Crime, Law and Social Change*, 60(2): 227–240. DOI: 10.1007/s10611-013-9448-8
- Glendinning I., Stella-Maris O., King A. 2019. Policies and Actions of Accreditation and Quality Assurance Bodies to Counter Corruption in Higher Education. *Project Report*, february. URL: https://www.chea.org/sites/default/files/pdf/CHEA_Corruption-Report-Final-underlines.pdf (дата обращения: 11 февраля 2025).
- Heidenheimer A.J. 2017. Perspectives on the Perception of Corruption. In: *Political Corruption*. Routledge: 141–154.
- Hextrum K. 2023. Fair Play, Fraud, or Fixed? Athletic Credentials in U.S. Higher Education. In: *Fake Degrees and Fraudulent Credentials in Higher Education. Ethics and Integrity in Educational Contexts*. Ed. S.E. Eaton, J.J. Carmichael, H. Pethrick. Cham: Springer, 5: 115–132. DOI: 10.1007/978-3-031-21796-8_5.
- Heyneman S.P., 2024. How Corruption Puts Higher Education at Risk. *International Higher Education*, 75: 3–5. DOI: 10.6017/ihe.2014.75.5425
- Osipian A. 2009. Investigating Corruption in American Higher Education: The Methodology. *The FedUni Journal of Higher Education*, IV (2): 49–81.
- Osipian A. 2007. Corruption in higher education: Conceptual approaches and measurement techniques. *Research in Comparative and International Education*, 2(4): 313–332. DOI: 10.2304/rcie.2007.2.4.313
- Shaw P., Mauro J.A. 2023. The macroeconomic implications of corruption in the choice to educate. *Economic Systems*, 47(2). DOI:10.1016/j.ecosys.2023.101074
- Weißmüller K.S., De Waele L. 2021. Would you Bribe your Lecturer? A Quasi-experimental Study on Burn-out and Bribery in Higher Education. *Research in Higher Education*, 63(5): 768–796. DOI: 10.1007/s11162-021-09669-1

References

- Alontseva D.V., Akopyan A.V., Lavrishcheva O.A. 2021. K voprosu o korrupcii v sisteme otechestvennogo obrazovaniya [On the issue of corruption in the domestic education system]. *Law and Right*, 9: 27–28. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-9-27-28
- Deyneka O.S., Dukhanina L.N., Krylova D.V., Maksimenko A.A. 2020. Perceptions of Corruption in Higher Education among Alumni of the Leading Russian Universities. *Higher Education in Russia*, 29(7): 64–74 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74.
- Kamensky E.G. 2021. Corruption risks of modernization of the higher education in a sociocultural context of modern Russia: theoretical sketch. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2(12) (in Russian).
- Karyagina A.V., Isakova Yu.I., Sagirian I.G. 2017. Modern mechanisms of co-operation of corruption: perspective development strategies. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 8: 70–73 (in Russian).
- Krasnova E.A., Sagiryan I.G. 2024. Methodological and Educational Potential of the Text of the Court Decision in the Formation of an Intolerant Attitude to Corruption among Future Lawyers. *Law and Education*, 8: 48–54 (in Russian).
- Krasnova E.A., Sagiryan I.G., Kuzina S.I. 2022. Right to professional credentials in judicial practice. *Philosophy of Law*, 2(101): 30–35 (in Russian).
- Logunova O.A., Logunova E.G. 2016. Corruption problem in educational sphere: the experience of sociological analysis. *Discussion*, 5 (68): 69–74 (in Russian).
- Mamedov O.Yu. 2010. Korrupcija, komercializacija i bjurokratizm v amerikanskih universitetah [Corruption, Commercialization, and Bureaucracy in American Universities]. *Terra Economicus*, 8(3): 5–7.
- Mitrofanov N.V. 2020. Korrupcija v rossijskom vysshem obrazovanii [Corruption in Russian Higher Education]. *Union of Criminologists and Criminologists*, 4: 140–147. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-140-147

- Moiseev A.M., Kondratyuk S.V., Poberezhnaya I.A., Sokolov M.S., Yermolova Ye.V. 2024. The fight against corruption in higher education as a direction of anti-criminal policy: the experience of sociological research. *Law and Order: History, Theory, Practice*, 2(41): 115–124 (in Russian). DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-115-124
- Sidorov B.V., Komissarov A.E. 2018. Petty Bribery in the System of Criminal Bribery and Further Improvement of the Russian Criminal Legislation Providing Responsibility for Bribery. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4: 170–172 (in Russian).
- Chevtaeva N.G., Bobrova O.V., Koll E. 2024. Academic integrity in the framework of a student's sustainable anti-corruption stance: insights from sociological analysis. *The Education and science journal*. 26(10): 131–165 (in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2024-10-131-165
- Chirun S.N., Gladkikh S.S. 2024 Corruption Studies in Domestic Social Sciences: Political Aspect. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, 9(2): 183–197 (in Russian). DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-2-183-197
- Sharin V.I. 2022. Corruption in Higher Education. *Higher Education in Russia*, 31(4): 60–78 (in Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-60-78
- Sharin V.I., Vahmjanina A.V. 2021. Students' view on the causes of corruption and ways to eliminate it. *Management Issues*, 3(70): 93–105 (in Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-93-105
- Shedij M.V., Malik E.N. 2019. Corruption and russian society: anomium or norm? *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 9(2): 145–155 (in Russian).
- Shedij M.V. Methods of scientific analysis of corruption relations. *Management consulting*, 2(110): 15–23 (in Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-15-23
- Aslam A., Mushtaq U., Ghouse G., Raoof R. 2024. Corruption and Happiness: Fortune or Evil? *Journal of the Knowledge Economy*. 1–21. DOI: 10.1007/s13132-024-02077-7
- Becker K., Hauser C., Kronthaler F. 2024. Fostering management education to deter corruption: What do students know about corruption and its legal consequences? *Crime, Law and Social Change*, 60(2): 227–240. DOI: 10.1007/s10611-013-9448-8
- Glendinning I., Stella-Maris O., King A. 2019. Policies and Actions of Accreditation and Quality Assurance Bodies to Counter Corruption in Higher Education. *Project Report*, february. Available at: https://www.chea.org/sites/default/files/pdf/CHEA_Corruption-Report-Final-underlines.pdf (accessed: 11 February 2025).
- Heidenheimer A.J. 2017. Perspectives on the Perception of Corruption. In: *Political Corruption*. Routledge: 141–154.
- Hextrum K. 2023. Fair Play, Fraud, or Fixed? Athletic Credentials in U.S. Higher Education. In: *Fake Degrees and Fraudulent Credentials in Higher Education. Ethics and Integrity in Educational Contexts*. Ed. S.E. Eaton, J.J. Carmichael, H. Pethrick. Cham: Springer, 5: 115–132. DOI: 10.1007/978-3-031-21796-8_5.
- Heyneman S.P., 2024. How Corruption Puts Higher Education at Risk. *International Higher Education*, 75: 3–5. DOI:10.6017/ihe.2014.75.5425
- Osipian A. 2009. Investigating Corruption in American Higher Education: The Methodology. *The FedUni Journal of Higher Education*, IV (2): 49–81.
- Osipian A. 2007. Corruption in higher education: Conceptual approaches and measurement techniques. *Research in Comparative and International Education*, 2(4): 313–332. DOI: 10.2304/rcie.2007.2.4.313
- Shaw P., Mauro J.A. 2023. The macroeconomic implications of corruption in the choice to educate. *Economic Systems*, 47(2). DOI:10.1016/j.ecosys.2023.101074
- Weißmüller K.S., De Waele L. 2021. Would you Bribe your Lecturer? A Quasi-experimental Study on Burn-out and Bribery in Higher Education. *Research in Higher Education*, 63(5): 768–796. DOI: 10.1007/s11162-021-09669-1

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025
Поступила после рецензирования 24.08.2025
Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025
Revised August 24, 2025
Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Краснова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, директор института заочного и электронного обучения, Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-3100-9310](https://orcid.org/0000-0002-3100-9310)

Сагирян Инга Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-4394-3418](https://orcid.org/0000-0002-4394-3418)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Krasnova, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Distance and Electronic Learning, Volga State Transport University, Samara, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-3100-9310](https://orcid.org/0000-0002-3100-9310)

Inga G. Sagiryan, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-4394-3418](https://orcid.org/0000-0002-4394-3418)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573

EDN NXKYKQ

Монизм и редукционизм в правовом позитивизме

Горбунов М.Д.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

maxandgor@gmail.com

Аннотация. Изучение процессов методологической эволюции правового позитивизма как одного из ключевых направлений в мировой правовой мысли является значимым с точки зрения понимания его фундаментальных основ и перспектив будущего развития. Опыт научной рефлексии в англо-американской правовой мысли позволяет шире взглянуть на контекст исследований позитивистской методологии и онтологии в отечественном правопонимании, поскольку предлагает новые значимые теоретические данные и альтернативное видение. Вместе с тем в российской науке должного исследования альтернативной позитивистской догмы в контексте рефлексии ее эволюционных процессов в должной степени не произведено. Целью исследования является изучение процессов критического анализа классического правового позитивизма в англо-американской правовой традиции. В работе установлено, что такая рефлексия осуществляется через осмысление проблемы монизма и редукционизма как методологических установок, наиболее широко представленных в классическом позитивизме Джона Остина и Ганса Кельзена. Данные установки выражаются, с одной стороны, в сведении права до единого источника происхождения, а с другой – в упрощении понимания процессов и игнорировании разнообразия правовых явлений. Монизм и редукционизм были преодолены в процессе осмысления фундаментальных вопросов позитивизма с использованием нового метода концептуального анализа. Сделан вывод о том, что переход к современному этапу развития позитивизма в англо-американской правовой мысли произошел благодаря преодолению упрощенного монистического и редукционистского понимания права. Результаты исследования способствуют построению междоктринального диалога и пониманию особенностей формирования и трансформации конкурирующей парадигмы, а также преодолению догматичности отечественной позитивистской доктрины.

Ключевые слова: философия права, правовой позитивизм, англо-американская правовая мысль, аналитическая юриспруденция, концептуальный анализ, монизм, редукционизм

Для цитирования: Горбунов М.Д. 2025. Монизм и редукционизм в правовом позитивизме. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 565–573. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573. EDN: NXKYKQ

Monism and Reductionism in Legal Positivism

Maksim D. Gorbunov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

maxandgor@gmail.com

Abstract. The study into the processes of methodological evolution of legal positivism as a key trend in world legal thought is significant in terms of understanding its fundamental principles and prospects for future development. The experience of scientific reflection in Anglo-American legal thought allows us to

take a broader look at the context of research into positivist methodology and ontology in Russian legal thinking, since it offers new significant theoretical data and an alternative vision. At the same time, no adequate study of the alternative positivist dogma in the context of reflection of its evolutionary processes has so far been carried out in Russian science to the proper extent. The purpose of the study is to analyze the processes of critical analysis of classical legal positivism in the Anglo-American legal tradition. The research shows that such reflection is carried out through understanding the problem of monism and reductionism as methodological principles, most widely represented in the classical positivism of John Austin and Hans Kelsen. These principles are expressed, on the one hand, in reducing law to a single source of origin, and on the other hand, in simplifying the understanding of processes and ignoring the diversity of legal phenomena. Monism and reductionism were overcome in the process of understanding the fundamental issues of positivism using a new method of conceptual analysis. It is concluded that the transition to the modern stage of development of positivism in Anglo-American legal thought occurred due to overcoming the simplified monistic and reductionist understanding of law. The results of the study contribute to the construction of an inter-doctrinal dialogue and understanding the features of the formation and transformation of a competing paradigm, as well as to overcoming the dogmatism of the domestic positivist doctrine.

Keywords: philosophy of law, legal positivism, Anglo-American legal thought, analytical jurisprudence, conceptual analysis, monism, reductionism

For citation: Gorbunov M.D. 2025. Monism and Reductionism in Legal Positivism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 565–573 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573. EDN: NXKYKQ

Введение

Правовой позитивизм сегодня представляет собой направление, которое прошло длительную эволюцию через внутреннюю и внешнюю критику фундаментальных положений классической теории. Несмотря на то, что данное направление имеет свои особенности в континентальной, англосаксонской и отечественной парадигме, его эволюция везде связана с общими концептуальными проблемами методологического и онтологического характера. Примечательным в данном контексте является опыт рефлексии правового позитивизма в англо-американской доктрине. В конкурирующей правовой традиции эволюционные проблемы правового позитивизма традиционно рассматриваются в контексте категорий монизма и редукционизма [Green, Adams, 2019]. Именно эти проблемы стали катализатором трансформации позитивистской теории.

Решение проблем монизма и редукционизма в правовой теории стало необходимым, поскольку подходы, характеризующиеся названными особенностями, несмотря на свою аналитическую ценность, содержат существенные ограничения, которые искажают понимание права как сложного социального явления [Postema, 2012, p. 76]. В числе основных причин, обусловивших концентрацию рефлексии правового позитивизма вокруг задачи преодоления монизма и редукционизма, следует назвать: во-первых, чрезмерное упрощение права как системы императивных норм, не отвечающее разнообразию правовых явлений в современных государствах; во-вторых, отрицание связи права с моралью и справедливостью в теоретическом анализе, толковании и конституционализме.

Именно результаты критического осмысления классического правового позитивизма в современной правовой науке позволили признать, что право – это не просто логическая конструкция или инструмент власти, а живой социальный институт, требующий комплексного понимания.

Современный правовой позитивизм преодолевает эти проблемы в процессе последовательной эволюции от жесткого монизма к признанию плюрализма источников и от редукционизма к учету социального контекста и включению ценностных критериев в право. Позитивизм сохранил ключевые характеристики, но стал более гибким в объяснении сложных правовых реалий. Без преодоления монизма и редукционизма теория

права рисковала бы стать оторванной от реальности. Дальше всего в преодолении этих проблем пошла англо-американская правовая мысль, что может быть познавательно значимым для осмысления условий трансформации отечественной позитивистской методологии [Самохина, Тонков, 2020].

Изучение проблем монизма и редукционизма в правовой теории имеет особое значение для России в силу уникальных особенностей ее правовой системы и государственного развития, в частности ее исторической предрасположенности к монистическим моделям типа этатистского позитивизма, для которого характерно чрезмерное отождествление права с государственной волей [Баранов, 2015]. Изучение этих проблем помогает выработать теоретическую основу для построения модели эффективной правовой системы, соответствующей российским реалиям и отвечающей требованиям гибкости при описании правовых явлений.

Прежде чем перейти непосредственно к оценке опыта теоретического и практического преодоления монизма и редукционизма в англо-американской позитивистской правовой теории, необходимо охарактеризовать данные категории.

Монизм и редукционизм как средства познания

Принципиальным является то, что монизм и редукционизм – это не столько законченная теории права, сколько способ анализа правовых явлений, методологическая установка, определяющая конкретные ответы на вопросы правовой теории.

Монизм в праве в целом характерен ряду ранних правовых теорий независимо от их направления и характеризуется как подход, согласно которому право и государство рассматриваются как единая система, где право является высшей и самодостаточной ценностью, а государство подчинено праву или даже производно от него [Gragl, 2018]. Изначально монизм имел естественно-правовое измерение. Ранний юснатурализм определяет существование права как некой совокупности универсальных правовых норм, стоящих выше воли законодателя и исходящих от божественного начала. Естественное право полностью поглощает позитивное и существует объективно, а роль государства строго утилитарная и лишь оформляет естественное право. В результате происходит сведение государственно-правовых процессов до некой минимальной концептуальной единицы – источника, из которого вытекают все существо нормативных отношений.

В правовом позитивизме производится лишь замена этого источника на другой при сохранении методологического подхода. В данном случае право представляет собой единую автономную, самодостаточную структуру как логически стройную систему норм, где все юридические положения выводятся из единого основополагающего источника. Связь права с другими компонентами нормативной системы, в частности с естественно-правовыми принципами и принципами морали, отрицается, соответственно юридическая действительность норм определяется исключительно формальными критериями, а не их моральным содержанием.

Редукционизм в праве как методологический подход также характерен для ранних правовых теорий, которые стремятся свести сложные правовые явления к наиболее простым элементам либо описывать право через другие более фундаментальные и общие явления [Smith, 1991, p. 68]. Для антипозитивистских теорий данный подход характерен при методологическом определении права как частного проявления неюридических категорий общественной жизни или окружающей природы, например биологии, психологии или экономики. Праву в данном случае отказывается в самостоятельности и автономности, то есть игнорируется уникальная природа права как социального регулятора.

В правовом позитивизме редукционизм приводит к упрощению права до более простых, фундаментальных элементов, исключая метафизические или моральные объяснения правовых явлений либо связь с ними. Такие теории утверждают, что право

можно полностью объяснить через конкретные фактические социальные явления, при этом все многообразие практик сводится к некой общей, системообразующей практике.

Редукционизм в позитивизме тесно связан с аналитическим подходом к праву, поскольку предполагает эмпирический характер исследований правовых явлений и установления реальных социальных практик и отношений. При этом акцент редукционистского подхода связан не просто с анализом практики, а с его упрощенной версией, ориентированной на определение минимальных, эмпирически проверяемые элементов – набору наиболее универсальных социальных фактов.

Именно развитие аналитической методологии в англо-американской правовой мысли позволило отойти от монизма и редукционизма как ключевых методологических приемов правовых исследований и установок правовой онтологии.

Методологические установки классического правового позитивизма

Наиболее явно монизм и редукционизм проявились в фундаментальных для правового позитивизма не только англо-американского, но и континентального – командной концепции Джона Остина и теории чистого права Ганса Кельзена [Green, Adams, 2019].

Джон Остин (1790–1859) – британский правовед и основоположник юридического позитивизма, чья теория права демонстрирует яркие черты как монизма, так и редукционизма. Его подход радикально упрощает понимание права, сводя его к базовым социальным связям и практикам власти, отрицая связь с иными явлениями. Остин жестко разделяет позитивное право и мораль в рамках разработанного им аналитического эмпирически ориентированного подхода к изучению права. Право должно изучаться как оно есть, а не каким оно должно быть [Halpin, 2013]. Право существует в практике социальной жизни, а не в мире идей, и связывается с очевидно представленными отношениями власти и подчинения. Монистичность теории Остина проявляется в том, что он предлагает интерпретацию права как приказов суверена – единственного источника нормативных установлений. Остин определяет право исключительно как принудительные команды верховного юридически безответственного правителя, подкрепленные санкцией. Правовед не только отрицает дихотомическую связь права и морали, но и упрощает систему публичной власти до правителя, определяя иных должностных лиц как обеспечивающих его неделимую власть [Austin, 1995, p. 166]. Соответственно в теории Остина упрощается объяснение юридической практики, в частности правоприменения. Административные и судебные органы являются лишь проводниками воли суверена, не имеющими компетентностной автономии, поэтому прецедентные практики сводятся лишь к «молчаливому согласию суверена» [Austin, 1995, p. 35].

Такая логика ведет к другой особенности остиновской теории – редукционизму. Редукционизм стремится свести сложные явления к простым элементам. Остин редуцирует право до примитивной модели права как принудительных команд, игнорируя сложные социальные и нормативные аспекты нормативной системы, а также разнообразие юридических практик [Austin, 1995, p. 14].

Любая правовая норма – это приказ суверена, обращенный к подданным в повелительной форме команды. Любые правила поведения так или иначе приобретают данную форму, потому управомочивающие законы и нормы, ограничивающие самого суверена, обычное право и правовые принципы – это несовершенные формы команд [Austin, 1995, p. 36]. Право представляет собой иерархию команд. Родовая принадлежность норм как исходящих от правителя является единственным критерием правового, что автоматически исключает то, что прямо не провозглашается или не признается сувереном, включая нормы религии и морали, конституционные и международные нормы. Упрощение природы правил также ограничивает возможности

объяснения порядка правопреемства официальной власти и низводит феномен обязательств и принятие права до простой привычки, обеспеченной санкцией.

Как отмечается в правовой науке, «теория [Остина]... утверждает, что нормативный язык, используемый при описании и изложении права... может быть проанализирован без остатка в фактических терминах, как правило, как констатация утверждений о власти и повиновении» [Green, Adams, 2019]. Таким образом, Остин – монист, поскольку видит право как единую систему, основанную на одном источнике, и редукционист, так как сводит право к простой форме принудительного приказа.

Теория Кельзена стала во многом продолжением общей линии монистического и редукционистского подходов в правовом позитивизме, хотя в анализе самого Кельзена предлагаемые им формулировки были призваны ограничить общий редукционизм позитивизма [Green, Adams, 2019].

Ганс Кельзен (1881–1973) – австрийский (позже американский) правовед – создатель чистой теории права, чьи взгляды представляют собой наиболее последовательное выражение юридического методологического монизма и редукционизма в нормативистском прочтении. Хотя Кельзен формально и является представителем континентальной правовой традиции, критика монизма и редукционизма тесно связана с его именем. Ценно также и то, что через его теорию можно анализировать подобные методологические подходы в отечественной и континентальной теории.

Кельзен рассматривает свою правовую концепцию как методологический проект чистого учения о праве, который предусматривает освобождение правовой науки от любых оценочных понятий и метафизических утверждений, в первую очередь морали, затрудняющих понимание права как формализованной нормативной системы. По сути, монизм определяет основу кельзеновской методологии [Kelsen, 2002, р. 7]. Правовед отождествляет право с замкнутой иерархичной системой норм, имеющей единый источник. Каждая норма получает силу от вышестоящей нормы в системе, которая по итогу восходит к основной норме (*grundnorm*). Государство также является производным от правопорядка, представляя некую его персонификацию [Kelsen, 1961, р. 110].

Редукция в теории выражается в упрощенном «чистом» понимании правовых норм. Право освобождается от всех неправовых оценочных элементов, социологических, психологических, политических и иных аспектов. Ключевым в понимании права является его принудительность [Kelsen, 1961, р. 18]. Как резюмируется в теории правоведа, «форма каждого закона – это форма условного приказа, направленного в суды, применять санкции, если совершается определенное поведение. С этой точки зрения право – это косвенная система руководства: оно не говорит субъектам, что делать; оно говорит должностным лицам, что делать своим субъектам при определенных условиях» [Kelsen, 1961, р. 61]. Кельзен прибегает к формально-логическому типу редукции, в результате право упрощается им до нормативной директивы – формальной логической конструкции, а юридическая практика – до операций делегирования нормотворческой власти и логическим выводам конкретных решений из общей нормы. Правовед, таким образом, предлагает крайнюю форму правового монизма и методологического редукционизма. Его теория имеет важное значение для правового анализа и построения формальной логики в праве, но слишком абстрактна для объяснения реального функционирования правовых систем.

Такое упрощенное объяснение правовых явлений не могло не столкнуться с серьезной критикой со стороны конкурирующих концепций. В конечном итоге ослабевающий авторитет правового позитивизма выразился в необходимости поиска новых ответов на прежний вопросы правоправедения [Hart, 1957].

Концептуальный анализ как ответ позитивистской редукции

Для англо-американского правового позитивизма знаковой фигурой при преодолении недостатков монизма и редукционизма в правовой теории стал Герберт Харт. В теории правоведа произведено масштабное переосмысление фундаментальных проблем классических правовых теорий и представлены критические комментарии к ним по следующим вопросам:

1. Отождествление права и команды. Здесь Харт обратился к теории императивов и выявленным в аналитической теории перформативным свойствам правовых понятий. Как указывает Харт, «различия между определенным видом законов и приказами, подкрепленными угрозой, лежит в трех плоскостях, касающихся содержания законов, способа их происхождения и сферы применения» [Харт, 2007, с. 30]. Приказ и правовая норма не могут отождествляться, поскольку последняя порождает следствия не только фактического, но и формального характера [Харт, 2007, с. 31–35].

2. Разнообразие законов. Правовая система по классической теории состоит из принудительных норм либо непосредственно, либо отсылается к ним, с чем правовед принципиально не соглашается. Харт пишет: «Попытка свести все разнообразие законов к этой простой и единой форме приводит к тому, что праву навязывается ложное единообразие» [Харт, 2007, с. 50]. Как итог в теории правоведа отмечается, что даже для обеспечения правопорядка необходимы не только обязывающие, но и управомочивающие нормы, поскольку помимо обеспечения безопасности общество также нуждается в установлении правил материального обмена и подтверждении статусов и состояний [Харт, 2007, с. 40–49].

3. Основания принятия системы. В классическом позитивизме действие права обеспечено простой привычкой подчинения субъекта принудительному режиму власти. Важным аспектом, отмеченным Хартом, стало то, что в такая система не может обеспечить институционального преемства, а потому мало отличается от примитивных нормативных отношений подчинения [Харт, 2007, с. 55]. В системе должны содержаться правила, обеспечивающие легализацию системы и правоприменение в нем, что противоречит концептуальному утверждению классической теории о верховенстве суверена [Харт, 2007, с. 52–74].

В результате в теории Герберта Харта произошел отказ от крайних форм монизма и редукционизма, что позволило рассмотреть право значительно шире и системно. Харт заменил классическую модель приказов суверена на концепцию системы первичных и вторичных правил и допустил возможность включения моральных критериев через системообразующее правило признания как части правовой системы в судебной практике и на уровне конституционных положений. Ключевым стало признание разнообразия законов и юридической практики, требующих более сложной методологии для понимания и объяснения. В итоге правовой позитивизм, несмотря на свою изначальную монистическую и редукционистскую природу, эволюционировал, чтобы преодолеть ключевые недостатки. После Харта англо-американский правовой позитивизм продолжает эволюционировать, поддерживая сложный баланс между формальными основаниями догмы позитивного права и гибкостью фактических правовых отношений.

Важнейшим средством преодоления монизма и редукционизма в правовом позитивизме стала новая аналитическая методология, впервые представленная в теории Харта [Summers, 1966]. Новым главным методологическим средством, начиная с его теории в современном англо-американском правовом позитивизме, стал концептуальный анализ [Marmor, 2019]. Метод позволил обеспечить сохранение четких критериев правовой действительности при учете сложности и разнообразия современных правовых систем, что стало значительным преимуществом современного правового позитивизма, поскольку позволяет анализировать взаимодействие права с другими элементами нормативной системы общества.

Концептуальный анализ предусматривает гораздо более тщательный и открытый подход к сбору эмпирических данных о правовой системе по гораздо более широкому кругу поиска и при концентрации на практике использования правовых понятий [Marmor, 2013]. В литературе метод характеризуется следующим образом: «С точки зрения концептуального анализа теории права стремятся охватить концепцию права, и они преуспевают в той степени, в которой они предоставляют связное описание соответствующих данных об этой концепции и связанных с ней концепциях» [Marmor, 2019]. Так, «теоретик начинает с предполагаемого набора критериев для правильного применения целевой концепции, а затем он проверяет его против своих представлений об этой концепции. Отчет успешно фиксирует целевую концепцию в той степени, в которой он дает интуитивно правильные результаты <...> и делает это объяснительно удовлетворительным способом» [Shapiro, 2011, p. 16]. Удовлетворительность методологии в данном случае зависит не от простоты, а от знаний того, «когда применяется слово "право", используемое в его юридическом смысле... и подразумевает нечто более содержательное: а именно, обладание широким спектром существенных убеждений... относительно концепции, ее существенных черт и ее надлежащего применения» [Marmor, 2019]. То есть формирование онтологических аргументов о праве зависит от сбора большого числа данных о практике правовой системы и представлениях людей о ней, условий формирования таких представлений и их релевантности эмпирическим данным и концептуальным гипотезам. Концептуальный анализ как методологический подход особое внимание уделяет свойствам права как социального явления, формируемого в практической деятельности, поэтому исследование права должно включать в себя данные о реальной и разнообразной практике [Stavropoulos, 2012; Raz, 2004]. Таким образом преодолеваются наиболее значимые недостатки монизма и редукционизма.

Применение концептуального анализа как нового методологического средства правового позитивизма в итоге задал значительный антиредукционистский импульс в правопонимании [Dickson, 2004]. Рефлексия классических позитивистских теорий привела к осознанию того, что монизм, «предусматривающий отношение ко всем законам как к приказам [суверена] скрывает важные различия в их социальных функциях, в способах, которыми они действуют в практических рассуждениях, и в типе оправданий, которым они подлежат», а редукционизм «также не более правдоподобен: о правовых обязательствах говорится когда нет вероятности применения санкций и когда нет положений о санкциях (как в обязанности судов применять закон). Более того, наличие правовых обязательств считается основанием для введения санкций, а не их следствием или составной частью» [Green, Adams, 2019]. Тем не менее необходимо отметить, что «один из способов понимания позиции [современного] юридического позитивизма – рассматривать ее как форму редукции» [Marmor, 2019]. Действительно, сама суть правового позитивизма, изначально выраженная в аналитическом исследовании Остина как правовая концепция, направленная на представление о праве в неметафизическом ключе. Вместе с тем актуальная интерпретация позитивистской редукции значительно отличается от остиновского подхода: «Юридический позитивизм, по сути, утверждает, что юридическая действительность сводится к фактам ненормативного типа, то есть к фактам о поведении, убеждениях и отношениях людей» [Marmor, 2019]. Однако определение того, что относится к таким фактам, является принципиально более широким [Leiter, 2007].

Заключение

Представленные выше аргументы позволяют заключить, что решение проблем монизма и редукционизма имеет для правопонимания и в особенности правового позитивизма особое значение, поскольку затрагивает саму возможность существования правовых концепций как адекватный инструмент познания права.

Правовой позитивизм преодолел первоначальные ограничения классических теорий через методологическую гибкость, позволившую учесть социальный контекст существования права и разнообразие взаимосвязанных проявлений нормативной системы, сохранив при этом свои ключевые преимущества, связанные с аналитическим подходом к анализу правовой системы. В итоге устранение недостатков монизма и редукционизма в позитивистской теории позволило сохранить методологическую устойчивость и объяснительный потенциал как конкурентоспособного направления в правопонимании, открывающего возможность к построению диалога с другими направлениями. Неслучайным является в данном контексте внимание современных правоведов к модернизации позитивистской теории при сохранении ее базовых принципов, в том числе и в отечественном правоведении, где формируется широкая дискуссия о необходимости методологического обновления позитивистской догмы. Такая дискуссия может быть построена только с учетом проблемы монизма и редукционизма в методологии правового позитивизма.

Список литературы References

- Баранов П.П. 2015. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России. *Российский журнал правовых исследований*, 4(5): 7–14.
- Baranov P.P. 2015. Pozitivistskoe pravoponimanie v yuridicheskoi nauke, praktike i povsednevnoi zhizni sovremennoi Rossii [Positivist legal understanding in legal science, practice and everyday life of modern Russia]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, 4(5): 7–14.
- Самохина Е.Г. Тонков Е.Н. 2020. В поисках теории права. СПб., Алетейя, 286 с.
- Samokhina E.G. Tonkov E.N. 2020. V poiskakh teorii prava [In Search of a Theory of Law]. Saint-Petersburg, Publ. Aleteiya, 286 p.
- Харт Г.Л.А. 2007. Понятие права. Пер. с англ. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 304 с. (Hart H.L.A. 1994. The Concept of Law. Oxford, Publ. Oxfofn Univercity Press. 328 p.)
- Khart G.L.A. 2007. Ponyatie prava [The Concept of Law]. Translated from the Engl. Saint-Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskogo un-ta, 304 p. (Hart H.L.A. 1994. The Concept of Law. Oxford, Publ. Oxfofn Univercity Press. 328 p.)
- Austin J. 1995. The Province of Jurisprudence Determined. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 344 p.
- Dickson J. 2004. Methodology in Jurisprudence: A Critical Survey. *Legal Theory*, 10: 117–156.
- Gragl P. 2018. Legal Monism: Law, Philosophy, and Politics. Oxford, Publ. Oxford University Press, 408 p.
- Green L. Adams T. 2019. Legal Positivism. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford, CA : The Metaphysics Research Lab, Department of Philosophy, Stanford University*.
- Halpin A. 2013. Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence. In: The Legacy of John Austin's Jurisprudence. Dordrecht, Publ. Springer: 14-40.
- Hart H.L.A. 1957. Analytical Jurisprudence in Mid-twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*, 105: 953-975.
- Kelsen H. 1961. General Theory of Law and State. New York, Publ. Russell & Russell, 432 p.
- Kelsen H. 2002. Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford, Publ. Clarendon Press, 216 p.
- Leiter B. 2007. Naturalizing Jurisprudence: Essays in American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy. Oxford, Publ. Oxford University Press, 287 p.
- Marmor A. 2013. Farewell to Conceptual Analysis (in Jurisprudence). In: Philosophical Foundations of the Nature of Law. Oxford, Publ. Oxford University Press: 209–229.
- Marmor A. 2019. The Nature of Law. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford, CA : The Metaphysics Research Lab, Department of Philosophy, Stanford University*.

* Стэнфордский университет внесен в список нежелательных организаций на территории РФ (Решение Генеральной прокуратуры РФ от 26 марта 2026 года).

- Postema G. 2012. Legal Positivism: Early Foundations. In: The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York, Publ. Routledge: 31-48.
- Raz J. 2004. Can there be a Theory of Law? In: The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford, Publ. Blackwell: 1-27.
- Shapiro S. 2011. Legality. Cambridge, Publ. Harvard University Press, 472 p.
- Smith S.D. 1991. Reductionism in Legal Thought. *Columbia Law Review*, 91: 68-109.
- Stavropoulos N. 2012. Obligations and the Legal Point of View. In: The Routledge Companion to Philosophy of Law. London, Publ. Routledge: 76-92.
- Summers R.S. 1966. The New Analytical Jurists. *New York University Law Review*, 41: 861-896.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025

Revised June 04, 2025

Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-5266-8852](https://orcid.org/0000-0001-5266-8852)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim D. Gorbunov, Candidate of Law Science, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-5266-8852](https://orcid.org/0000-0001-5266-8852)

УДК 34.09

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-574-581

EDN PFUGZM

Государственный контроль за деятельностью последователей католицизма и лютеранства в Российской империи начала XX века

Дурнева Н.С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

durnev4nat@yandex.ru

Аннотация. Отечественная историография уделяет особое внимание взаимодействию таких важнейших институтов в обществе, как государство и религия. Свод законов Российской империи определял Русскую православную церковь как первенствующую и господствующую, тем самым закрепляя православное вероучение единой истинной на земле религией. Закрепление подобного статуса православной веры стало для законодателя правовым выражением понятия «свой», которому противопоставлялось понятие «иностранный», то есть «иной», отделенный от «своего» религиозными, этнокультурными и правовыми перегородками. Следовательно, к понятию «иностранные исповедания» относились все иные исповедания. Значимым шагом в области правового регулирования неправославных конфессий стало утверждение в 1857 году Уставов духовных дел иностранных исповеданий, где был закреплен перечень исповеданий, относящихся к понятию «иностранные». В статье рассматриваются основные вопросы, разрешаемые государственными органами Российской империи начала XX века в отношении исповеданий, отнесенных Уставами духовных дел к категории иностранных, а именно Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церкви. Сделан вывод об уделении государством особого внимания делам, связанным с проведением антиправительственной, антивоенной и антимилитаристской пропаганды лицами, исповедующими католицизм и лютеранство.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, иностранные исповедания, государственный контроль, антиправительственная пропаганда

Для цитирования: Дурнева Н.С. 2025. Государственный контроль за деятельностью последователей католицизма и лютеранства в Российской империи начала XX века. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 574–581. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-574-581. EDN: PFUGZM

State Control over the Activities of Followers of Catholicism and Lutheranism in the Russian Empire in the Early 20th Century

Natalya S. Durneva

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

durnev4nat@yandex.ru

Abstract. Russian historiography pays special attention to the interaction of such important institutions in society as the State and Religion. The Code of Laws of the Russian Empire defined the Russian Orthodox Church “as preeminent and dominant”, thereby consolidating the Orthodox faith as “the one true religion

on Earth”. For legislators, the consolidation of such status of the Orthodox faith became a legal expression of the concept of “ours” which was opposed by the concept of “foreign”, that is, “other”, separated from “ours” by religious, ethno-cultural and legal barriers. Consequently, the concept of “foreign confessions” included all “other” confessions. A significant step in the field of legal regulation of non-Orthodox confessions was the approval in 1857 of the Charters of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, which established a list of confessions related to the concept of “foreign”. The article examines the main issues resolved by the state authorities of the Russian Empire at the beginning of the 20th century in relation to confessions classified as “foreign” by the Charters of Spiritual Affairs, namely the Roman Catholic and Evangelical Lutheran Churches. The study concludes that the state paid special attention to cases related to the conduct of anti-government, anti-war and anti-militarist propaganda by persons professing Catholicism and Lutheranism.

Keywords: state-confessional relations, department of spiritual affairs of foreign confessions of the ministry of internal affairs of the Russian empire, foreign confessions, state control, anti-government propaganda

For citation: Durneva N.S. 2025. State Control over the Activities of Followers of Catholicism and Lutheranism in the Russian Empire in the Early 20th Century. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 574–581 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-574-581. EDN: PFUGZM

Введение

Согласно архивной выписке «Статистические сведения о распределении населения по вероисповеданиям» по данным всеобщей переписи населения 1897 года в Европейской России насчитывалось 4 341 930 лиц, являющихся последователями Римско-католической церкви и 3 079 276 лиц, являющихся последователями Евангелическо-лютеранской церкви. Данные всеобщей переписи населения свидетельствуют о том, что в Российской империи начала XX века насчитывалось 7 421 206 последователей Римско-католической церкви и лютеран¹. Эти цифры говорят о религиозном многообразии в дореволюционной России. Именно существование неправославных конфессий на территории российского государства стало основной причиной создания в 1832 году государственного органа, осуществляющего контроль за ними, – департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Значимым шагом в области правового регулирования деятельности этого департамента стало утверждение в 1857 году Уставов духовных дел иностранных исповеданий². В Уставе определялось правовое положение каждого из исповеданий, именуемых в Российской империи «иностранными».

Современная научная литература включает в себя обширную базу работ, посвященных правовому регулированию деятельности неправославных конфессий на территории Российской империи. Рассматриваемая проблематика за последние пять лет изучалась: М.М. Клец [2022, с. 65], М.А. Орловым [2024, с. 300], А.В. Михайловой [2020, с. 18], Н.Д. Шихер [2021, с. 105]. Данные работы посвящены вопросам административно-хозяйственного характера и регулированию деятельности неправославных конфессий органами церковного управления. Стоит отметить, что в современных научных исследованиях отсутствовали работы, характеризующие особенности осуществления государственного контроля за последователями католицизма и лютеранства при проведении или возможности проведения ими антиправительственной и антивоенной пропаганды.

Цель исследования заключается в определении особенностей государственно-конфессиональной политики Российской империи начала XX века по отношению к католикам и лютеранам.

¹ ГАРФ. Ф. Р6991 Оп. 3. Д. 33. С. 33–34.

² Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/464987?ysclid=mfshzch9a8771487346> (дата обращения: 01.09.2025).

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются государственно-конфессиональные отношения, складывающиеся в области государственного контроля за деятельностью последователей католицизма и лютеранства в Российской империи начала XX века. Материалом исследования являются архивные документы и научная литература.

Использованы теоретические методы (историко-методологический анализ, анализ научной литературы и архивных документов) и частнонаучные методы (исторический и сравнительно-правовой).

Вероисповедная политика в отношении неправославных конфессий в Российской империи начала XX века

К числу иностранных исповеданий Уставы относили: римско-католическое и армяно-католическое; протестантские, к числу которых были отнесены: Евангелическо-Лютеранская Церковь, Евангелическо-Реформаторское общество, духовные дела колонистов немецких, колонистов Шотландских, Базельских, Менонитов и Баптистов; Армяно-Григорианская Церковь; духовные дела Караимов; евреев; Мусульманское духовенство Шиитского учения; Суннитское учение; духовные дела Калмыков. Контроль и надзор за их деятельностью осуществлялся Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи.

Н.В. Шингарева отмечает, что Департамента духовных дел являлся центральным органом, осуществляющим контроль за неправославными конфессиями в начале XX века. Его деятельность охватывала практически все инославные исповедания. При этом, его компетенция не распространялась на русское старообрядчество и сектантство, наблюдение за которыми осуществлял Департамент полиции [Шингарева, 2015, с. 55]. Е.А. Терюкова полагает, что Департамент духовных дел участвовал и в политике, реализуемой в области сектантских общин. В ее научных трудах было отмечено, что Февральская революция во многом повлияла на вероисповедную политику государства. Министерство внутренних дел совместно с Департаментом духовных дел разрабатывали законопроект, впервые определивший понятия: «вероисповедание», «религиозное общество» и «религиозная община». Но в связи с революционными потрясениями новый законопроект так и не был принят [Терюкова, 2010, с. 206].

В связи с нестабильной внутриполитической ситуацией в России начала XX века, сопряженной с ростом революционных настроений началом первой российской революции 1905–1907 гг., существовала возможность проведения лицами, относящимися к категории иностранных исповеданий антиправительственной, антивоенной и антимилитаристской пропаганды, поэтому первостепенными задачами Департамента духовных дел стали: контроль за деятельностью иностранных религиозных объединений; взаимодействие с департаментом полиции, губернаторами, генерал-губернаторами, высшими духовными лицами, представляющими интересы иностранных конфессий; рассмотрение дел по обвинению духовных лиц иностранных конфессий в распространении революционной проповеди, проведении антиправительственной пропаганды; принятие решений о выезде духовных лиц за границу; выявление тайных религиозных обществ и установление мотивов их создания, а в случае нелегальности их деятельности, принятие решений о запрете их функционирования [Малыгин, Лукьянов, 2003, с. 124].

Таким образом, деятельность Департамента духовных дел, была направлена на выявление и рассмотрение дел представителей религиозных обществ, деятельность которых носила антиправительственный характер. Департамент духовных дел взаимодействовал не только с департаментом полиции, но и с высшими чиновниками губерний. Губернаторами также осуществлялся контроль за религиозными обществами, а в случае подозрения в осуществлении нелегальной деятельности информировали Департамент духовных дел.

Государственный контроль за деятельностью последователей католицизма

В начале XX века особое внимание уделялось католикам, призывающим не повиноваться властям, не платить налоги, избегать воинской повинности. Данные действия были связаны с событиями, происходящими в Российской империи: первой русской революцией 1905–1907 гг.; русско-японской войной 1904–1905 гг.

Так, «26 августа 1906 года начальник Жандармского Управления Волковышского и Владиславовского уездов Сувалской губернии проинформировал Департамент полиции о том, что 20 августа в селе Поевонь Волковышского уезда заштатный ксендз П. Бульвичус, проживающий в селе Бартники Волковышского уезда, произнес проповедь, сущность которой сводилась к содержанию Выборгского воззвания и постановления Виленского съезда, то есть. не платить податей, не повиноваться властям, избегать воинской повинности. Произведенным по данному делу негласным расследованием не представилось возможным фактически изобличить его в этом и привлечь к дознанию в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, т. к. лица, предоставившие указанные сведения, просили оставить их в стороне, боясь мести от местного населения»¹. Помимо этого, П. Бульвичус в 1898 году привлекался к дознанию в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства по обвинению в преступлении, предусмотренном 251 ст. Уложения о наказаниях; в 1899 году отбыл шестимесячное заключение в Санкт-Петербургской одиночной тюрьме и был сослан в Сибирь на поселение. Представленное обвинение заключалось в том, что ксендз принадлежал к образовавшемуся в то время кружку среди воспитанников Сейненской духовной семинарии, выписывавшей литовские газеты антиправительственной направленности. 20 декабря 1906 года в Департамент духовных дел поступила информация от Сувалского губернатора о том, что дело о ксендзе Петра Бульвичуса прекращено на основании 277 и 1042 ст. Устава Уголовного судопроизводства за отсутствием улик. Переданная информация была изложена в определении Варшавской Судебной Палаты по 4 Уголовному Департаменту от 13 октября 1906 года².

Историк А.М. Белов пишет следующее: «Одним из факторов, предшествующих революциям, были перепады настроений социальных групп и сословий, к числу которых относилось и неправославное духовенство, вызванные общественным противостоянием, демонстрациями, манифестациями, подъемом революционной активности масс и другими проявлениями активности» [Белов, 2014, с. 90].

Несмотря на издание Указа Николая II от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», закреплявшего право всех подданных Российской империи исповедовать любое вероучение, равенства между конфессиями так и не устанавливалось, как и прежде приоритет принадлежал православию³. Государственный контроль за неправославными конфессиями не ослаб, а внимание государственных органов было сосредоточено на пресечении действий, сопряженных с антиправительственной и антивоенной пропагандой [Кулиев, Колесников, Осипов, Каспарян, 2022, с. 94]. Отметим, что католическое духовенство активно принимало участие в восстании 1863–1864 годах в Польше, следствием которого стали массовые репрессии, поэтому была высока вероятность осуществления во время религиозных процессий антиправительственных действий [Никулина, 2021, с. 172].

10 августа 1910 года помощником варшавского генерал-губернатора было направлено уведомление министру внутренних дел о том, что 13 мая 1910 года в посаде Вискитки Блонского уезда Варшавской губернии состоялась религиозная процессия из деревни Гузов, во главе с ксендзом Брониславом Залевским, проживающим в имении

¹ РГИА. Ф. 821 Оп. 2. Д. 771. С. 78–91.

² РГИА. Ф. 821 Оп. 3. Д. 772. С. 53–69.

³ Об укреплении начал веротерпимости // ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание третье. Т. XXV. Ст. 27172. СПб., 1905. С. 119–124.

Гузов, причем во время шествия исполнялась молитва на мотив запрещенного гимна *Boże, coś Polskę*; в пении участвовал оркестр, сопровождавший процессию. При появлении жандармов и чинов земской стражи пение прекратилось. Лиц, виновных в исполнении революционного гимна *Boże, coś Polskę* на музыкальных инструментах, во главе с капельмейстером оркестра, предложили подвергнуть взысканию в порядке действующего обязательного постановления. При опросе ксендз Залевский показал, что он принимал участие в процессии по просьбе владелицы имения Собанской и лично никакого участия в исполнении молитвы не принимал. Участники процессии неоднократно были уведомлены начальниками римско-католических епархий о воспрещении исполнения революционного гимна. Кроме того, жителям края неоднократно доводилась информация о запрете исполнения гимна *Boże, coś Polskę*, которая была изложена в циркуляре варшавского генерал-губернатора от 10 июля 1901 года № 2293. Так как ксендз Залевский не изобличен в исполнении этого гимна, то не представлялось возможным подвергнуть его взысканию. В то же время Залевский является единственным священником, сопровождавшим религиозную процессию, следовательно, он являлся ее руководителем и был обязан немедленно прекратить исполнение революционного гимна оркестром, но должных мер не предпринял. Ксендз Залевский был признан виновным в допущении исполнения участниками процессии революционного мотива. Помощником варшавского генерал-губернатора было направлено прошение в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи с просьбой уволить ксендза Залевского от занимаемой им должности капеллана домашней часовни Собанской, которое было удовлетворено ¹.

Пресечение проведения антиправительственной пропаганды, осуществляемой лицами неправославных конфессий, стало одной из первостепенных задач государства. [Ливцов, 2019, с. 76].

Помимо контроля деятельности католиков и лютеран в части, касающейся антиправительственной и антивоенной пропаганды, Департаментом духовных дел иностранных исповеданий контролировались и вопросы о переходе лиц из православной веры в католичество и лютеранство. Собранные сведения были опубликованы в «Обзрении Печати» от 5 апреля 1910 года. Согласно этим сведениям, в Приднепровском крае в 1909 году число лиц, перешедших из православия в католичество и лютеранство, достигло 17 тысяч человек ². Переход верующих в неправославную конфессию подтверждал, что у католиков и лютеран существовала религиозно-миссионерская деятельность [Андрощук, 2020, с. 32].

Государственный контроль за деятельностью последователей лютеранства

Во время Первой мировой войны вопросы, касающиеся беженцев, входящих в категорию иностранных исповеданий, разрешались отделом Министерства внутренних дел по устройству беженцев. К числу таких вопросов относилось финансирование. Создавались специальные комитеты, имеющие постоянное взаимодействие с беженцами неправославных конфессий [Бабак, 2024, с. 287]. В циркуляре отдела по устройству беженцев Министерства внутренних дел от 13 июня 1917 года № 11 о литовских беженцах лютеранского вероисповедания говорилось, что их финансирование осуществляется Латышским Центральным Комитетом, который имеет постоянное взаимодействие со всеми латышскими организациями на местах. Подчеркнем, что в циркуляре не указано, каким образом оказывается помощь беженцам лютеранского вероисповедания немецкой национальности. Было отмечено, что в связи с незначительностью беженцев лютеранского

¹ РГИА. Ф. 821 Оп. 3. Д. 944. С 61–82.

² РГИА. Ф. 821 Оп. 3. Д. 771. С. 79–81.

вероисповедания немецкой национальности, помощь оказывается преимущественно латышам¹.

Заключение

Таким образом, государственно-конфессиональная политика Российской империи начала XX века по отношению к последователям католицизма и лютеранства характеризовалась следующими особенностями:

1) рассмотрением и разрешением дел антиправительственной направленности, что было обусловлено ростом радикальных настроений в обществе: исполнением революционных гимнов на религиозных процессиях, обсуждением вопросов религиозного неравенства, высказыванием антиправительственных лозунгов;

2) сбором статистических данных о переходе лиц православного вероисповедания в католичество и лютеранство, что подтверждало существование у католиков и лютеран религиозно-миссионерской деятельности, разрешенной только православной церкви;

3) увеличением числа беженцев неправославного вероисповедания в связи с началом Первой мировой войны, что вызвало необходимость во взаимодействии отдела по устройству беженцев со специально созданными для разрешения вопросов их финансирования – местными центральными комитетами.

Список литературы

- Андрошук В.В. 2020. Формирование правовых основ системы управления инославными конфессиями в Российской империи XVIII начала XX веков. Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 1: 27–38.
- Бабак К.С. 2024. Конфессиональная проблематика в западнорусских епархиях Российской империи: взгляд западнорусских губернаторов по материалам переписки губернских канцелярий с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (1905–1909 гг.). Христианское чтение, 2: 282–289.
- Белов А.М. 2014. Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 6: 88–91.
- Кулиев Ф.М., Колесников И.Н., Осипов С.К., Каспарян К.В., 2022. Государство и церковь в Российской империи: проблемы взаимоотношений в XIX - начале XX в. Вопросы истории. 2022, 7-1: 90–96.
- Клец М.М. 2022. Формирование отечественного законодательства в сфере регулирования государственно-конфессиональных отношений. Государство. Религия. Биоэтика. Право, 2: 65–92.
- Ливцов В. А. 2019. Веротерпимость в вероисповедной политике России: историко-правовой аспект Вестник государственного и муниципального управления, 2: 71–79.
- Малыгин А.Я. Лукьянов С.А., 2003. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в регулировании межконфессиональных отношений. Сборник материалов научно-практических конференции и семинаров за 2003 год: Московский областной филиал Московского университета МВД России: 116–129.
- Михайлова А.В. 2020. Государственно-конфессиональные отношения: политологический анализ понятия. Этносоциум и межнациональная культура, 4: 17–33.
- Никулина И.Н. 2021. Ссылные польские католические духовные лица в Западной Сибири (60-е - конец 70-х гг. XIX в.): некоторые аспекты изучения. Народы и религии Евразии, 1: 173–181.
- Орлов М.А. 2024. Политика веротерпимости в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). Христианское чтение, 3: 300–312.

¹ РГИА. Ф. 821 Оп. 128 Д. 1752. С. 34-35.

- Терюкова Е.А. 2010. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII–начала XX веков). Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 4: 204–208.
- Тишков В. А. 2014. И русский, и российский. Вестник Российской нации., № 2(4): 85-97.
- Шингарева Н.В. 2015. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере. Вестник Московского университета МВД России, 10: 54–56.
- Шихер Н.Д. 2021. Анализ современных классификаций государственно-конфессиональных отношений. Вестник Поволжского института управления, 2: 104-114.

References

- Androshchuk V.V. 2020. Formation of legal foundations of the system of management of non-Orthodox confessions in the Russian Empire of the XVIII early XX centuries. Historical and legal problems: a new perspective, 1: 27-38. (In Russian).
- Babak K.S. 2024. Confessional problematics in the Western Russian dioceses of the Russian Empire: the view of Western Russian governors on the materials of correspondence of provincial chancelleries with the Department of Spiritual Affairs of foreign confessions (1905-1909). Christian reading, 2: 282-289. (In Russian).
- Belov A.M. 2014. The manifestation of revolutionary and anti-revolutionary sentiments in the context of Russia's modernization at the beginning of the 20th century. Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, 6: 88–91. (In Russian).
- Klets M.M. 2022. Formation of Domestic Legislation in the Sphere of State-Confessional Relations Regulation. State. Religion. Bioethics. Law, 2: 65-92. (In Russian).
- Kuliev F.M., Kolesnikov I.N., Osipov S.K., Kasparyan K.V. 2022. State and Church in the Russian Empire: problems of relations in the XIX - early XX century. Voprosy Historii, 7-1: 90-96. (In Russian).
- Livtsov V. A. 2019. Belief tolerance in the religious policy of Russia: historical and legal. Vestnik of State and Municipal Management, 2: 71-79. (In Russian).
- Malygin A.Ya., Lukyanov S.A. 2003. The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs in regulating interfaith relations. Collection of materials of scientific and practical conferences and seminars abroad 2003: Moscow Regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: 116-129. (In Russian).
- Mikhailova A.V. 2020. State-confessional relations: A political analysis of the concept. Ethnosociology and interethnic culture, 4: 17-33. (In Russian).
- Nikulina I.N. 2021. Exiled Polish Catholic clergy in Western Siberia (60s - late 70s of the XIX century): some aspects of the study. Peoples and religions of Eurasia, 1: 173-181. (In Russian).
- Orlov M.A., 2024. The Policy of Religious Tolerance in the Russian Empire during the First World War (1914-1917). Christian Reading, 3: 300-312. (In Russian).
- Shingareva N.V. 2015. The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 10: 54-56. (In Russian).
- Shiker N.D. 2021. Analysis of modern classifications of State-Confessional Relations. Bulletin of the Volga Institute of Management, 2: 104-114. (In Russian).
- Teryukova E.A. 2010. The Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and the ethno-confessional policy of the Russian state (XVIII-early XX centuries). State, Religion, and the Church in Russia and Abroad, 4: 204–208. (In Russian).
- Tishkov V.A. 2014. Both Russian and Russian. Bulletin of the Russian Nation, 2(4): 85-97. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 30.06.2025
Поступила после рецензирования 12.09.2025
Принята к публикации 22.09.2025

Received June 30, 2025
Revised September 12, 2025
Accepted September 22, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дурнева Наталья Сергеевна, адъюнкт,
Белгородский юридический институт МВД
России имени И.Д. Путилина, г. Белгород,
Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Durneva, Adjunct, Putilin Belgorod
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation, Belgorod, Russia.

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592

EDN PIZUBM

Нормативно-правовые аспекты и доктринальные подходы к пониманию феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства

Римский А.В., Дизер О.А., Абдулманова И.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, Zajcevil@mail.ru

Аннотация. Проведен историко-правовой анализ эволюции понятий ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства от античного права до международного гуманитарного регулирования. Особое внимание уделено проблеме интерпретации субъективной стороны деяний, разграничению уголовной и административной ответственности, а также идеологическим рискам, связанным с селективным правоприменением. Аргументируется необходимость нормативной конкретизации составов и усиления гарантий свободы выражения. Сделан вывод о том, что нормативное регулирование в этой области должно сочетать защиту достоинства личности с сохранением фундаментальных принципов правовой определенности, пропорциональности и нейтральности закона.

Ключевые слова: возбуждение ненависти, разжигание вражды, свобода выражения, правовая политика, субъективная сторона, административная ответственность, уголовное право, идеологизация права, селективность правоприменения

Для цитирования: Римский А.В., Дизер О.А., Абдулманова И.В. 2025. Нормативно-правовые аспекты и доктринальные подходы к пониманию феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 582–592. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592. EDN: PIZUBM

Normative and Legal Aspects and Doctrinal Approaches to Understanding the Phenomena of Hatred, Hostility, and Humiliation of Dignity

Alexei V. Rimsky, Oleg A. Dizer, Irina V. Abdulmanova

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, Zajcevil@mail.ru

Abstract. The article examines the normative and legal foundations and doctrinal approaches to understanding the phenomena of hatred, hostility, and humiliation of human dignity in Russian and foreign law. A historical and legal analysis of the evolution of relevant concepts from ancient law to international humanitarian regulation is carried out. The authors pay particular attention to the problem of interpreting the subjective side of acts, the delineation of criminal and administrative liability, as well as ideological risks associated with selective law enforcement. The need for normative specification of the compositions and strengthening of guarantees of freedom of expression is argued. It is concluded that the normative regulation in this area should combine the protection of human dignity with the preservation of the fundamental principles of legal certainty, proportionality and neutrality of the law.

Keywords: incitement to hatred, incitement to hostility, freedom of expression, legal policy, subjective side, administrative liability, criminal law, ideologization of law, selectivity of law enforcement

For citation: Rimsky A.V., Dizer O.A., Abdulmanova I.V. 2025. Normative and Legal Aspects and Doctrinal Approaches to Understanding the Phenomena of Hatred, Hostility, and Humiliation of Dignity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 582–592 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592. EDN: PIZUBM

Введение

Современная правовая действительность характеризуется нарастанием социально-политической и этноконфессиональной напряженности, что порождает расширение уголовно- и административно-правового регулирования публичных высказываний, связанных с ненавистью, враждой и унижением достоинства личности. Эти категории все чаще становятся объектом законодательной интервенции, судебной практики и доктринальных споров. Однако оценочный характер самих понятий, отсутствие единых подходов к определению их юридической природы, а также высокая зависимость правоприменения от политического и идеологического контекста создают риски произвольной интерпретации, подмены конституционных принципов правовыми фикциями и инструментализацией уголовного преследования.

В условиях цифровизации публичного дискурса, стремительного роста экстремистских форм вербальной агрессии и параллельно усиления государственной цензуры проблема правового баланса между защитой человеческого достоинства и сохранением свободы выражения приобретает первостепенное значение. Вопрос стоит не только в нормативной корректности составов правонарушений, но и в философской состоятельности самой концепции правового вмешательства в сферу мнения, убеждений и символической коммуникации. Именно поэтому критическое осмысление феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства сквозь призму уголовного и административного права, доктрины и судебной практики представляется не только теоретически значимым, но и практически необходимым для укрепления правовой определенности и обеспечения легитимности государственной реакции в условиях современных вызовов.

Целью исследования является комплексный анализ правовых механизмов регулирования публичных высказываний, содержащих признаки возбуждения ненависти, вражды или унижения человеческого достоинства, с акцентом на выявление границ допустимого правового вмешательства в сферу свободы выражения и обеспечения баланса между защитой личности и сохранением демократических основ правопорядка.

Авторами предполагается, что современная правоприменительная практика в сфере уголовного и административного преследования за высказывания, связанные с ненавистью, враждой и унижением достоинства, характеризуется высокой степенью оценочности и неопределенности, что, в отсутствие единых юридических критериев, создает риск инструментализации этих норм в ущерб свободе выражения и правовой определенности. Соответственно, существующее регулирование требует уточнения понятийного аппарата, дифференциации составов правонарушений и установления четких границ между уголовной и административной ответственностью.

Методы исследования:

- формально-юридический, использован для анализа нормативных правовых актов РФ и зарубежных государств, регулирующих ответственность за высказывания, содержащие признаки ненависти и вражды;
- сравнительно-правовой, применен для сопоставления подходов к hate speech в правовых системах России, Германии, Франции, США и международных договорах;

- доктринальный анализ, направлен на выявление философско-правовых оснований вмешательства государства в сферу мнений и символической коммуникации;
- кейс-метод (анализ судебной практики) – для оценки критериев установления субъективной стороны и общественной опасности высказываний в конкретных делах;
- социолого-правовой подход, позволяющий учесть влияние политического и идеологического контекста на правоприменение;
- системный метод, обеспечивающий целостное рассмотрение взаимосвязи уголовного, административного, конституционного и международного права в контексте регулирования публичной речи.

Подходы к понятиям «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Правовое регулирование феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства демонстрирует не только нормативную, но и цивилизационно-ценностную специфику, отражая эволюцию понимания человеческой личности и границ допустимого публичного высказывания. Эти категории нельзя свести исключительно к уголовно-правовым или административно-правовым конструктам: они носят междисциплинарный характер, находясь на пересечении конституционного права, прав человека, политической философии и социологии.

Еще в римском праве прослеживается защита *dignitas* – достоинства как социального статуса и символического капитала индивида. Хотя римские нормы не знали современного термина «разжигание вражды», правовая система Рима жестко регулировала формы публичного оскорбления: иск *actio iniuriarum* допускал компенсацию за вербальные и физические формы унижения личности.

В новое время, особенно после ужаса Холокоста и Второй мировой войны, необходимость нормативного закрепления защиты от дискриминации и разжигания ненависти стала не только юридической, но и моральной императивой. Ключевым этапом стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, в которой ст. 1 и ст. 7 утверждают принцип равенства и недопустимости дискриминации по признаку «расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений»¹. Эти принципы получили развитие в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), которая в ст. 4 прямо требует криминализации «всякой пропаганды и всех организаций, основанных на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц»².

Российское законодательство определяет возбуждение ненависти и вражды в ст. 282 УК РФ как действия, направленные на «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [УК РФ, 1996, ст. 2954]. С 2018 года законодательство было гуманизировано, уголовная ответственность наступает при наличииотячающих обстоятельств, в иных случаях применяется административное преследование по ст. 20.3.1 КоАП РФ³.

В Германии действует § 130 Уголовного кодекса (*Volksverhetzung*), предусматривающий наказание за публичные высказывания, способные вызвать ненависть или призвать к насилию в отношении групп, определенных по национальному, этническому, религиозному признаку, или лиц с ограниченными возможностями. Немецкое право,

¹ Организация Объединенных Наций. Всеобщая декларация прав человека // Международное право: Сб. документов. М.: Юрид. лит., 2010. С. 45.

² Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (заключена 21.12.1965) (с изм. от 15.01.1992) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

в отличие от российского, делает акцент не на «возбуждении» как внутреннем процессе, а на потенциальной дестабилизации общественного порядка.

Французская правовая система предусматривает уголовную ответственность за «публичное провоцирование к дискриминации, ненависти или насилию» (ст. 24 закона от 29 июля 1881 г. о свободе печати). Французская модель исходит из концепции *discours de haine* (hate speech) как категории, ограничивающей свободу слова ради защиты республиканских ценностей.

В США, напротив, благодаря Первой поправке к Конституции, судебная практика последовательно отстаивает максимальную свободу высказывания. В решении *Brandenburg v. Ohio* (1969) Верховный суд указал, что высказывания могут быть запрещены, только если они «направлены на подстрекательство к немедленному незаконному действию» и «вероятно, приведут к таковому». Таким образом, понятие hate speech в США не криминализируется как таковое, за исключением случаев прямого призыва к насилию.

Несмотря на близость терминов, между ними существует важное различие. Ненависть может быть направлена как на индивидов, так и на абстрактные категории (расу, религию), тогда как вражда в правовом смысле подразумевает более организованный, конфликтный и социально опасный характер отношения, как правило, имеющий тенденцию к политическому радикализму. Доктрина признает, что вражда предполагает устойчивость и экстремизм, тогда как ненависть может быть мимолетной или эмоциональной.

Как подчеркивает Ю.М. Батулин, «право не столько фиксирует эмоции, сколько регулирует поведение, способное привести к нарушению прав других. Следовательно, «вражда» имеет более ярко выраженный поведенческий вектор» [Батулин, 2012, с. 45].

Понятие «**возбуждение ненависти**» в российском праве (ст. 282 УК РФ) носит оценочный характер. Оно включает действия, имеющие целью создание, поддержание или усиление чувства враждебности между различными социальными или этническими группами. В отличие от прямых призывов к насилию, возбуждение ненависти может выражаться в форме утверждений, имеющих манипулятивный или стереотипный характер.

«**Разжигание вражды**» (термин, чаще используемый в немецкой и французской правовой традиции) акцентирует направленность действия на трансформацию частной ненависти в публичное проявление, включая подстрекательство к действиям, нарушающим общественный порядок.

«**Унижение достоинства**» – категория более тонкая и комплексная. Конституционный Суд РФ в Определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О разъяснил, что под унижением человеческого достоинства понимается «умаление социальной и личной ценности человека», сопряженное с дискриминацией или дегуманизацией.

Юридическая и философская коллизия между свободой слова и защитой человеческого достоинства – одна из наиболее острых в праве XXI века. Как отметил Рональд Дворкин, «свобода слова ценна не потому, что все сказанное имеет ценность, а потому, что сама возможность говорить определяет человеческое достоинство» [Дворкин, 2003, с. 104]. Однако именно в этой связи государство оказывается перед выбором, где проходит грань между допустимым мнением и недопустимым посягательством на правопорядок и достоинство личности. Международные документы (в частности, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах) допускают ограничения свободы выражения в целях «уважения прав и репутации других» и «охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»¹.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Разграничение уголовной и административной ответственности за «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Юридическое осмысление субъективной стороны деяний, квалифицируемых как возбуждение ненависти, разжигание вражды или унижение человеческого достоинства, требует не только точной нормативной интерпретации, но и обращения к фундаментальным философско-правовым вопросам: как соотносить вину с эмоцией, мотив с убеждением, волю с публичным высказыванием? Проблематика становится особенно острой в условиях правоприменения, где формально выраженная позиция (например, в социальной сети) начинает рассматриваться как преступное деяние. Современное российское уголовное право, следуя общепринятым классификациям, рассматривает вину как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. В деликтах, связанных с ненавистью, речь идет прежде всего о прямом умысле, лицо осознает характер своих действий и желает наступления последствий в виде возбуждения ненависти, унижения достоинства и т. п. Однако, как зафиксировать юридически факт «желания» возбуждения ненависти?

В судебной практике возникает сложность, эмоция как категория эфемерна и трудно поддается доказыванию. Эта неопределенность повышает риск произвольного правоприменения. Конституционный Суд РФ в ряде решений подчеркивал, что субъективная сторона состава преступления должна быть установлена на основе совокупности объективных данных, а не предположений следствия¹. Примером судебного подхода к доказыванию умысла может служить дело блогера Владислава Синицы, осужденного в 2019 г. по ч. 2 ст. 282 УК РФ. Суд сослался на «контекст, риторику и реакцию аудитории» как доказательства наличия цели возбуждения ненависти. Однако правозащитники указали на проблему неопределенности: высказывание по сути не содержало прямого призыва к действию, и интерпретация умысла была выведена из предположения о «общественном резонансе».

В российской и международной правовой доктрине ведется дискуссия о том, какие элементы внутреннего мира субъекта должны иметь юридическое значение. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11, мотив и цель деяния (например, побуждение к национальной розни) должны устанавливаться на основе объективных данных, характера высказывания, аудитории, используемой лексики, визуального сопровождения и т. д. Тем не менее мотив как психологическое явление не поддается однозначной фиксации. Как справедливо отмечает профессор А.В. Наумов, «признание мотива в качестве юридически значимого элемента должно быть строго ограничено, иначе это приводит к криминализации взгляда, а не поступка» [Наумов, 2016, с. 98].

В правовых системах США и Великобритании такие проблемы решаются через принцип *mens rea*, но с акцентом на конкретные действия, а не на идеологическую окраску. В делах о *hate speech* анализируется контекст, но не допускается уголовная ответственность за «чувства» или «убеждения», если они не материализованы в призыв к насилию.

Юридически значимыми становятся следующие элементы:

Характер лексики: использование выражений, исторически связанных с дискриминацией (например, «деградировавшие расы», «паразитические религии»).

Целевая аудитория: выступления, направленные на мобилизацию определенных групп (например, ультраправых организаций), обладают повышенной степенью общественной опасности.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П.

Платформа распространения: публикация на YouTube- или Telegram-канале с десятками тысяч подписчиков рассматривается как свидетельство публичности и преднамеренности.

Интонация и визуальный ряд: при анализе видеоматериалов учитываются не только слова, но и мимика, интонация, использование символики.

Как подчеркивает ЕСПЧ в ряде решений (например, *Perinçek v. Switzerland*, 2015), анализ должен быть комплексным и учитывать не только формулировку, но и общий политико-коммуникативный контекст. В противном случае, по мнению суда, существует риск «деградации свободы выражения до института наказания за несовпадающее мнение».

Один из ключевых вопросов, встающих перед правоприменителем и законодателем при регулировании феноменов ненависти и вражды, заключается в разграничении между мерами уголовного и административного характера. Эта граница не только формально-правовая, но и концептуальная, ибо отражает разное понимание степени общественной опасности, правовой природы посягательства и допустимых границ государственной репрессии.

В доктрине уголовного права принято считать, что уголовная ответственность наступает только в случаях, когда содеянное достигает высокого уровня общественной опасности. Это положение закреплено как в общих принципах уголовного законодательства, так и в позиции Конституционного Суда РФ: «уголовное преследование допустимо лишь при наличии деяния, обладающего признаками высокой степени опасности и посягающего на конституционно значимые блага»¹.

Таким образом, **административная ответственность** служит как бы фильтром, позволяющим реагировать на менее значительные проявления противоправного поведения, в то время как **уголовно-правовая реакция** включается лишь в случае устойчивого, целенаправленного и повторяющегося характера действий.

Примером такой логики является разграничение между ст. 20.3.1 КоАП РФ (мелкое возбуждение ненависти) и ст. 282 УК РФ (системное или отягчающее обстоятельствами возбуждение ненависти). Как разъяснил Верховный Суд РФ, «квалификация деяния по статье 282 УК РФ допустима, если установлены признаки устойчивости, публичности и направленности на дестабилизацию межнациональных, религиозных или социальных отношений» [Лебедев, 2020, с. 204].

Одним из слабых мест отечественного законодательства является дублирование норм, регулирующих идентичные по сути деяния. Это создает риск произвольного применения более жестких санкций. Например, фактически одинаковые действия (например, публикация ксенофобного текста в интернете) могут быть квалифицированы как административное правонарушение, либо как уголовно наказуемое деяние в зависимости от субъективного восприятия следователя или прокурора.

Такой подход противоречит принципу правовой определенности, закрепленному в ст. 1 УК РФ и в практике ЕСПЧ. В деле *Baczkowski v. Poland* (2007) ЕСПЧ подчеркнул, что неопределенность законодательства, позволяющая властям произвольно трактовать действия индивида, нарушает ст. 10 и 11 Европейской конвенции о защите прав человека. Ю.В. Голикова справедливо указывает: «В условиях нормативного перекрытия уголовного и административного составов, вопрос о мере наказания превращается в вопрос об отношении правоприменителя к субъекту, а не к праву» [Голикова, 2014, с. 78].

В правовой литературе существует ряд подходов к разграничению административных и уголовных составов по признаку:

– интенсивности общественной опасности (формализуемой через повторность, публичность, тиражирование);

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

- формы вины (наличие специального умысла в уголовной форме, и простой в административной);
- средства распространения (интернет, СМИ, публичное выступление);
- наличия последствий (общественные беспорядки, рост межэтнического напряжения).

Например, предлагается установить **обязательный фильтр в виде судебной квалификации**, исключив право возбуждать уголовные дела по ст. 282 УК РФ¹ без предварительного рассмотрения административного дела в мировом суде. Такой подход обеспечил бы соблюдение презумпции минимальности вмешательства государства в сферу свободы слова и обеспечил бы иерархичность правовых средств.

В США, как уже отмечалось, hate speech не криминализуется, за исключением случаев прямого подстрекательства к насилию. В то же время в ряде стран ЕС действует **двухуровневая модель**: сначала – административная реакция в форме предупреждений, блокировок и штрафов, затем – уголовное преследование при наличии устойчивой общественной опасности. Германия и Франция используют «систему раннего реагирования» через специализированные агентства (*Bundesprüfstelle, CNCDH*), уполномоченные оперативно отслеживать ксенофобный контент и инициировать процесс.

Таким образом, **институционализированное разграничение мер воздействия** – одно из ключевых условий эффективности и легитимности государственной политики в борьбе с разжиганием вражды.

Критерии оценки понятий «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Юридическое регулирование публичных высказываний, связанных с проявлениями ненависти, вражды или унижения достоинства, в современных правовых системах уже невозможно мыслить вне политического и идеологического контекста. Объективно и беспристрастно применяемая правовая норма – это теоретический идеал, который при столкновении с реальными практиками управления общественным мнением оказывается подвержен интерпретациям, избирательности и подмене целей. Именно здесь возникает риск не защиты общественного блага, а **инструментализации права** как средства политической репрессии или моральной цензуры.

Норма, формулирующая запрет на разжигание вражды или унижение достоинства, является по своей природе **оценочной** и требует интерпретации. Но каждая интерпретация опирается на ценностные координаты, заданные либо **конституционными установками**, либо **доминирующей идеологией**. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 2-П подчеркивается, что «право на свободу выражения мнений не может быть реализовано способами, нарушающими достоинство других лиц, подрывающими основы межнационального согласия и терпимости в обществе». Тем самым суд предлагает идеологическую рамку, в которой достоинство выступает как не подлежащее критике основание публичной этики, а «терпимость» как высшая правовая ценность.

Но как определять границы этой терпимости? Кто наделен правом решать, является ли то или иное мнение провокацией, критикой или агрессией? Именно в таких случаях право рискует превратиться в **репрессивный аппарат**, подавляющий инаковость под видом защиты равенства. Как отмечал М. Фуко, «право формируется в поле сил, и не существует нейтральной юрисдикции — всякая норма предстает как закрепление определенной стратегии власти» [Фуко, 1996, с. 221].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Современная российская практика демонстрирует ярко выраженную **избирательность применения норм** о возбуждении ненависти и унижении достоинства. Например, высказывания, направленные на дискредитацию религиозных меньшинств, нередко остаются без правовой реакции, тогда как критика представителей власти быстро квалифицируется как разжигание социальной вражды. Показательно дело Д. Полудовой, осужденной по ч. 2 ст. 280 УК РФ за публикации, интерпретированные как посягательство на территориальную целостность РФ. При этом высказывания, содержащие признаки ненависти к этническим и ЛГБТ-группам, остаются без правовой реакции. Подобная избирательность порождает эффект правового дуализма и подрывает легитимность нормативного механизма защиты достоинства. Комитет ООН по правам человека в своих замечаниях по России указывал: «применение законодательства о борьбе с экстремизмом должно осуществляться в соответствии с принципами равенства, правовой определенности и пропорциональности»¹.

Ограничения свободы выражения в правовом государстве возможны только в пределах, установленных Конституцией и международными обязательствами. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права человека могут быть ограничены лишь в целях «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»². Однако именно **интерпретация** этих формулировок может стать ареной политических игр. Как подчеркивает А.А. Ослон, «запретная норма, лишенная проверяемых критериев, становится механизмом идеологического контроля – ее основное назначение не в защите права, а в санкционировании нужного поведения» [Ослон, 2018, с. 24]. С этой точки зрения борьба с ненавистью превращается в **превентивный контроль за мнением**, где ключевую роль играют не сами слова, а фигура высказывающего и контекст власти. Так право перестает быть инструментом равенства и превращается в диспозитив исключения.

Обобщая проведенный анализ, следует признать, что нормативно-правовая регуляция феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства находится в зоне высокой теоретической и практической неопределенности. Пограничный характер этих понятий, находящихся между правом, моралью и политикой, требует не только юридической техники, но и философской проработки — понимания пределов допустимого, сущности свободы выражения и предела государственного вмешательства.

Прежде всего, как показал историко-правовой анализ, категория «достоинство» — центральное понятие всей нормативной конструкции. От римской *dignitas* до универсалистских документов XX века (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах) — идея достоинства выступает не только как объект охраны, но и как основа ограничения свободы, включая свободу слова. Проблема в том, что чем выше символическая ценность категории, тем выше риск ее идеологизации, защита достоинства все чаще становится обоснованием политической репрессии и селективного применения закона.

Во-вторых, как выявлено в сравнительно-правовом и доктринальном анализе, в разных правовых системах отсутствует единый подход к разграничению понятий «ненависть» и «вражда», трактовке состава преступления и фиксации субъективной стороны деяния. Российская модель тяготеет к кодифицированной, но оценочной формуле (ст. 282 УК РФ), которая остается подверженной произвольному расширительному

¹ UN Human Rights Committee. Concluding observations on the seventh periodic report of the Russian Federation. CCPR/C/RUS/CO/7. Geneva, 2015. P. 6.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

толкованию со стороны правоприменителей. В то же время в системах англо-американского права свобода слова трактуется значительно шире, а сам факт негативного отношения к группе лиц не является основанием для вмешательства со стороны государства, если это не связано с прямым и неминуемым призывом к насилию (*Brandenburg v. Ohio*, 1969).

В-третьих, исследование показало правовую зыбкость разграничения между **административной** и **уголовной** ответственностью. Совпадение диспозиций в КоАП РФ и УК РФ (ст. 20.3.1 и ст. 282 соответственно), размытость понятий «публичность», «деструктивность» и «возбуждение», а также отсутствие формализованных критериев для определения степени общественной опасности создают предпосылки для правовой неопределенности и правоприменительного произвола. Это нарушает принцип *nullum crimen sine lege certa* – «нет преступления без определенного закона».

Наконец, обращение к вопросу **правовой политики** позволяет сделать критический вывод: текущая тенденция к усилению государственного контроля за публичными высказываниями сопряжена с риском подмены уголовного права политической цензурой. Использование норм о ненависти и вражде как инструмента контроля над дискурсом разрушает доверие к правовой системе и нарушает фундаментальный баланс между индивидуальной свободой и публичной безопасностью. Как указывал Дворкин, «государство не должно защищать своих граждан от обидных идей — оно должно защищать их право отвечать» [Дворкин, 2003, с. 154].

Таким образом, необходима комплексная доктринальная и законодательная ревизия регулирования публичных высказываний, в особенности в части правовой квалификации посягательств на достоинство, возбуждение ненависти и разжигание вражды.

Основные направления могут включать:

- четкое разграничение уголовных и административных составов по объективным критериям;
- исключение оценочных формул без параметров проверки;
- введение обязательной стадии предварительной административной квалификации деяния до возбуждения уголовного дела;
- обеспечение проведения независимой экспертной оценки высказываний с участием специалистов в области лингвистики, психологии и права.

Усиление судебного контроля над интерпретацией мотивов и контекста.

Подлинное правовое государство не может допустить, чтобы право теряло смысл в момент политической необходимости. Вопрос не в том, чтобы отказаться от защиты достоинства, а в том, **чтобы не утратить достоинство самого права**.

Заключение

Юридическая регламентация феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства представляет собой одну из наиболее сложных и многослойных проблем современного права. В условиях усиливающейся социокультурной поляризации, цифровизации дискурса и роста правовой интервенции в сферу символической коммуникации, данные категории приобретают не только юридическое, но и мировоззренческое значение. Их регулирование затрагивает не только формальные аспекты уголовной или административной квалификации, но и фундаментальные вопросы взаимоотношения свободы выражения и защиты человеческого достоинства как высшей правовой ценности.

Современная правовая практика, как российская, так и зарубежная, демонстрирует, что правоприменение в данной сфере все более зависит от политико-идеологического контекста. Эмоционально и оценочно нагруженные категории («вражда», «ненависть»,

«унижение достоинства») не обладают четкими границами и потому легко поддаются инструментализации, что создает риски подмены принципа правовой определенности произвольной репрессивной практикой, особенно в случаях, когда квалификация деяния основывается на предположениях о мотивах, а не на объективных фактах.

Сравнительный анализ международных подходов демонстрирует наличие нескольких моделей, от минималистской (США), ориентированной на защиту свободы слова до последнего рубежа, до интервенционистской (Германия, Франция), рассматривающей hate speech как угрозу общественному порядку и ценностному единству. Российская модель пытается балансировать между этими полюсами, однако сталкивается с проблемами правовой неопределенности, дублирования норм, избирательности преследования и чрезмерной зависимости правоприменения от контекста и фигуры субъекта.

Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективное и легитимное правовое регулирование феноменов ненависти и вражды возможно только при соблюдении ряда принципиальных условий: нормативной ясности, философской обоснованности вмешательства, институциональной независимости правоприменителя и уважения к иерархии прав человека. Необходима разработка внятных критериев разграничения между уголовной и административной ответственностью, четких стандартов оценки субъективной стороны деяний, а также развитие правовой доктрины, способной соотнести свободу слова с меняющимся ландшафтом общественных рисков. Только при этих условиях право способно выполнять свою миссию, быть не инструментом подавления, а механизмом справедливости и гражданского согласия.

Список литературы

- Батурин Ю. М. 2012. Свобода слова и пределы допустимого. М.: Норма. 87 с.
Голикова Ю.В. 2014. Конкуренция норм и принцип справедливости. СПб.: Юрид. центр Пресс. 119 с.
Дворкин Р. 2003. Серьезность дела: размышления о праве, морали и политике. М.: ИНИОН, 214 с.
Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2020. 652 с.
Наумов А.В. 2016. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Норма. 142 с.
Ослон А.А. 2018 Политико-правовая идеология в современной России. М.: ИСПИ РАН. 92 с.
Фуко М. 1996. Воля к истине. СПб.: Наука. 446 с.

References

- Baturin Yu. M. 2012. Freedom of speech and limits of the permissible. M.: Norma. 87 p.
Golikova Yu.V. Competition of Norms and the Principle of Justice. SPb.: Legal Center Press, 2014. 119 p.
Dvorkin R. The Seriousness of the Case: Reflections on Law, Morality, and Politics. M.: INION, 2003. 214 p.
Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / edited by V. M. Lebedev. M.: Norma, 2020. 652 p.
Naumov A.V. Russian Criminal Law. General Part. M.: Norma, 2016. 142 p.
Oslon A. A. Political and Legal Ideology in Modern Russia. M.: ISPI RAS, 2018. 92 p.
Foucault M. The will to truth. St. Petersburg: Nauka, 1996. 446 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 23.06.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

Received June 23, 2025

Revised August 28, 2025

Accepted September 18, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника института, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Irina V. Abdulmanova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-593-601
EDN PJLCDS

Конституционные ценности и уровень правосознания граждан как факторы предотвращения внутригосударственных кризисов

Задорожная Е.В.

Московский международный университет
Россия, 125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17
evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Аннотация. Исследование конституционных ценностей и уровня правосознания граждан критически важно, поскольку их гармоничное взаимодействие формирует правовую и социальную устойчивость государства, минимизируя риски внутренних конфликтов и обеспечивая легитимность власти в кризисных условиях. При этом в современной науке отсутствуют комплексные работы, раскрывающие механизмы взаимовлияния конкретных конституционных ценностей и динамики правосознания граждан в контексте их превентивного воздействия на внутригосударственные кризисы, что ограничивает разработку ключевых стратегий укрепления правовой устойчивости общества. Цель исследования заключается в установлении наличия взаимосвязи между конституционными ценностями и правосознанием граждан, а также в оценке их влияния на предотвращение внутригосударственных кризисов, при возникновении которых трансформируются содержательные особенности основных признаков государства. Проведен анализ теоретических подходов к определению и систематизации конституционных ценностей, их роли в формировании аксиологического фундамента общества, а также влияния на стабильность правового регулирования в условиях трансформации государственных институтов. Особое внимание уделено значению правосознания как внутреннего регулятора поведения граждан, источника развития права и инструмента реализации государственной воли. Показано, что гармонизация конституционных и традиционных духовно-нравственных ценностей способствует укреплению правовой культуры, формированию доверия к институтам власти и снижению риска возникновения кризисных явлений. Сделан вывод о необходимости сохранения гуманистических начал права, его антропоцентричности как залога стабильности и поступательного развития Российской Федерации в условиях вызовов и трансформаций.

Ключевые слова: трансформация, государство, правосознание, Конституция, народ, государство

Для цитирования: Задорожная Е.В. 2025. Конституционные ценности и уровень правосознания граждан как факторы предотвращения внутригосударственных кризисов. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 593–601. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-593-601. EDN: PJLCDS

Constitutional Values and the Level of Citizens' Legal Awareness as Factors in Preventing Domestic Crises

Evgenia V. Zadorozhnaya

Moscow International University
17 Leningradskii Ave., Moscow 125040, Russian Federation
evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Abstract. The study of constitutional values and the level of legal awareness in citizens is critically important, since their harmonious interaction forms the legal and social stability of the state, minimizing the risks of internal conflicts and ensuring the legitimacy of government in crisis conditions. At the same

time, modern science lacks comprehensive works that reveal the mechanisms of mutual influence of specific constitutional values and the dynamics of citizens' legal awareness in the context of their preventive impact on domestic crises, which limits the development of key strategies for strengthening the legal stability of society. The purpose of the study is to establish the relationship between constitutional values and the legal consciousness of citizens, as well as to assess their impact on the prevention of domestic crises, which transform the substantive specificities of the main features of the state. The author analyses theoretical approaches to the definition and systematization of constitutional values, their role in the formation of the axiological foundation of society, as well as the impact on the stability of legal regulation in the context of the transformation of state institutions. Special attention is paid to the importance of legal awareness as an internal regulator of citizens' behavior, a source of law development, and a tool for implementing the state will. It is shown that the harmonization of constitutional and traditional spiritual and moral values contributes to strengthening legal culture, building trust in government institutions, and reducing the risk of crisis phenomena. The conclusion is made about the need to preserve the humanistic principles of law, its anthropocentricity as a guarantee of stability and progressive development of the Russian Federation in the face of challenges and transformations.

Keywords: transformation, state, legal awareness, Constitution, people, state

For citation: Zadorozhnaya E.V. 2025. Constitutional Values and the Level of Citizens' Legal Awareness as Factors in Preventing Domestic Crises. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 593–601 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-593-601. EDN: PJLCDS

Введение

Исследования аксиологического характера все больше распространяются в публично-правовой сфере, например, Р.У. Маджиева выделяет следующие разновидности ценностей: конституционные; моральные; правовые; научные; исторические; социальные; философские и др. [Маджидова, 2019]. Правосознание граждан, в свою очередь, может рассматриваться в контексте обеспечения стабильности в различных сферах и предотвращения внутригосударственных кризисов.

Трансформация государства сопровождается процессом трансформации признаков государства, а также перераспределением властных функций в системе разделения властей, что осуществляется путем делегирования полномочий. В результате конституционных трансформаций, социальных конфликтов и внутригосударственных кризисов происходит изменение различных общественных отношений. Фактическая конституция на определенном этапе развития государства фиксирует сложившееся соотношение сил. Проявления конституционных трансформаций могут выражаться действиями, бездействием субъектов права или многочисленными нарушениями конституционных норм и принципов. Таким образом, мы говорим о государстве как о балансирующей системе. Любая система стремится к устойчивому состоянию. Неопределенность, особенно правовая, отторгается как нехарактерная для системных объектов [Лучин, 1996].

Конституция Российской Федерации закрепляет правовые основы для функционирования общества – в данном контексте важно обеспечить реальную применимость конституционных норм, их эффективную реализацию в практике государственного управления и повседневной жизни граждан, одновременно снижая риски формирования низкого уровня правосознания и институциональных противоречий.

Целью данного исследования является установления наличия взаимосвязи между конституционными ценностями и правосознанием граждан, а также оценка их влияния на предотвращение внутригосударственных кризисов, при возникновении которых трансформируются содержательные особенности основных признаков государства.

О конституционных ценностях

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления в пленарной сессии XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. отметил: «Наступает в некотором смысле момент истины. Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьезная, непримиримая борьба... сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими гуманистическими началами, а человек – остаться человеком»¹. Система ценностей закладывается на высшем уровне, на уровне Конституции страны, нормы которой имеют прямое действие. Это становится залогом победы государства в кризисных ситуациях как международного, так и внутригосударственного характера. Игнорирование ценностной составляющей конституции и придание ей необязательного характера может повлечь за собой подмену подходов к пониманию демократии формулами, не соответствующими традициям народовластия в классическом его смысле.

Наличие в Конституции Российской Федерации ценностной составляющей позволяет сохранять устойчивое состояние общества, одновременно обеспечивая развитие общественных отношений в привычных для общества парадигме и правовой традиции. Между тем смена технологического уклада в XXI веке, по мнению правоведов, может повлечь за собой развитие права, в том числе революционное его преобразование [Синюков, 2021]. Изменения касаются прежде всего внутренней организации права, его базовых принципов и свойств [Хабриева, 2021], так как право является инструментом живым, активно реагирующим на происходящие изменения социально-экономического и политического характера [Хабриева, 2024]. Исследователями отмечается тенденция к дегуманизации права, проявляющейся в формировании идейной основы и практических попытках включения в состав субъектов права квазисубъектов нового поколения (нового вида), порожденных особенностями цифрового общества [Хабриева, 2021]. Доктрина права уже может предложить изменения в правовом регулировании различных отношений с учетом тенденции к нивелированию фундаментальных различий между привычными субъектами и объектами правовых отношений – людьми и предметами, а в будущем, возможно, к противостоянию права людей и права имущества [Хабриева, 2019].

В настоящее время конституционные ценности позволяют обеспечивать стабильность правового регулирования с учетом положения ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»². Конституционные ценности все чаще становятся объектом исследований, что, на наш взгляд, обусловлено стремительным развитием технологий, сопровождающимся смещением фокуса внимания с морально-нравственных основ на технологическое лидерство. При этом значимая роль отводится осмыслению возможностей интеграции достижений технологической мысли с точки зрения права и этики – так, Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова и С.Б. Бальхаева высказываются о влиянии «внедрения» технических устройств в тело человека (для восстановления или улучшения способностей) на его идентичность [Тихомиров, Кичигин, Цомартова, Бальхаева, 2021]. По нашему мнению, необходимо придерживаться гуманистических начал права, его антропоцентричности при любом темпе технологического развития.

¹ Путин: Наступает момент истины, прежнее мироустройство уходит безвозвратно // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2024/11/07/putin-nastupaet-moment-istiny-prezhnee-miroustrojstvo-uhodit-bezvozvratno.html?ysclid=mfuxrfe8ie120975397> (дата обращения 22.08.2025).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mfuy6rjotb876126446> (дата обращения 22.08.2025).

Объективированные Конституцией Российской Федерации ценности подвергаются всестороннему анализу [Бурла, 2024], а неявно выраженные в тексте Основного закона – формулируются в актах Конституционного Суда Российской Федерации¹. Нормативными правовыми актами осуществляется наполнение установленных правовых рамок определенным содержанием. Так, среди принятых за последние годы нормативных правовых актов следует особо отметить Стратегию национальной безопасности Российской Федерации², Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³. Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» определяет единство системы конституционных ценностей как один из принципов соответствующей политики. При этом отметим, что в рамках правовых исследований ученые формулируют многообразие авторских подходов к содержанию, структуре и осмыслению сущности конституционных ценностей. Рассмотрим некоторые из таких позиций.

Правовед Г.А. Гаджиев подвергает анализу конституционные нормы, в которых закрепляются актуальные ценностные ориентиры и цели социально-экономического развития государства, подчеркивая их взаимосвязь с системой законодательства. Он приводит метафору, сравнивая конституционные ценности, закрепленные в статье 75.1 Конституции Российской Федерации, со стенографическими знаками. Такое изложение позволяет продемонстрировать многослойность информации о базовых социальных представлениях. Особенное внимание Г.А. Гаджиев уделяет концепции устойчивого экономического развития как ключевой конституционной ценности. Под устойчивостью развития при этом понимается удовлетворение потребностей настоящего поколения, без ущемления интересов последующих поколений. Ученый также придерживается позиции дифференциации устойчивости на «слабую» и «сильную». В рамках первой происходит поддержание справедливого и неснижаемого уровня общественного благосостояния для всех поколений. В рамках второй подразумевается, что межпоколенческая справедливость достигается только при сохранении неизменного запаса природных ресурсов и качества окружающей среды [Гаджиев, 2022].

Другой современный исследователь, В.М. Бурла, предлагает авторское видение понятия и системы конституционных ценностей. В основе лежит аксиологический анализ Конституции Российской Федерации. По ее мнению, под конституционными ценностями предлагается понимать «наиболее значимые для конкретного государственно организованного общества на определенном историческом этапе социальные ценности (цели, приоритеты, принципы организации и деятельности государства), объективированные конституцией, отражающие актуальный цивилизационный выбор страны, выступающие в качестве инструмента государственного целеполагания, имеющие стратегическое (перспективное, программное) значение и направленные на обеспечение оптимального устойчивого развития и сбалансированной конституционно-правовой защиты личности, общества и государства». С ее точки зрения, перечень

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1398-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1398-o/> (дата обращения: 14.06.2025).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723&ysclid=mfv1ketqs3382859778> (дата обращения: 02.09.2025).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=mfv1lup3b4797675691> (дата обращения: 02.09.2025).

системообразующих конституционных ценностей Российской Федерации выглядит следующим образом: а) высшая ценность человека, его прав и свобод (ст. 2); б) системообразующие ценности суверенной государственности (демократическая и правовая государственность (ст. 1), народный суверенитет, народовластие (ст. 3), государственный суверенитет, территориальная целостность (ст. 4)); в) системообразующие социально-экономические ценности (ценность социальной государственности (ст. 7); ценности рыночной экономики (ст. 8)); г) системообразующие духовно-нравственные ценности (идеологический и политический плюрализм (ст. 13), светская государственность (ст. 14)) [Бурла, 2024].

В работе «Конституционно-правовые ценности: понятие, виды, иерархия» Д.А. Авдеев формулирует понятие конституционных ценностей следующим образом: «явления или социально значимые обстоятельства, закрепляемые в последующем в конституции (или же приравниваемых к ней иных правовых документах), выступающие в качестве ориентирующих положений, предопределяющих содержание норм текущего законодательства, в основе которого лежит приоритет конституционных ценностей при регулировании общественных отношений». Автор относит к конституционным ценностям правовую свободу, отношения собственности, общественный правопорядок и государственную безопасность [Авдеев, 2020].

В.В. Аристархов и П.А. Шашкин уделяют внимание взаимосвязи понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Они трактуют традиционные и общечеловеческие ценности в качестве единой системы конституционных ценностей, в которой духовно-нравственные ценности исторически обусловлены и отражены в нормах Конституции, являясь их правовым выражением, сформированным в ходе уникального развития российской цивилизации и правовой системы. Авторы отмечают, что именно эта системность формирует основу для существования российского общества и государства. Конституция призвана объединять людей, отражать «идентичность народа, являющегося источником власти, включая развитое национальное правосознание, приверженное базовым принципам и ценностям, составляющим основы конституционного строя страны» [Аристархов, Шашкин, 2025].

О правосознании

Право используется субъектами правоотношений в качестве средства для разрешения как текущих конфликтов, так и потенциально возможных. По мнению А.В. Корнева, противоречия затрагивают все сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную, духовную. Они имеют различную глубину, что влияет на всех членов общества [Корнев, 2015]. Между тем поведение субъектов в различных обстоятельствах зависит от уровня развития их правосознания. Другие исследователи к очевидным основаниям юридических конфликтов причисляют дефекты правовых норм, а к неочевидным – относят изъяны правовой мотивации, правового сознания, его отсталости [Бальхаева, Цомартова, 2017].

Правосознание в течение многих лет трактовалось по-разному. В XIX и в начале XX в. доминировал принцип «самодержавие, православие, народность». В советский период истории нашей страны правосознание становилось отражением идеологии, а также универсальных принципов, таких как справедливость, законность и т.п. Конституционные кризисные явления, произошедшие в стране на рубеже 1990-х годов, привели к смене формы государства, трансформации правового регулирования жизнедеятельности общества. Постулаты социалистической законности сменились признанием доктрины верховенства права.

В научной литературе отмечается важность опережающего воздействия права, необходимость изучения правосознания [Тихомиров, 2018]. Невысокая степень развития

правосознания рассматривается как фактор, усложняющий эффективное функционирование механизмов саморегулирования в различных областях общественной жизни [Хабриева, Габов, 2015]. Также необходимо отметить значимость как охранительной, так и регулятивной функции права, с помощью которого осуществляется регулирование социально-экономических процессов в обществе. Вместе с тем правосознание может рассматриваться в качестве источника развития права.

Как совокупность идей, теорий, представлений, которые отражают оценку обществом юридически значимых явлений и служат внутренним фактором, определяющим любую деятельность в области права, определяет правосознание В.Н. Карташов, его точка зрения представляет довольно широкий подход [Карташов, 2018]. При этом Ю.А. Тихомиров высказывается о правовой культуре с позиции ценностно-ориентированного правового взаимодействия [Тихомиров, 2002].

Рассуждая о правосознании как о мыслительной эмоциональной деятельности, реализуемой путем осуществления действий, как волевых, так и физических, мы отмечаем, что процесс развития такой деятельности не прекращается. Развиваются как формы существования объективной действительности, так и процесс ее познания. Человек в процессе мыслительной деятельности изучает все новые объекты и их взаимосвязи. То, что сегодня кажется невообразимым, через некоторое время становится обычным и привычным, а затем устаревает и проходит через кризис, стремясь к обновлению. Постепенно совершенствуется способность человека воспринимать информацию и создавать конструкции и терминологию, позволяющую их описать, объяснять их свойства. Кроме того, трансформируется способность человека на основе анализа окружающей действительности описывать, систематизировать и осознать явления, которые ранее представлялись невозможными.

Следует также отметить, что развивается используемая терминология, уточняются понятия – это явление характерно для всех отраслей научного знания. Как отмечал Н.Н. Моисеев, существует три составляющих единой системы: живая природа, неживая природа и общество. Благодаря эволюции человек стал существом разумным, взаимодействующим с природой [Моисеев, 1990]. Вместе с тем человек и сам – часть природы. Значит ли это, что природа со временем начинает познавать сама себя? Однозначно важным является наличие различных связей между субъектами, в том числе обратных. Для нашего исследования они имеют характер правил коллективного взаимодействия, которые в кризисный период развития истории государства становятся предметом исследования различных наук.

Человек в процессе активной деятельности использует интеллект для познания как самого себя, так и новых связей с другими членами общества, в том числе в период трансформации таких связей. Развитие человеческого интеллекта также напрямую связано с эволюционными процессами – именно с помощью интеллекта человек способен взаимодействовать с другими членами общества, создавать объекты материального мира. Духовная жизнь становится феноменом, имеющим как биологический, так и общественный характер. И главное значение в этом принадлежит разуму. Мышление человека не только отражает действительность, но и прогнозирует сценарии будущего.

Развитие правоотношений на современном этапе требует внимания к тому, как неоднородные социально-экономические процессы влияют на сознание и поведение отдельных граждан, социально-демографических групп и слоев общества. Процесс правового регулирования общественных отношений становится все более сложным, при этом растет разнообразие интересов, мотивов и ценностных ориентиров в публичном пространстве. Появляется необходимость говорить о видах правосознания, значимыми становятся характеристики так называемого преобразующего и действенного правосознания.

«Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168, определяют принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Документ содержит указание на такие понятия, касающиеся механизма правового регулирования, как правосознание, правовая грамотность, правовая культура населения, базовые ценности и принципы жизни общества и др.¹. Правосознание общества дает тот «строительный материал», который используется для выражения государственной воли в виде юридических норм. В процессе подготовки проектов нормативных правовых актов, государственные органы принимают во внимание уровень правосознания граждан, инициативы общественных организаций, а также учитывают возможные субъективные реакции на применение принятого закона в реальной жизни.

Заключение

Таким образом, существует неразрывная взаимосвязь конституционных ценностей и уровня правосознания граждан – ключевых факторов для предотвращения внутригосударственных кризисов и обеспечения устойчивого развития государства.

Конституционные ценности составляют аксиологический фундамент российского общества, позволяют определить стратегические направления его развития в соответствии с устоявшимися традициями, гуманистическими началами, а также необходимостью реагирования на потенциальные вызовы.

Правосознание не только отражает ситуацию в области восприятия и понимания права гражданами, но и становится инструментом формализации и реализации воли государства. Уровень развития правосознания человека и гражданина прямо или опосредованно влияет на эффективность правового регулирования и адаптивность правовой системы к изменяющимся условиям. Высокий уровень правосознания общества способствует укреплению правовой культуры, формированию доверия граждан к институтам власти, а также снижает вероятность возникновения внутригосударственных конфликтов и кризисных явлений.

Гармонизация конституционных ценностей с традиционными духовно-нравственными ориентирами создает условия для преемственности правового развития и обеспечивает устойчивость общественных институтов в условиях внешних и внутренних вызовов. Государственная политика в сфере развития правовой грамотности и правосознания должна быть направлена на формирование у граждан осознанного отношения к праву, уважения к конституционным ценностям и готовности к конструктивному участию в общественной жизни.

На наш взгляд, именно синергия конституционных ценностей и развитого правосознания граждан создаёт прочную основу для предотвращения внутригосударственных кризисов, обеспечения суверенитета, стабильности и поступательного развития Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций.

Список литературы

- Авдеев Д.А. 2020. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, Т. 6(2 (22)): 73–91. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г. // ЭПС Система ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/?ysclid=mfv2mrods696720947> (дата обращения: 02.09.2025).

- Аристархов В.В., Шашкин П.А. 2025. О соотношении понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности». *Культурологический журнал*, 1(59): 4–15.
- Бальхаева С.Б., Цомартова Ф.В. 2017. Юридические конфликты в современном мире (обзор заседания секции «Право» центрального дома ученых РАН). *Журнал российского права*, 2(242).
- Бурла В.М. 2024. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации. *Актуальные проблемы российского права*, Т. 19, 3: 11–26. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026.
- Гаджиев Г.А. 2022. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации. *Журнал российского права*, Т. 26, 1: 16–28. DOI: 10.12737/jrl.2022.002.
- Карташов В.Н. 2018. Теория государства и права. Ярославль, ЯрГУ. 274 с.
- Корнев А.В. 2015. Социология права. М., Проспект, 297 с.
- Лучин В. 1996. «Указное право» в России. М.
- Маджидова Р.У. 2019. Антропоцентризм и аксиологическая картина мира. *Наука, техника и образование*, 6 (59).
- Моисеев Н.Н. 1990. Человек и ноосфера. М., Молодая гвардия, 351 с.
- Синюков В.Н. 2021. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. *Lex russica*, Т. 74, 2: 9–20.
- Тихомиров Ю.А. 2018. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 164 с.
- Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. 2021. Право и цифровая трансформация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2: 4–23.
- Тихомиров Ю.А. 2020. Правовое сознание в условиях социальной динамики. *Государство и право*, 3: 37–47. DOI 10.31857/S013207690008682-2.
- Хабриева Т.Я., Габов А.В. 2015. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИНФРА-М, 272 с.
- Хабриева Т.Я. 2021. Идентификация права в современной социальной регуляции. *Вопросы философии*, 12: 5–17.
- Хабриева Т.Я. Проекция технологической революции в правовой доктрине: доклад на стратегической сессии Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях промышленной революции» (4 апреля 2019 г.).
- Хабриева Т.Я. 2024. Научные концепции развития российского законодательства. М., Норма, 2024. 656 с.

References

- Avdeev D.A. 2020. Constitutional legal values: concept, types, and hierarchy. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya*, Т. 6(2 (22)): 73–91.
- Aristarkhov V.V., Shashkin P.A. 2025. O sootnoshenii ponyatii «rossiiskie konstitutsionnye tsennosti» i «traditsionnye rossiiskie dukhovno-nravstvennye tsennosti» [On the relationship between the concepts of "Russian constitutional values" and "traditional Russian spiritual and moral values"]. *Kul'turologicheskii zhurnal*, 1(59): 4–15.
- Bal'khaeva S.B., Tsomartova F.V. 2017. Yuridicheskie konflikty v sovremennom mire (obzor zasedaniya sektiis «PravO» tsentral'nogo doma uchenykh RAN) [Legal conflicts in the modern world (review of the session of the Law section of the Central House of Scientists of the Russian Academy of Sciences)]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2 (242).
- Burla V.M. 2024. «Konstitutsionnye tsennosti» kak nauchnaya kategoriya: problemy definitsii, formalizatsii, sistematizatsii ["Constitutional values" as a scientific category: problems of definition, formalization, systematization]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, Т. 19, 3: 11–26. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026.
- Gadzhiev G.A. 2022. Novye konstitutsionnye tsennosti: kontseptsiya ustoichivogo ehkonomicheskogo rosta s tochki zreniya yuridicheskoi kapitalizatsii [New constitutional values: the concept of sustainable economic growth from the point of view of legal capitalization].
- Kartashov V.N. 2018. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Yaroslavl', Publ. YaRGU, 274 p.

- Kornev A.V. 2015. Sotsiologiya prava [Sociology of law]. Moscow, Publ. Prospekt, 2015. 297 p.
- Luchin V. 1996. «Ukaznoe pravO» v Rossii ["Decree law" in Russia]. Moscow.
- Madzhidova R.U. 2019. Antropotsentrizm i aksiologicheskaya kartina mira [Anthropocentrism and the axiological picture of the world]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*, 6(59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-i-aksiologicheskaya-kartina-mira> (accessed: July 02, 2025).
- Moiseev N.N. 1990. Chelovek i noosfera [Man and the noosphere]. Moscow, Publ. Molodaya gvardiya, 351 p.
- Sinyukov V.N. 2021. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost' i novizna [The law of the XX and XXI centuries: continuity and novelty]. *Lex russica*, 74, 2: 9–20.
- Tikhomirov YU.A. 2018. Yuridicheskoe prognozirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie [Legal forecasting: a scientific and practical guide]. Moscow, Publ. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. 164 p.
- Tikhomirov YU.A., Kichigin N.V. 2021. Pravo i tsifrovaya transformatsiya [Law and digital transformation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, 2: 12–16.
- Tikhomirov YU.A. 2020. Pravovoe soznanie v usloviyakh sotsial'noi dinamiki [Legal consciousness in the context of social dynamics]. *Gosudarstvo i pravo*, 3: 37–47. DOI 10.31857/S013207690008682-2.
- Khabrieva T.YA., Gabov A.V. 2015. Pravo i sotsial'noe razvitiye: novaya gumanisticheskaya ierarkhiya tsennostey [Law and social development: a new humanistic hierarchy of values]. Moscow, Publ. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, INFRA-M, 272 p.
- Khabrieva T.YA. 2021. Identifikatsiya prava v sovremennoi sotsial'noi regulyatsii [Identification of law in modern social regulation]. *Voprosy filosofii*, 12: 5–17.
- Khabrieva T.YA. Proektsii tekhnologicheskoi revolyutsii v pravovoi doktrine: doklad na strategicheskoi sessii Moskovskogo yuridicheskogo foruma «Rossiiskaya pravovaya sistema v usloviyakh promyshlennoi revolyutsii» (4 aprelya 2019 g.) [Projections of the technological revolution in the legal field: a report at the strategic session of the Moscow Law Forum "The Russian Legal System in the Context of the Industrial Revolution" (April 4, 2019)]
- Khabrieva T.YA. 2024. Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva [Scientific concepts of the development of Russian legislation]. M., Norma, 2024. 656 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.09.2025

Received September 01, 2025

Поступила после рецензирования 08.09.2025

Revised September 08, 2025

Принята к публикации 22.09.2025

Accepted September 22, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Задорожная Евгения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, Московский международный университет, г. Москва, Россия.

Evgenia V. Zadorozhnaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure, Moscow International University, Moscow, Russia.

УДК 34.047
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-602-613
EDN SBSYOE

Антитеррористическое обеспечение национальных интересов Российской Федерации как функция государства: контуры, фронтиры, синхронизация

Миц Д.С.

Парламентская Ассамблея Организации
Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)
Россия, 191015, г. Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 47
a-83@bk.ru

Аннотация. Целью исследования являлось разработка новых подходов для защиты национальных интересов и идентичности населения. Автором предложен ряд рекомендаций по оптимизации антитеррористической деятельности. Рассмотрена специфика юридической техники и государственного управления в рассматриваемой сфере. Определены публично-правовые проблемы антитеррористической направленности. Выделены направления для комплексного мониторинга и правового прогнозирования. Приведено сравнение рассматриваемой системы с антиэкстремистской. Определены оптимальные направления международного сотрудничества и общественно-политического взаимодействия. Вопросы научного обеспечения противодействия терроризму и экстремизму рассмотрены в исследовании, в том числе в контексте информационно-аналитической деятельности и практико-ориентированности. Даны пояснения о балансе правоотношений и типовых моделей. Осуществлена оценка сущности радикализма, экстремизма с терроризмом. Отражены характеристики векторного, наступательного и прагматического подходов. Исследованы организационно-правовые риски при реализации разрабатываемой системы, а также иные положительные и негативные факторы.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, право, личность, общество, государство, профилактика, воспроизводство, международное сотрудничество, факторы

Для цитирования: Миц Д.С. 2025. Антитеррористическое обеспечение национальных интересов Российской Федерации как функция государства: контуры, фронтиры, синхронизация. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 602–613. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-602-613. EDN: SBSYOE

Anti-Terrorist Support of National Interests of the Russian Federation as a Function of the State: Contours, Frontiers, Synchronization

Denis S. Mits

Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization (CSTO)
47 Shpalernaya St, Saint Petersburg 191015, Russian Federation
a-83@bk.ru

Abstract. The paper presents the results of the study aimed at developing new approaches to protecting national interests and the population's identity. The author reveals public and legal issues of counterterrorism activities and suggests recommendations for their optimization. The specifics of legal technique and public administration in the area under study are explored. The paper highlights areas for comprehensive monitoring and legal forecasting and compares the system under consideration with the

© Миц Д.С., 2025

anti-extremist one. Optimal areas for international cooperation and socio-political interaction are identified. The author examines the scientific support for countering terrorism and extremism, including information and analytical activities, as well as practical orientation. Explanations on the balance of legal relations and typical models are provided, and the essence of radicalism, extremism, and terrorism is assessed. The study reflects the characteristics of vector, offensive, and pragmatic approaches. Organizational and legal risks associated with the implementation of the system under development, as well as other positive and negative factors, are explored.

Keywords: national interests, national security, law, individual, society, state, prevention, reproduction, international cooperation, factors

For citation: Mits D.S. 2025. Anti-Terrorist Support of National Interests of the Russian Federation as a Function of the State: Contours, Frontiers, Synchronization. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 602–613 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-602-613. EDN: SBSYOE

Введение

В Российской Федерации действуют две самостоятельные системы отражения террористических и экстремистских угроз для личности, общества и государства. Каждая из них нацелена на самостоятельный путь развития. При этом подобное обособление неоправданно с точки зрения эффективности государственного управления, так как возникают сложности в реализации и детализации антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий по причине родственных рассматриваемых угроз. При этом в системе обеспечения национальной безопасности России намечены новые подходы, направленные на ранее обнаружение факторов, создающих ущерб национальным интересам Российской Федерации.

В связи с этим заслуживают внимания научно-концептуальные наработки по объединению данных систем в условиях защиты национальных интересов России, но с доминированием антитеррористического блока над антиэкстремистским по причине большей выраженности наступательных и комплексных подходов в антитеррористической политике в Российской Федерации.

Нормативная правовая база противодействия терроризму и экстремистской деятельности в Российской Федерации динамично подвержена воздействию со стороны различных источников цикличной детализации организационно-правовых конструкций, которые отличаются между собой спецификой собственных механизмов обновления. Даная специфика находится под влиянием политической полезной цели и интересов государства и общества. При этом антитеррористические и антиэкстремистские организационно-правовые начала в меньшей степени определены частотой и объемом корректировки в целях совершенствования (оптимизации). В этой связи правовые прогнозы с большей достоверностью строятся на исследованиях именно актов, заведомо склонных к изменению [Экимов, 2021, с. 71].

Методология антитеррористического обеспечения национальных интересов Российской Федерации отличается от существующих иностранных систем противодействия терроризму и экстремистской деятельности следующими элементами:

- интеграцией антитеррористических сил и средств со смежными антиэкстремистскими и иными подобными ресурсами;
- инвентаризацией и оптимизацией системы мер и субъектов противодействия;
- усилением защитных функций, направленных как на обеспечение безопасности личности, общества и государства, так и на устойчивую реализацию их интересов;
- оптимизацией комплексного подхода;
- фактической экстерриториальности с учетом новых предписаний.

Целью данной работы является разработка новых подходов для защиты национальных интересов и идентичности населения России на базе анализа специфики публично-правового противодействия терроризму в условиях защиты национальных интересов Российской Федерации.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили научные наработки о проблемах и перспективах развития публично-правовой системы Российской Федерации, способствующей оптимизации публично-правовых средств противодействия терроризму в условиях защиты национальных интересов Российской Федерации, а также в отношении:

- обоснования общественной полезной цели [Клепцкий, 2024];
- индивидуальных интересов в праве [Раянов, 2023; Сырых, 2024; Дидзе, 2024];
- социального контроля [Гишинский, 2024];
- правового сознания [Певцова, 2024];
- применения методологии научных исследований права [Экимов, 2021; Исаков, 2024] и других актуальных вопросов исследования.

Материалы и актуальные вопросы

В основу исследования положен подход к интерпретации публично-правового противодействия терроризму в условиях защиты национальных интересов Российской Федерации. Антитеррористическое обеспечение формируется нормативно-правовой базой, в которой определена, по мнению И.А. Клепцкого, общественно полезная цель. Ее достижение обличено в различные действия и бездействия без конкретизации вероятных рисков [Клепцкий, 2024, с. 207]. Политический деятель и ученый Б.Н. Чичерин в контексте общественно полезной цели указывал (его мнение не потеряло актуальность и в наши дни) на значимое место в ее реализации отдается государству, призванному посредством приведения к высшему соглашению общества с государством через это общественное поведение, которые уравниваются в интересах как общества, так и государства. При этом автор отрицал целесообразность господства начал свободы и равенства в политической области по причине нарушения частоты категории количества для пресечения возможных причин проявлений антигосударственного характера [Чичерин, 2003, с. 65].

А.И. Экимов оценивая различные публично-правовые подходы, связанные с методологией научных исследований в области права, указывает на актуальный их результат, а именно правовые прогнозы [Экимов, 2021, с. 71], которые при их учете позволяют предотвратить следующие негативные проявления:

- развитие социально-политических конфликтов;
- отвлечение на мнимый объект защиты;
- аномия правового обеспечения.

Научное обеспечение противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях востребовано в публично-правовых направлениях исследований. Этапы планирования и реализации прогнозирования в исследованиях способствуют задействованию основных и смежных ресурсов предотвращения различных организационно-правовых противоречий в системе государственного реагирования. Данные противоречия вызваны индивидуальностью каждого из ведомственных подходов, выраженность которых обусловлена преобладаниями корпоративных задач над унифицированными замыслами.

Норма права воздействует на сознание и волю субъектов правоотношений. В этой связи правотворческие структуры выстраивают правовые границы. Несмотря на это возможны противоречия между субъектами правоотношения и нормативными правовыми актами. Заслуживает внимания мнение В.М. Сырых в отношении индивидуальных интересов в праве. Носители таких интересов в ряде случаев, как правило при

конфликтных обстоятельствах, будут отступать от общих требований, заложенных в нормативном правовом акте, а при определенных условиях и нарушать установленные нормы поведения [Сырых, 2024, с. 8]. Правоотношения становятся разбалансированными при увеличении масштабов злоупотреблений их носителей. Накопительный эффект от допустимости нарушения законов в социуме усиливает различные конфликты. Контроль за развитием подобных негативных процессов – важная составляющая в системе антитеррористического обеспечения национальных интересов Российской Федерации и актуально значимая функция в профилактике антигосударственного поведения.

Механизмы самоорганизации и самосохранения общества реализуются через правовое регулирование правопорядка и безопасности личности, общества и государства. При этом Я.И. Гишинский важную роль в этом регулировании отводит институту социального контроля [Гишинский, 2024, с. 185], что способствует реализации сформированного правового сознания как основной составляющей правовой культуры. Е.А. Певцова полагает, что компонентом правового сознания людей является сопряженность с реальной правовой жизнью [Певцова, 2024, с. 197]. По мнению М.А. Дидзе, подобный прагматический подход позволяет раскрывать унифицированные потребности государства, общества и индивида, что является важным для адаптации правовой системы, в том числе через выстроенные критерии эффективности правового обеспечения системы национальной безопасности [Дидзе, 2024, с. 44]. Вывод Ф.М. Раянова в связи с этим направлен на учет нормативной (правовой) системой современного общества естественно-правовых закономерностей, которые концептуально связаны со спецификой природы человека [Раянов, 2023, с. 46]. В.Б. Исаков предлагает учитывать вышеуказанное, но в контексте преобразования заведомо подвижных элементов, что позволит выстроить оптимальные решения [Исаков, 2024, с. 509].

Подвижность элементов антитеррористического обеспечения национальных интересов Российской Федерации достигается синхронностью смежных компонентов системы обеспечения национальной безопасности. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, М.М. Бабаева, Е.И. Галяшиной, К.М. Богатырева на базе морально-этической и иных смежных проблематик следует осуществлять правовой анализ защитных функций личности, общества и государства [Пудовочкин, 2023, с. 110–125; Галяшина, Богатырев, 2025, с. 85], а также их духовно-нравственных основ. В.А. Авдеев и О.А. Авдеева справедливо указывают на актуальность использования информационно-аналитического обеспечения современной правовой политики. Данное обеспечение позволяет не только выявлять угрожающие факторы, но и обнаруживать позитивные факторы, способствующие противодействию современным вызовам и угрозам [Авдеев, Авдеева, 2024, с. 5].

Заслуживает внимания предостережение Ю.В. Голика для законодателя. Он указывает на следующие тенденции в будущем: упрощение системы правового обеспечения; альтернативные механизмы правового регулирования; корректировка функций права в общественном развитии [Голик, 2023, с. 140].

Антитеррористическая правовая база совершенствуется в условиях террористической активности. Ее преобладающая защитная направленность без комплексного обеспечения национальных интересов Российской Федерации проявляется лишь в форме реагирования. Современное противодействие терроризму имеет меньший эффект без учета антиэкстремистской и иной антирадикальной составляющих, а также добавления к реагированию наступательных мер. Вектор наступательности при общественно-политической поддержки оптимизируют мониторинговое обнаружение различных отклонений. Без этого данные отклонения позволят дальнейшему расползанию терроризма и экстремизма, а важно их воспроизводства после неудачной локализации их субъектами обеспечения национальной безопасности.

Актуализация рассматриваемого вектора выражается в качестве авторской идеи формирования антитеррористического обеспечения национальных интересов как

наиболее адекватного комплексного подхода. Л.А. Морозова, подчеркивая монополию государства на законодательное обеспечение, указывает на это как на государственный признак в современной теории государства и права [Морозова, 2020, с. 155]. Монополия государства на антитеррористическое обеспечение национальных интересов также обосновывает данную функцию в качестве государственной. При этом антитеррористическое право выстраивает и обновляет систему противодействия терроризму. Признаком начала трансформации действующей системы противодействия терроризму в антитеррористическое обеспечение национальных интересов является направленность антитеррористического права в сторону конкретизации обеспечения национальных интересов, то есть совокупности интересов личности, общества и государства как потребности их в антитеррористической безопасности и устойчивом развитии в условиях террористической активности. Основным ресурсом указанной трансформации является обновленная действующая Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, наименование которой рекомендуется изложить в следующей редакции: «Концепция антитеррористического обеспечения национальных интересов Российской Федерации», а также внести положения на основе представленных авторских теоретико-прикладных предложений.

По мнению А.И. Медушевского, различные конфликты в обществе способны проявиться в формах террористических и экстремистских проявлений, в этой связи главенствующим ресурсом локализации остается ведение профилактического диалога. Для его формирования следует учитывать типичные проблемы: совместимость исторических идентичностей; допустимость социально-культурных интерпретаций; отсутствие ценностно нейтральных категорий [Медушевский, 2023, с. 26–27].

Указанная проблематика актуальна, в том числе для международного уровня. Мирная международная обстановка возможна в случае взаимозависимости государств и их блоков, то есть межгосударственных интеграций, что позволит примирению конфликтующих национальных интересов [Современные тенденции..., 2024, с. 9].

В современных условиях отдельные государства завуалированно продолжают использовать в своих интересах террористические методы в целях оказания воздействия на оппонентов. Принятие международным сообществом подобного обстоятельства в качестве допустимого ставит под сомнение авторитет глобального антитеррористического сотрудничества. Умалчивание, молчаливое согласие, двойные стандарты со стороны коллективного запада как важного международного политического блока остаются их основными проявлениями, которые ставят под сомнение все возможные формы взаимодействия с ними. Интеграция свертывается на международном уровне из-за излишней политизации международных отношений со стороны коллективного запада, что продолжает негативно влиять на эффективность международной дипломатии. Нельзя забывать им, что способность договариваться и учитывать национальные интересы конкурентов – залог мирного человеческого существования.

За время существенного простоя и формализма в международном сотрудничестве остались без насущной выработки и согласования ключевые меры по решению ряда проблем, в первую очередь по информационному и кибер противодействию терроризму и экстремизму. Р.Ф. Степаненко по международным аспектам высказывает надежды на восстановление веры в духовно-нравственные, мировоззренческие юридические смыслы [Степаненко, 2024, с. 306]. Примером такого совместного международного согласования может стать выработка общепринятых подходов по кибернетической и иной некинетической проблематике как важного шага в оптимизации антитеррористического сотрудничества.

Заслуживают внимания подходы юристов-международников по оптимизации международного антитеррористического сотрудничества с учетом разности национальных

интересов партнеров, а также способы обнаружения и обнаружения фактов проявления «двойных стандартов» и различных политических фальсификаций.

С.В. Измestьев указывает на то, что несостоятельность международной политической системы связана с неоправданностью переноса политической парадигмы из национального на глобальный уровень [Измestьев, 2023, с. 139]. Несостоятельность национальной идеологии индивидуализма проявляется посредством негативного воздействия на международное сплочение государств, что мешает укреплению коллективной антитеррористической безопасности. Подобные идеологические и мировоззренческие составляющие являются преобладающими среди отдельных государств, в частности коллективного запада. При этом носители индивидуалистической идеи ставят под сомнение существование единства политических союзов государств, в том числе европейского.

Стандарты, выработанные под влиянием индивидуалистической идеи и продвигаемые западниками в международном антитеррористическом сотрудничестве, замедлили развитие многостороннего уровня отношений. Поэтому наблюдается динамический переход к повсеместному использованию двусторонних форматов в борьбе с международным, региональным и внутренним терроризмом (экстремизмом) как более результативных. Представление о причинах деформации многостороннего уровня у западных партнеров связано с отсутствием нужного баланса в отношениях, а не в необходимости построения многополярного мира. Международные и национальные стандарты находятся в динамике в связи с поступательными корректировками привычных представлений о ценностях, а также сложных взаимозависимостей разных уровней [Обеспечение прав..., 2023, с. 507]. Международная обстановка иллюстрирует пробелы в поиске точек соприкосновения различных интересов, но подобные обстоятельства актуальны и для динамичной оптимизации национальных систем антитеррористических сил и средств. Поступательность общественных подходов по оздоровлению общественных отношений, способствующих радикализации населения, позволит сформировать механизмы комплексности в данной сфере. В этой связи заслуживает внимания подход А.М. Багмета и Е.И. Бычковой по оптимизации народной власти в форме новой ее ветви, которая могла бы включать в себя виды самоуправления и формы гражданского общества [Багмет, Бычкова, 2022, с. 35]. Такой подход позволит сковать расползание террористической и экстремистской идеологий в различных средах, а также на диалоговом уровне оперативно выстроить противодействие уже укоренившимся, а также новым нарративам. С.А. Воронцов, Ф.И. Шарков, А.В. Понеделков полагают, что данные меры позволят пресекать обострения социально-политической конфликтности [Воронцов и др., 2021, с. 106].

Конфликтность государства и гражданского общества проявляется по причине обострения негативных проявлений несогласованности и преобладания запретительных мер над поощрительными в правовом обеспечении. Подобное опасение заложено у отдельных граждан в правосознании, что в дальнейшем влияет на эффективность профилактических антитеррористических мер. Л.К. Терещенко полагает, что исключительно запретительными мерами проблему некинетического (информационного) воздействия на общественное сознание не решить [Терещенко, 2023, с. 113]. Проблема поиска и выбора мер противодействия терроризму и экстремизму связана с эффективностью воздействия на правосознание населения. Воздействие на правосознание населения осуществляется при добросовестности правового обеспечения свойств допустимости. Признаком наличия ресурсов для подобного формирования являются попытки разработки правового обеспечения информационного противодействия терроризму и экстремизму. По мнению Э.И. Атагимовой следует продолжать формирование информационной грамотности населения как элемента профилактики терроризма и экстремизма [Атагимова, 2023, с. 99].

Продолжение корректировки профилактики терроризма и экстремизма зависит от неукоснительного соблюдения прав и свобод человека. Ценности, которые формируют сознание населения, обусловлены допустимостью корректировки поведения и поступков личности без нарушения при этом действующих конституционных гарантий. В.П. Сальников, Р.Ф. Исмаилов, Д.В. Масленников, К.Г. Прокофьев полагают, что свобода, связанная с добром для человека, становятся ценностью. В этой связи поступки человека, связанные с нормами морали и права, являются проявлением свободы [Сальников и др., 2024, с. 197]. Примером является вывод Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой, что несоблюдение норм поведения без установленного соответствующего правового обеспечения приводит к ужесточению политики, что также отрицательно способствует правовому регулированию [Варламова, Васильева, 2024, с. 244]. Осложняет непродуманную политику, по мнению Ю.В. Челышевой, современные информационные ресурсы, которые являются площадками для осуществления различных манипуляций разного уровня [Челышева, 2023, с. 389].

Основные выводы

Проявление достижений в укреплении антитеррористического сознания напрямую связано с эффективностью антитеррористической политики. Аудитория, в которой формируется антитеррористическое сознание, может также прибывать под влиянием различных перегибов, исключений и иных рисков. При этом риски в процессе оптимизации будут успешно локализованы, но на это требуется время и ресурсы антитеррористической политики. Антитеррористическое обеспечение национальных интересов, как и любая система безопасности, не исключает возможность существования организационно-правовых рисков, нивелировать которые возможно наиболее эффективно лишь при допустимости монополии государства на рассматриваемое обеспечение.

Цикл поиска эффективных антитеррористических мер сложно реализуем без общественной помощи и поддержки. Поэтому заслуживает внимания типовая модель антитеррористического обеспечения национальных интересов, предусматривающая наличие обновленного перечня актуальных для личности, общества и государства интересов. Достижение обновления предполагает прогнозирование их актуальности, а также мониторинга положительных и негативных факторов, воздействующих на них. Организационно-правовые риски следует предвидеть при помощи правового мониторинга и прогнозирования, в том числе учитывая типовые модели нарушений в правоотношениях.

Любой тяжести нарушения антитеррористического закона независимо от уровня ущерба для правоотношений закрепляет в подсознание большинства граждан связь различных нарушителей закона и террористов. Поэтому информационно-воспитательные ресурсы, дающие правильное публично-правовое обоснование в антитеррористической сфере, рекомендовано включить в систему антитеррористического обеспечения национальных интересов в целях недопущения снижения авторитета антитеррористических сил. При этом целесообразно продолжить правовое закрепление механизмов задействования институтов гражданского общества. Благодаря подобному задействованию в системе антитеррористического обеспечения национальных интересов выстраиваются ресурсы обратной связи, что способствует в том числе укреплению государственного, общественного и социального контроля. Укрепление системы обеспечения национальной безопасности зависит от выстроенности системы антитеррористического обеспечения национальных интересов. Подходы к укреплению предполагают существование взаимосвязи между двумя системами (антитеррористической и антиэкстремистской), в которой первая является доминирующей.

Динамика изменения элементов оперативной обстановки в сфере противодействия терроризму и экстремизму влияет на дальнейшую оптимизацию системы

антитеррористического обеспечения национальных интересов. В этой связи прагматический подход будет улучшать динамику выявления, предупреждения и пресечения экстремистских и террористических проявлений.

Положительно оценивая существующие системы противодействия терроризму и экстремизму, следует отметить в них признаки влияния дифференцирующей политики. Она, в свою очередь, была определена необходимостью добиться конкретных результатов от антитеррористической и антиэкстремистской работы и организации эффективного надзора (контроля) за процессами. Самостоятельная отчетность по результатам реализации систем приводит к логическому отрицанию в теории и практике однородности явлений терроризма и экстремизма. Однако конструкции противодействия им по-прежнему имеют одинаковую сущность и содержание.

Следует отметить, что назрела необходимость выделения не только отрицательных, но и положительных факторов в концепциях, стратегиях и иных конструкциях антитеррористического обеспечения национальных интересов, так как для оптимальных антитеррористических решений важно обращать внимание именно на подвижные (активные) элементы, которые связаны, в первую очередь, с защитными функциями личности, общества и государства, а также с духовно-нравственными особенностями данных категорий.

Указанные доводы дополнительно подтверждают ранее рассмотренную прогнозную оценку Ю.В. Голика [Голик, 2023, с. 140] динамики включения дополнительных процедур в ходе принятия правовых актов; востребованность в социуме альтернативных механизмов правового регулирования; оптимизацию функций права.

Заключение

Процедуры согласования проектов антитеррористических и антиэкстремистских мер учитывают различные механизмы корректировки, что может вызвать дополнительную сложность в реализации допущенных мер. Важным остается обратная связь с социумом и возможности баланса различных интересов.

Юридические смыслы развивающегося антитеррористического обеспечения национальных интересов придают значение данной системе, что способствует построению актуального вектора межгосударственного сотрудничества с учетом ее элементов. Жизненноважные потребности личности, общества и государства эффективно достигаются под влиянием устойчивого государственного управления.

Манипуляции вокруг сущности терроризма и экстремизма недобросовестно осуществляются отдельными государствами в целях воздействия на своих конкурентов. При этом незавершенность проблематики манипуляции и отсутствие государственной идеологии позволяет задействовать различные формы саморадикализации социума.

Трансформация терроризма и экстремизма обусловила необходимость широкого совершенствования системы обеспечения национальной безопасности, однако подобная система после обновления будет расплываться без унифицированного комплексного антитеррористического замысла на основе научных наработок в области публично-правового противодействия терроризму в контексте защиты национальных интересов в Российской Федерации.

Пробелы в действующей системе противодействия терроризму, в целом автономной, не способствовали нейтрализации ресурсов воспроизводства угроз, а также формированию унифицированных и комплексных профилактических мер в современных условиях.

Баланс сил и средств антитеррористического обеспечения национальных интересов зависит от государственного управления системой обеспечения национальной безопасности, но центральным звеном остается общественно-государственное взаимодействие, в том числе в диалоговой форме, которую можно применять в разных вариациях.

Подобные подходы актуализируются и на глобальном уровне в ходе реализации и продвижения национальных интересов при наличии у них юридических смыслов. Устойчивым вектором к оптимизации международного сотрудничества может служить актуальность проблематики манипуляции национальными интересами в большинстве западных государств. При этом ее активность зависит от полноты политического навязывания в международном антитеррористическом сотрудничестве.

Мировоззренческая трансформация связана с политико-правовыми пробелами национального уровня, что приводит к незавершенности различных процессов развития общественного блока, в том числе автономной ветви власти или ее отдельных элементов. В современных условиях система противодействия идеологии терроризма и экстремизма и иным воспроизводящим угрозы национальным интересам ресурсам наиболее успешно будет функционировать при задействовании оптимизированной антитеррористической силы. Профилактический антитеррористический эффект достигается нетипичными формами реализации, которые следует обновлять, учитывая конкретность среды и условий воспроизводства терроризма и экстремизма, а не временной цикличностью и (или) политической конъюнктурой. В этой связи наравне с системой противодействия идеологиям терроризма и экстремизма должна быть выстроена за счет теоретико-прикладной составляющей антитеррористической функции государства практико-ориентированное антитеррористическое обеспечение национальных интересов. Первым важным этапом может стать подготовка новой редакции Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, в которой будут отражены принципы и положения антитеррористического обеспечения национальных интересов, что позволит оптимизировать и усилить действующую антитеррористическую и антиэкстремистскую системы мер с учетом современной обстановки.

Список литературы

- Авдеев В.А., Авдеева О.А. 2024. Уголовно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (памяти доктора юридических наук, Почетного профессора Московской академии СК России Евгения Петровича Кима). М.: 4-11.
- Атагимова Э.И. 2023. Медиапространство как инструмент влияния на уровень терроризма в молодежной среде. Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 20 февраля 2023 г.) / под ред. И. Р. Шикулы и др. Москва : Саратов. Саратовский источник: 94–101.
- Багмет А.М., Бычкова Е.И. 2022. Особенности системы разделения властей в современной России в период конституционных реформ. *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*, 2: 32–36.
- Варламова Н.В., Васильева Т.А. 2024. Современные цивилизационные вызовы: правовые ответы (международная научная конференция). *Труды Института государства и права Российской академии наук*, т. 19, 2: 235–263.
- Воронцов С.А., Шарков Ф.И., Понеделков А.В. 2021. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма. *Коммуникология*, т. 9, 1: 99–111.
- Галяшина Е.И., Богатырев К.М. 2025. Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга. *Lex russica*, т. 78, 1: 83–94.
- Гишинский Я.И. 2024. Немного о профилактике уголовно наказуемого поведения. *Уголовно право: стратегия развития в XXI веке*, 3: 185–194.
- Голик Ю.В. 2023. Как изучать уголовное право в современный период. Юридическая наука и практика. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 3 (63): 138–140.
- Дидзе М.А. 2024. Соотношение государства и права: теоретический аспект : статья. *Юридическая мысль*, 2 (134): 42–45.

- Измествьев С.В. 2023. Глобальная альтернатива (Global Alternative): монография. М.: Изд-во Триумф. 326 с.
- Исаков В.Б. 2024. Правовая аналитика в государственном управлении. *Академический юридический журнал*, т. 25, 3: 500–516.
- Клепцкий И.А. 2024. Допустимые риски в уголовном праве. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 4 (116): 201–210.
- Медушевский А.Н. 2023. Теория О.М. Медушевской: основы глобальной истории человечества. Безаветное служение науке и образованию. К 100-летию со дня рождения О.М. Медушевской. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. М.: 12–35.
- Морозова Л.А. 2020. Эволюция представлений о юридической природе государства и его признаках в дореволюционной юридической литературе России. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*, 1: 143–159.
- Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения: Монография / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН. 2023. 560 с.
- Певцова Е.А. 2024. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания. *Теория государства и права*, 1 (35): 188–214.
- Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. 2023. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации. *Lex russica*, т. 76, 1 (194): 110–125.
- Раянов Ф.М. 2023. Естественнo-правовые фронтиры отечественной юридической науки. *Вестник Института права Башкирского государственного университета*, 4: 41–46.
- Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. 2024. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России : статья. *Теория государства и права*, 3 (38): 196–204.
- Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / Под общ. ред. В.Б. Зарудницкого; редкол.: И.А. Копылов, С.Н. Мажуга, А.В. Сержантов, Н.А. Столяров. М. РГГУ. 2024. 648 с.
- Степаненко Р.Ф. 2024. Человек – центр методологии целеполагания в доктрине правовой политики (мировоззренческие и юридические аспекты). Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС. Материалы VIII Национальной научно-практической конференции (с международным участием). Казань: 305–312.
- Сырых В.М. 2024. О категории «правовая жизнь» как чувственно-предметной деятельности и объекте правовой науки. *Правовая культура*, 1 (56): 7–14.
- Терещенко Л.К. 2023. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности. *Журнал российского права*, т. 27, 11: 103–114.
- Чельшева Ю.В. 2023. Фейки: уголовно-правовая оценка. Закон и общество: история, проблемы, перспективы. Материалы XXVII Межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. Красноярск: 389–391.
- Чичерин Б.Н. 2003. Отношение общества к государству. *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 6, 4: 54–66.
- Экимов А.И. 2021. Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы. *Государство и право*, 6: 63–72.

References

- Avdeev V.A., Avdeeva O.A. 2024. Criminal-legal aspects of ensuring information security. Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (in memory of Doctor of Law, Honorary Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia Evgeny Petrovich Kim). М.: 4-11.
- Atagimova E.I. 2023. Media space as a tool for influencing the level of terrorism among young people. Actual problems of protecting individual rights: Russian and foreign experience: collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference (Moscow, February 20, 2023) / edited by I. R. Shikula et al. Moscow: Saratov. Saratov source: 94-101.

- Bagmet A.M., Bychkova E.I. 2022. Features of the system of separation of powers in modern Russia during the period of constitutional reforms. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2: 32-36.
- Varlamova N.V., Vasilyeva T.A. 2024. Modern civilizational challenges: legal responses (international scientific conference). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, vol. 19, 2: 235-263.
- Vorontsov S.A., Sharkov F.I., Ponedelkov A.V. 2021. Problems of communication between the authorities, society and the media in the field of extremism prevention. *Communicology*, vol. 9, 1: 99-111.
- Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. 2025. Key aspects of the discussion on the legislative regulation of bullying. *Lex russica*, vol. 78, 1: 83-94.
- Gilinsky Y.I. 2024. A little about the prevention of criminally punishable behavior. *Criminal law: development strategy in the 21st century*, 3: 185-194.
- Golik Y.V. 2023. How to study criminal law in the modern period. Legal science and practice. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (63): 138-140.
- Didze M.A. 2024. The relationship between the state and law: theoretical aspect: article. *Legal thought*, 2 (134): 42-45.
- Izmestiev S.V. 2023. Global Alternative: monograph. Moscow: Triumph Publishing House. 326 p.
- Isakov V.B. 2024. Legal Analytics in Public Administration. *Academic Law Journal*, vol. 25, 3: 500-516.
- Kleptsky I.A. 2024. Acceptable Risks in Criminal Law. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*, 4 (116): 201-210.
- Medushevsky A.N. 2023. Theory of O.M. Medushevskaya: Foundations of the Global History of Humanity. Selfless Service to Science and Education. On the 100th anniversary of the birth of O. M. Medushevskaya. Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific conference. M.: 12-35.
- Morozova L.A. 2020. Evolution of ideas about the legal nature of the state and its features in the pre-revolutionary legal literature of Russia. *Historical and legal problems: a new perspective*, 1: 143-159.
- Ensuring human rights and exercising public authority in modern conditions: problems and solutions: Monograph / Ed. T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova. M.: IGP RAS. 2023. 560 p.
- Pevtsova E.A. 2024. Modern theory of law on the relationship between legal culture, legal consciousness and legal education. *Theory of state and law*, 1 (35): 188-214.
- Pudovochkin Y.E., Babaev M.M. 2023. Modern rule-making as a basis for the formation of a new theory of criminalization. *Lex russica*, vol. 76, 1 (194): 110-125.
- Rayanov F.M. 2023. Natural-legal frontiers of domestic legal science. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 4: 41-46.
- Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. 2024. Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia: article. *Theory of state and law*, 3 (38): 196-204.
- Modern trends in international relations and their impact on the national security of the Russian Federation in the 21st century / Under the general editorship of V.B. Zarudnitsky; editorial board: I.A. Kopylov, S.N. Mazhuga, A.V. Serzhantov, N.A. Stolyarov. M. RSUH. 2024. 648 p.
- Stepanenko R.F. 2024. Man is the center of the methodology of goal-setting in the doctrine of legal policy (ideological and legal aspects). The main trends in the development of modern law: the law of the BRICS countries. Proceedings of the VIII National Scientific and Practical Conference (with international participation). Kazan: 305-312.
- Syrykh V.M. 2024. On the category of "legal life" as a sensory-objective activity and an object of legal science. *Legal Culture*, 1 (56): 7-14.
- Tereshchenko L.K. 2023. Fakes and trash streams as a threat to information security. *Journal of Russian Law*, vol. 27, 11: 103-114.
- Chelysheva Y.V. 2023. Fakes: criminal-legal assessment. Law and society: history, problems, prospects. Proceedings of the XXVII Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates. Krasnoyarsk: 389-391.

- Chicherin B.N. 2003. Attitude of society to the state. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 6, 4: 54-66.
- Ekimov A.I. 2021. Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological problems. *State and Law*, 6: 63-72.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.06.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

Received June 16, 2025

Revised August 28, 2025

Accepted September 18, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миц Денис Сергеевич, кандидат юридических наук, эксперт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis S. Mits, Candidate of Law Sciences, Expert of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), Saint Petersburg, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 347.611; 37.034
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-614-624
EDN SOZMLI

Семья в условиях глобализации: православная аксиология и антропология как основа семейного воспитания

^{1,2} Рудавина Т.А. , ¹ Липич Т.И.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

² Губкинская епархия Белгородской митрополии Русской Православной Церкви
(Московский патриархат)

Россия, 309183, Белгородская обл., г. Губкин, ул. Преображенская, д. 11

rudatan@yandex.ru, lipich@bsuedu.ru

Аннотация. Объектом исследования является семья, которая в настоящее время испытывает огромное давление со стороны идеологов глобализма и претерпевает существенные преобразования. Анализ семейных отношений в контексте религиозного мировосприятия на основе православных принципов межличностной коммуникации представляет интерес для философов, религиоведов, теологов в силу кризисного состояния института семьи в современном социуме, а также отсутствия четких нравственных ориентиров в условиях глобализационных процессов. Проблема исследования является многогранной и затрагивает конфликт между тенденциями глобализации и традиционными христианскими ценностями. Предметом исследования является проблема аксиологии и антропологии современной семьи как одна из проблем бытия человека в окружающем мире. В работе представлен анализ влияния глобализации на семью, православной религиозности, аксиологии и антропологии как основы семейного воспитания, выявлена их роль в сохранении института семьи в его традиционном понимании. Основным выводом исследования является утверждение: православная антропология и аксиология способствуют устойчивости межличностных отношений и социума в целом.

Ключевые слова: христианская семья, православная семья, православная аксиология, православная антропология, Евангельские основы семьи, семейные ценности, институт семьи, семья и глобализационные процессы

Для цитирования: Рудавина Т.А., Липич Т.И. 2025. Семья в условиях глобализации: православная аксиология и антропология как основа семейного воспитания. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 614–624. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-614-624. EDN: SOZMLI

Family in Globalization: Orthodox Axiology and Anthropology as a Basis for Family Education

^{1,2} Tatiana A. Rudavina , ¹ Tamara I. Lipich

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

² Gubkin Diocese, Belgorod Metropolis of the Russian Orthodox Christian Church (Moscow Patriarchate)
11 Preobrazhenskaya St, Gubkin, Belgorod Region 309183, Russian Federation

rudatan@yandex.ru, lipich@bsuedu.ru

Abstract. The object of this study is family, which is currently under tremendous pressure from the ideologists of globalism. The institution of family is undergoing significant transformations. Analysis of

family relations in the context of religious worldview based on Orthodox principles of interpersonal communication is of interest to philosophers, religious studies scholars, and theologians due to the crisis of the institution of family in modern society and the lack of clear moral guidelines in the context of globalization processes. The research problem is multifaceted and touches upon the conflict between globalization trends and traditional Christian values, as well as the issue of transmission of Orthodox values in the conditions of modern family. The subject of the study is the problem of axiology and anthropology of modern family as a problem faced by man in the surrounding world, which appears relevant from both practical and theoretical points of view. The paper analyses the impact of globalization on family and looks at Orthodox axiology and anthropology as the basis of family education. It identifies ways to strengthen the traditional institution of family and shows the role of Orthodox religiosity as a resource that can have a positive impact on individuals. The study makes it possible to conclude that the semantic and motivational orientation of Orthodox families contributes to the stability of interpersonal relationships and society as a whole.

Keywords: Christian family, Orthodox family, Orthodox axiology, Orthodox anthropology, Evangelical foundations of the family, family values, family institution, family and globalization processes

For citation: Rudavina T.A., Lipich T.I. 2025. Family in Globalization: Orthodox Axiology and Anthropology as a Basis for Family Education. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 614–624 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-614-624. EDN: SOZMLI

Введение

В век технологий и глобализационных процессов мы наблюдаем отход от традиционного воспитания детей, меняются нравственные ориентиры, нивелируется традиционный уклад семьи, прослеживается ослабление института брака, увеличивается количество разводов, при этом растет число сожительства и одиноких людей, происходит смена гендерных ролей (традиционные модели «мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка» уходят в прошлое), появляются однополые семьи. На первый план выходит индивидуализм, личные интересы и самореализация, что вступает в противоречие с коллективными ценностями. Современная семья все больше ориентируется на потребление и материальный, финансовый успех, что негативно сказывается на духовном развитии, межличностных отношениях. Меняется взгляд на интимные отношения, что влияет на понимание семьи и брака. Кроме того, интернет, социальные сети, с одной стороны, упрощают общение и позволяют поддерживать связь на расстоянии, однако, с другой стороны, отвлекают от реальных отношений, создают виртуальную зависимость и дополнительную нагрузку на психику, что негативно сказывается на межличностных и внутрисемейных отношениях, воспитании детей. Миграционные процессы, легкость передвижения по странам требуют адаптации к новым условиям, что создает трудности в сфере сохранения культурной идентичности. В целом глобализационные процессы влияют на современную семью, и это влияние неоднозначно и имеет как положительные, так и отрицательные стороны: семья становится более гибкой и разнообразной, но при этом подвергается новым вызовам и рискам. Семье приходится адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, искать новые способы сохранения отношений и воспитания детей.

В настоящее время проблемой трансформаций в сфере традиционного понимания института семейно-брачных отношений заинтересованы многие исследователи. Так, в частности, старший научный сотрудник Физико-технического института РАН имени А.Ф. Иоффе В.В. Косарев пропагандирует развитие нано-, кибер-, биотехнологий с целью интеграции человека с компьютерами, что превратит его в кибернетический организм и продлит существование посредством цифровых технологий [Косарев, 2004, с. 296]. Рассуждая о религии и о Православной Церкви в частности, Косарев настаивает на необходимости отказа от «архаического сознания идолопоклонников».

Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН Н.М. Кропачев и доктор юридических наук В.В. Архипов отмечают, что «традиционные духовно-нравственные ценности задают и пределы, и ценностное содержание как самой цифровой трансформации общества, так и отдельных сквозных цифровых технологий» [Кропачев, Архипов, 2024, с.303], но с другой стороны, глобализационные процессы и в их контексте цифровые технологии трансформируют эти ценности, предлагая новый вектор ценностной ориентации.

Доктор экономических наук, профессор кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова О.В. Кучмаева отмечает, что «попытки государства искусственно способствовать распространению традиционных семейных ценностей приводят к обратному эффекту» [Кучмаева, 2019, с. 74].

Указанными работами не ограничен круг исследований по проблеме трансформаций традиционного понимания института семейно-брачных отношений в условиях глобализации, а также по проблеме противоречий, конфронтации между глобализацией и православными ценностными ориентирами в современном мире, конфликта между аксиологическими и антропологическими тенденциями глобализации и традиционными христианскими ценностями. Тем не менее данная проблема представляет собой относительно слабо разработанную область научного дискурса, поэтому требует более внимательного рассмотрения.

Таким образом, проблема исследования заключается в конфликте между аксиологическими и антропологическими тенденциями глобализации и традиционными христианскими ценностями. Глобализация несет с собой распространение западных (часто светских) ценностей, которые во многом противоречат православной аксиологии и православному учению о человеке, например, индивидуализм и гедонизм, преобладание личных интересов над семейными, ослабление традиционных гендерных ролей, снижение значимости брака и семьи в обществе, рост нетрадиционных форм межполовых и семейных отношений, унификация культур, что может привести к утрате уникальных черт, присущих православной культуре и традициям семейного воспитания.

В условиях глобализационных процессов встает вопрос баланса между традициями и современностью, традиционными ценностями и современными тенденциями.

Цель исследования – выявить влияние глобализации на семью; определить роль православной религиозности (аксиологии и антропологии) как основы семейного воспитания, способной оказывать положительное влияние на человека и способствующей сохранению института семьи в его традиционном понимании, формированию позитивных стратегий внутрисемейных отношений.

Материалы и методы исследования

В качестве теоретической основы исследования нами использованы базовые понятия религиоведения (образ и подобие Божие в человеке, грех, вера, Бог, душа, христианские ценности и другие), а также философские и богословские концепции, научные труды православных богословов и мыслителей, касающиеся глобализации и ее влияния на формирование духовно-нравственных ориентиров в семье. Теоретической основой служат социально-философские, социологические, богословские, религиоведческие исследования, которые включают в себя понимание человека как образа Божия, концепцию грехопадения и спасения, приоритет любви и духовного роста. Семья рассматривается как малая церковь.

Использованы диалектический метод, контент-анализ, интерпретационный анализ, сравнение, синтез и обобщение, метод компаративистики и дескриптивный метод, также междисциплинарный, герменевтический, экзегетический и аксиологический подходы. В ходе исследования мы опирались на принцип историзма, системности, детерминизма.

В центре нашей исследовательской парадигмы – междисциплинарный подход, обеспечивающий возможность анализа феномена семьи как социально-ценностной общности, конституирующей формы человеческого бытия. Интеграция данных из различных научных областей – философии, социологии, религиоведения, теологии, культурологии и других – позволит нам адекватно артикулировать сущность семьи, прояснить аксиологический вектор глобализации и продемонстрировать роль православной антропологии и аксиологии в сохранении традиционного института семьи.

Семейно-брачная философия в контексте православной и глобализационной аксиологии и антропологии: два полюса духовности

Православное вероучение обладает огромным воспитательным ресурсом и потенциалом. Православная семья (при условии, что она не формальная, поверхностно православная, а глубоко воцерковленная) формирует духовную личность. Евангелие акцентирует внимание на движениях сердца (см. Мф.15:19), поэтому, с позиции православной теологии, главная задача родителей в деле воспитания ребенка – дать доброе направление его сердцу. Религиозное воспитание необходимо начинать с самых ранних лет, фактически с рождения. Родители должны воспитывать веру и страх Божий в своих чадах, озаботиться не мыслями о финансовом благополучии детей, не о том, как бы они стали богаче всех, а мыслями о благочестии детей, их духовной воспитанности, о стяжании добродетелей, любви к окружающему миру. Не следует благополучие в вечности, в будущей жизни подменять земным благополучием. Те родители, которые «не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают детоубийцами, поскольку здесь дело идет о гибели и смерти души» [Иоанн Златоуст, 2006, с. 721]. Проблема таких родителей состоит в игнорировании необходимости нравственного совершенствования и внутренней работы над своими желаниями.

Как отмечает епископ Александр (Милеант), «понятие о грехе открывает перед ребенком путь нравственного выбора и осознание ответственности перед Богом» [Милеант, 2014]. Родители, которые живут настоящей, полноценной церковной жизнью, внимательны к движениям сердца своего ребенка и стремятся жить в соответствии с Заповедями Божиими, стараются, чтобы внешнее благочестие ребенка соответствовало внутреннему состоянию его души. Православная семья – это совместное движение к Богу, это единый живой, динамично развивающийся организм, в котором каждый – образ Бога, и дети с раннего детства это знают и чувствуют. В соответствии с православной философией, антропологией, радости человек не достигнет без правильной настроенности и устройства души, а потому необходимо изменить себя, свои внутренние настройки, а не внешние условия жизни. Удовлетворенность семейной жизнью зависит от душевного настроения супругов. Вторым условием является супружеская любовь (см. Ин.13:34). Семейная жизнь предоставляет огромные возможности для проявления любви, и супруги должны беречь это чувство, поддерживать его и прививать любовь детям.

Родители детерминируют модели поведения детей, формируют матрицу культуры, общий культурный код ребенка (систему знаков, традиций, правил и т.п.), общее пространство конвенциональных смыслов, шкалу жизненных ценностей, прививая ребенку чувство наличия твердой опоры. В семье происходит подсознательное усвоение критериев добра и зла. Деформация внутрисемейных отношений способствует возникновению противоречий, диссонанса между «культурными кодами» внутри социума, появлению коммуникативных разломов, абберации и трансформации коммуникативных связей, что негативно сказывается на стабильности социума, которая определяется в первую очередь духовно-нравственным уровнем развития общества. Соответственно, отход от православных принципов построения семьи, православной культурной системы (культурного кода) и аксиологии затронет глубинные процессы культурообразования российского социума (пошатнет основы российской культуры),

неизбежно повлечет за собой деформацию института семьи, а значит, дестабилизацию российского социума, утрату Россией духовно-культурной и цивилизационной идентичности, что в свою очередь негативно повлияет на жизнеспособность государства.

Глобализация отрывает человека от его Создателя, делая человека нерелигиозной личностью (или деструктивно религиозной), что негативно сказывается на психике, восприятии мира. О.В. Сучкова в своих исследованиях говорит о том, что неверующие супруги должны надеяться только на себя (в отличие от верующих семей, где человек надеется на помощь Бога в разрешении жизненных проблем), а потому они не чувствуют себя психологически защищенными, переживают больший эмоциональный дискомфорт, уровень удовлетворенности браком ниже, чем у верующих супругов [Сучкова, 2008, с. 86]. Супруги, которые придерживаются христианских ценностей, реже прибегают к эгоистическим проявлениям, выстраивают доброжелательные и доверительные отношения друг с другом, проявляют большую радость в супружестве, меньшую подверженность душевным скорбям, стрессу, чем неверующие люди [Власихина, 2017, с. 44]. Вера в Бога способствует разрешению проблем и снижению напряжения, тревоги, душевному подъему [Забелина и др., 2024, с. 55]. Качество брачных отношений и удовлетворенность семейной жизнью в семьях зависит от любви (как свойства Бога) – главного условия всех благополучных и счастливых браков [Мельникова, 2016, с. 114].

При этом православный философско-антропологический подход ориентирует человека на познание своего «Я» в контексте познания «Не-Я», или «Иного», т.е. бытие человека диалогично и не замыкается строго в своих личных, индивидуалистических границах. Познать мир и самого себя можно тогда, когда происходит встреча с другим человеком, с иным личностным миром (человек-человек, «Я»–«Не-Я»), происходит вовлечение во внутренний, духовный мир Другого. А познавая Другого, мы познаем не только себя, но и весь мир (человек-универсум), и Бога, вступая в Бого-человеческие отношения (Бог-человек), которые подразумевают диалог, призывно-ответную форму диалога. Границы горизонта индивидуальной жизни постепенно расширяются, происходит пролиферация внутреннего мира человека: этот мир разрастается, углубляется и обогащается. И первые уроки познания себя, Иного и мира в целом человек получает именно в семье, поэтому так важно строить созидательные коммуникативные связи, конструктивные межличностные отношения внутри семьи, а это зависит от уровня духовности, от тех ценностных установок, которые человек принимает в качестве жизненного ориентира. Любовь родителей, их удовлетворенность семейными отношениями воспринимаются ребенком как модель отношений, в дальнейшем она воспроизводится в собственной семье. Любовь друг к другу – это не просто уважение, желание угодить в «приземленном» понимании. Любовь к другому человеку основывается на внутритроичных отношениях (т.е. отношениях Бога-Отца – Бога-Сына и Бога-Св. Духа), которые проецируются на межличностные отношения людей. Суть настоящей, возвышенной, чистой любви, которая приносит смысл в бытие человека, отражена в первом Послании ап. Павла к коринфянам, в 13 главе (стих 1-8). К этой любви стремятся православные христиане. И если в православной семье человеческое бытие христологично и христоцентрично, триадологично и еклесиологично, то есть рассматривается сквозь призму учения о Христе (как Богочеловеке, Спасителе), о Боге-Троице и предполагает воцерковленность человека, то в нерелигиозных семьях происходит десакрализация реальности, бытия, а значит – ценностные установки абсолютно иные.

Мир, с позиции православной теологии и философии, полифокален, то есть в нем множество личностей, и каждая из них – главная, каждая имеет особое значение, каждая – образ и подобие Божие. Православная онтология вертикальна и подразумевает связь человека с Абсолютом, с Высшим, с Богом, со Христом, именно Он – Законодатель, Основа высшей этики, морали и нравственности. Бог есть константа: Он неизменен, абсолютен, и Его Закон вечен, непреложен, неизменен. Православная нравственность

христоцентрична. Глобализационная онтология в этом смысле – горизонтальна, связи с Высшим, со Творцом отсутствуют, а значит – мораль и нравственность, ценностные ориентиры антропоцентричны и плюралистичны, поэтому относительны: их можно корректировать, менять в зависимости от ситуации и собственных потребностей. Отсюда вытекают различия в понимании семьи, семейно-брачных отношений, межличностных и межполовых отношений в целом, в восприятии иного человека, мира, всех событий.

Подлинно верующий человек, имеющий эсхатологическую перспективу, сотериологическую направленность, обретает онтологическую укорененность в бытии и понимает, что в жизни все промыслительно, все имеет сакральный смысл и является проявлением Божественной педагогики. Молитвенное общение с Богом, доверие Создателю являются основными ресурсами в преодолении стресса и борьбе с душевными недугами. Таким образом, православная семья формирует духовную личность, формируя тем самым духовно-нравственное общество [Забелина и др., 2024, с. 54].

Православная антропология как основа семейного воспитания в современных условиях обладает, таким образом, рядом особенностей:

1) целостное понимание человека: православная антропология рассматривает человека как единство духа, души и тела. Воспитание не ограничивается лишь интеллектуальным или физическим развитием, но нацелено на гармоничное развитие всех трех составляющих. Особое внимание уделяется духовному становлению;

2) каждый человек создан по образу и подобию Божьему и обладает достоинством и ценностью. Он – это не только биологическое существо, но и духовная личность, способная любить, творить и познавать Бога;

3) в человеке повреждена его природа, он склонен к греху, это проявляется в эгоизме, гордыне и других страстях, поэтому он нуждается в очищении и духовном совершенствовании. Воспитание, таким образом, направлено на воцерковление, развитие добродетелей, на научение ребенка борьбе с грехом, со страстями;

4) семья есть малая Церковь, священное, сакральное пространство, где муж и жена призваны к взаимной любви и созиданию на основе Евангельского вероучения. Это место совместной молитвы. Православный христианин воспринимает семью как союз души и тела, в котором каждый отдал свое «Я» в пользу «Мы» и стал частью нового, сложного организма [Артемьева, 2017, с. 17];

5) православное воспитание основано на христианских ценностях и добродетелях, таких как любовь, смирение, терпение, целомудрие и прочих, и, соответственно, направлено на формирование в ребенке нравственного характера и духовного стержня. Полноценное развитие личности возможно только при духовном росте и служении Богу и ближним;

6) ограничение влияния негативной информации из СМИ, интернет-ресурсов, пропагандирующих антихристианские ценности, насилие; развитие у детей критического мышления, которое поможет им устоять перед вызовами глобального мира.

Итак, антропологическая православная система формирует ценностную парадигму, этическую и аксиологическую матрицу бытия, которая помогает жить в соответствии с сакральными ориентирами. Специфика православной антропологии в современных условиях заключается в противостоянии глобализационным тенденциям (индивидуализму, гедонизму и потребительству, распространенным в современном обществе) и актуализации духовного развития и служения ближним.

Укрепление института семьи в рамках православной теологии предполагает:

1) организацию и проведение лекций, курсов, которые будут раскрывать молодежи духовные, практические основы семейной жизни; предоставление семейного консультирования и помощи в решении семейных проблем;

2) продвижение и поддержку традиционных семейных ценностей (верность, любовь, взаимопомощь, ответственность), создание позитивного образа семьи в обществе;

ограничение негативного влияния со стороны СМИ, контроль информации, защита от насилия, общение с благочестивыми людьми;

3) оказание материальной поддержки многодетным семьям, одиноким матерям и семьям с детьми-инвалидами, предоставление помощи семьям с детьми;

4) укрепление межпоколенческих связей, поощрение передачи опыта и знаний от старших поколений к младшим;

5) воспитание духовно здорового поколения: приобщение к вере, молитве, Церкви с раннего детства, оцерковление их жизни, формирование добродетелей. При этом параллельно учить детей управлять своими эмоциями, сопереживать другим.

Что касается глобализационной антропологии и аксиологии как основы семейного воспитания, то они представляют собой сложную и противоречивую картину, поскольку это не единая система ценностей, а, скорее, конгломерат различных тенденций. Глобализация подрывает духовные основания семьи и воспитания ребенка. В глобализационной аксиологии не учитываются законы Высшего, духовного мира, игнорируются Заповеди Божии (происходит «варваризация», десакрализация, обмирщение, хаотизация внутрисемейных отношений). Идеологи глобализма утратили общение с Богом или не хотят его иметь, а значит, у них иные «представления о смысле человеческой жизни и смерти, об отношении к другим людям, о целомудрии и чистоте, о супружеской верности и пр. Человек и его жизнь для них часто не являются ценностью» [Кузнецова, 2007]. Экзистенциально-онтологический вектор коммуникации человека в соответствии с глобализационной ценностной системой развивается в контексте индивидуальных смысловых горизонтов, в рамках сферы удовлетворения собственных желаний без учета желаний окружающих людей.

Особенности глобализационной антропологии и аксиологии заключаются в следующем:

1) индивидуализм: в центре внимания глобализационной антропологии находится не Бог как Высшее Существо, Абсолют, Создатель мира, а человек, индивид, его права, свободы и самореализация. Человек рассматривается как автономная единица, а не как часть коллектива (в данном случае семьи). Главными ценностями становятся личный успех, карьерный рост, материальное/финансовое благополучие и самовыражение. Акцент в воспитании, соответственно, делается на развитие «экономической единицы», которая будет приносить прибыль стране;

2) либерализм и толерантность: акцент на разнообразии форм жизни и поведения, равенства всех людей независимо от их пола, расы, религии или сексуальной ориентации. Ценится толерантность к различиям. Соответственно, детей учат быть открытыми к новому и принимать разнообразие (отсюда рост ЛГБТ-движений в западном мире). Это приводит к размыванию традиционных норм и ценностей в сфере семейных отношений;

3) рационализм и секуляризация: человек рассматривается как разумное существо, способное познавать мир с помощью науки и логики. Роль духовных и религиозных аспектов снижается. Вера в христианского Бога объявляется пережитком прошлого, от которого следует избавиться с целью построения новой человеческой формации, пост-человечества, сверх-лиги сверх-людей с помощью новейших достижений в области науки и техники, посредством нано-технологий, NBIC [Косарев, 2004, с. 299]. Соответственно, ценятся научные знания, технический прогресс, прагматизм при недооценке важности духовного и нравственного воспитания [Ефременко и др., 2012, с. 112–129].

4) потребительство становится неотъемлемой частью современной идентичности, а материальный успех – мерилom личных достижений. Ценятся материальные блага, комфорт, новые технологии, которые вытесняют духовные и нравственные ценности;

5) глобальная мобильность и взаимосвязь: миграция, путешествия, интернет превращают мир в единую «глобальную деревню», это ведет к размыванию культурной идентичности и семейных традиций.

Глобализационные ценности в сфере семейно-брачных отношений таковы: свобода выбора партнера, разрыв связи поколений, родители теряют авторитет, молодое поколение не учитывает опыт старшего поколения. Традиционные гендерные роли ослабевают, усиливается пропаганда нетрадиционных форм семьи. Разводы становятся более частыми. Многие молодые люди откладывают вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст. Количество детей в семьях сокращается.

Итак, глобализация несет в себе не единый набор ценностей, а их многообразие и противоречивость, что создает вызовы для семейного воспитания. Ценности глобализации часто противоречат традиционным христианским представлениям о семье, браке и гендерных ролях. Происходит коммерциализация семейных отношений и обесценивание духовных аспектов. Чрезмерный акцент на индивидуализме постепенно ведет к ослаблению семейных связей, в итоге брак теряет свою обязательность как единственная форма легитимных отношений, растет популярность сожительства, «гостевых браков» и других неформальных союзов. Традиционные ценности разрушаются, вместо них предлагаются новые, которые не всегда способствуют укреплению семьи.

Таким образом, конфликт между тенденциями глобализации и традиционными православными ценностями многогранен и проявляется на разных уровнях, и суть этого конфликта – в столкновении аксиологических систем и антропологических представлений.

Его основные аспекты заключаются в следующем:

1. Индивидуализм и коллективизм: если глобализация поощряет индивидуализм, ставя во главу угла личные права, свободы и самореализацию, а человека рассматривает как автономную единицу, а не как часть коллектива, то Православие, наоборот, делает акцент на коллективизме, соборности, рассматривая человека как часть семьи, церковной общины и народа. Глобальный индивидуализм может разрушать традиционные семейные и общественные связи, приводя к разобщенности, атомизации личности и отчуждению.

2. Секуляризация и религиозность: если глобализация сопровождается секуляризацией, уменьшением роли религии в обществе и жизни человека, а наука, рационализм и материализм становятся приоритетными, то Православие считает Бога высшей ценностью и основой всего сущего. Духовное развитие и спасение души являются высшими целями человеческой жизни. Глобалистский подход ведет к утрате духовных ориентиров, распространению атеизма и безнравственности.

3. Гедонизм и потребительство, материальный успех как главные цели жизни в ценностной системе глобализации выступают против аскетизма и умеренности Православия: культ потребления ведет к моральному разложению, потере духовных ценностей и зависимостям, противоречащим христианским добродетелям.

4. Сексуальная либерализация против целомудрия и верности: глобализация сопровождается сексуальной свободой, пропагандой вседозволенности и терпимостью к нетрадиционным формам сексуальности, что ведет к распаду семей, безответственности, распространению разврата. Православие, наоборот, утверждает ценность целомудрия, верности и моногамных отношений как единственно правильной формы сексуальности.

5. Культурная унификация и национальная идентичность: глобализация способствует распространению массовой культуры, стандартизации образа жизни, нивелируя национальные и культурные различия. Православие является частью национальной культуры, сохраняя свои уникальные традиции, язык и обычаи. Культурная унификация ведет к потере национальной идентичности, традиционных ценностей.

6. Технологический прогресс и духовное развитие: глобализация сопровождается быстрым технологическим прогрессом, распространением новых технологий и цифровых платформ, что может приводить к отвлечению от духовных ценностей, размыванию границ между реальным и виртуальным миром. Православие призывает к умеренному использованию технологий, ставя на первое место духовное развитие.

7. Толерантность и верность истине: глобализация призывает к терпимости ко всем взглядам и мнениям. Православие утверждает верность Истине, ведь чрезмерная толерантность ведет к размыванию моральных норм, потере ориентиров и распространению ложных учений.

Заключение

В ходе исследования выявлена суть конфликта между тенденциями глобализации и традиционными православными ценностями: эта суть заключается в столкновении различных мировоззренческих систем и аксиологических установок. Глобализация ставит во главу угла индивидуализм, секуляризм, гедонизм и потребительство, в то время как Православие призывает к коллективизму, религиозности, аскетизму и духовным ценностям и противостоит дегуманизирующим, нигилистическим, секулярным интенциям глобализации. Православная антропология и аксиология направлены на укрепление духовного фундамента семьи, традиций, формирование в подрастающем поколении добродетелей, развитие духовного иммунитета. Таким образом, православная религиозность представляет собой ресурс, способный оказывать благотворное воздействие на человека, помочь ему в преодолении экзистенциальных проблем, противостоянии вызовам современности, формировании позитивных стратегий внутрисемейных отношений и взаимодействия семьи и социума на духовных основаниях. Основные составляющие православной аксиологии и антропологии (вера, Бог, душа, образ Божий, Храм, любовь, добро, милосердие и другие) являются залогом гармонии в семье, а значит, и в обществе.

Современный дискурс о семейно-брачных отношениях претерпевает трансформацию, обусловленную экспансией глобалистских концептуализаций, которые инкорпорируют в себя чуждые христоцентричной антропологии и аксиологии идейные парадигмы. Провозглашаемые глобализмом интенции противостоят Истине христианского Откровения, обнаруживая свою направленность на десакрализацию мироздания и его отрыв от Бога, нивелируют традиционные ценности, искажают христианские экзистенциальные смыслы, коренящиеся в Богопознании, упраздняют институт семьи в его православном измерении. Глобализационная антропология и аксиология привносят новые ценности и вызовы в сферу семейного воспитания, предлагают иной взгляд на человека и его место в мире, который в значительной степени отличается от православных подходов, это ведет к конструированию антихристианской реальности, бифуркации цивилизационного этоса и метаморфозе культурного кода.

Итак, цель исследования достигнута, выявлено влияние глобализации на институт семьи и основные ее характеристики (расхристианизация социума, противостояние Истине (Богу) посредством формирования новой истины, искажение экзистенциальных смыслов); определена положительная, созидательная роль православной аксиологии и антропологии как основы семейного воспитания; выявлена роль православной религиозности как ресурса, способного оказывать положительное влияние на человека.

Список литературы

- Александр (Милеант), еп. 2014. Религиозное воспитание детей. URL: <https://azbyka.ru/deti/religioznoe-vozpitanie-detej#n1> (дата обращения: 10.01.2025).
- Артемьева Г.Н., Истомина И.П. 2017. Детско-родительские отношения в семьях воспитанников воскресной школы: Монография. Нижневартовск, Нижневартовский гос. ун-т, 110 с.
- Власихина Н.В. 2017. Семейные отношения в религиозных семьях: *Современные исследования. Вектор науки ТГУ*, 1 (39): 43–47.
- Ефременко Д.В., Гиряева В.Н., Евсеева Я.В. 2012. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания. *Эпистемология и философия науки*, 32 (4): 112–129.
- Забелина Е.В., Максименко А.А., Муталимова А.М. 2024. Взаимосвязь характеристик семьи и степени религиозности личности. В кн.: Семейные и религиозные традиции как основа безопасности страны: материалы V Международной XIII Всерос. науч.-практ. конференции

- «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России», Челябинск, Троицк, Россия, 5 июля 2024 г. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та: 54–59.
- Иоанн Златоуст, свт. 2006. Слово о воспитании детей. В кн. Полное собрание творений в 12 т. Т. 12. Ч. 2. М., Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского: 717–725.
- Косарев В.В. 2004. Трансгуманизм и синергетическая философия. *Международные чтения по теории, истории и философии культуры (Дифференциация и интеграция мировоззрений)*, 20: С. 296–314.
- Кропачев Н.М., Архипов В.В. 2023. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 294–306.
- Кузнецова И.А. 2007. Духовно-нравственные ценности православия как фактор семейного воспитания детей: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 231 с. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-vozrasta/duhovno-nravstvennye-cennosti-pravoslavija-kak-faktor-semejnego-vospitaniya-detej.html> (дата обращения: 10.01.2025).
- Кучмаева О.В. 2019. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни. *Экономика. Налоги. Право*, Т. 12, 2: 70–82.
- Мельникова Д.А., Ильинский С.В. 2016. Психологические факторы удовлетворенности браком супругов в молодой семье. *Вестник Самарской Гуманитарной Академии*. Самара, СГА, 2 (20): 112–125.
- Мурсалова А.С. 2024. Семейная политика и ценности в век глобализации. В кн.: Семейные и религиозные традиции как основа безопасности страны: материалы V Междунар. XIII Всерос. науч.-практ. конф. «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России», Челябинск, Троицк, Россия, 5 июля 2024 г. Челябинск: ЧГУ: 125–131.
- Селезнева Е.А. 2021. Анализ понятий семья и семейные ценности. *Проблемы современного образования*, 5: 270–280.
- Сучкова О.В. 2008. Психологическая функция религии – обеспечение безопасности для верующей молодежи. *Современные проблемы науки и образования*. М., Академия Естествознания, 3: 84–89.

References

- Aleksandr (Mileant), ep. 2014, “Religious education for children” [Online], available at: <https://azbyka.ru/deti/religioznoe-vospitanie-detej#n1> (Accessed 10 January 2025).
- Artem'eva G. N., Istomina I. P. 2017. Detsko-roditel'skie otnosheniya v sem'yah vospitannikov voskresnoj shkoly: Monografiya [Child-Parent Relationships in Families of Sunday School Students: Monograph], Nizhnevartovsk, NGU: 110.
- Efremenko D. V., Giryayeva V. N., Evseeva Y. V. 2012. NBIC-konvergenciya kak problema social'no-gumanitarnogo znaniya [NBIC-convergence as a problem of socio-humanitarian knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, № 32 (4): 112–129.
- John Chrysostom, the saint. 2006. *Slovo o vospitaniidetej* [A word about parenting]. In.: *Polnoe sobranie tvorenij v 12 t: t. 12., ch. 2* [The Complete Works in 12 Volumes: Vol. 12, Part 2], M, Publishing house Sestrichestvo vo imya svt. Ignatiya Stavropol'skogo: 717–725.
- Kosarev V. V. 2004. Transgumanizm i sinergeticheskaya filosofii [Transhumanism and Synergetic Philosophy]. *Mezhdunarodny'e chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury` (Differenciaciya i integraciya mirovozzrenij)*, 20: 296–314.
- Kropachev N.M., Arhipov V.V. 2023. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty [Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Theoretical and Legal Aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 2: 294–306.
- Kuchmaeva O.V. 2019. Ideal'naya model' sem'i v glazah rossiyan i strategiya po povysheniyu cennosti semejnogo obraza zhizni [Ideal family model in the eyes of Russians and strategy to increase the value of family lifestyle]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 12, 2: 70–82.
- Kuznecova I. A. 2007. Duhovno-nravstvennye cennosti pravoslaviya kak faktor semejnogo vospitaniya detej [Spiritual and moral values of Orthodoxy as a factor in the family upbringing of children] [Online], available at: <http://www.dslib.net/psixologia-vozrasta/duhovno-nravstvennye-cennosti-pravoslavija-kak-faktor-semejnego-vospitaniya-detej.html> (Accessed 10 January 2025).

- Mel'nikova D. A., Il'inskij S. V. 2016. Psihologicheskie faktory udovletvorennosti brakom suprugov v molodoj sem'e [Psychological factors of marital satisfaction of spouses in a young family]. *Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj Akademii*, 2 (20): 112–125.
- Mursalova A.S. 2024. Semejnaya politika i cennosti v vek globalizacii [Family policies and values in the age of globalization]. In.: Semejnye i religioznye tradicii kak osnova bezopasnosti strany: materialy V mezhdunarodnoj XIII Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konfrentcii «Rasulevskie chteniya: islam v istorii i sovremennoj zhizni Rossii», Chelyabinsk, Troick, Rossiya, 5 iyulya 2024 g. [Family and religious traditions as a basis for the security of the country: materials of the V International XIII All-Russian Scientific and Practical Conference “Rasulev Readings: Islam in the history and modern life of Russia”, Chelyabinsk, Troitsk, Russia, July 5, 2024]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University: 125–131.
- Selezneva E.A. 2021. Analiz ponyatij sem'ya i semejnye cennosti [Analyzing the concepts of family and family values]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 5: 270–280.
- Suchkova O. V. 2008. Psihologicheskaya funkciya religii – obespechenie bezopasnosti dlya veruyushchej molodezhi [The psychological function of religion is to provide security for believing young people], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 3: 84–89.
- Vlasihina N. V. 2017. Semejnye otnosheniya v religioznyh sem'yah [Family Relationships in Religious Families: Current Research]. *Vektor nauki TGU*, № 1 (39): 43–47.
- Zabelina E.V., Maksimenko A.A., Mutalimova A.M. 2024. Vzaimosvyaz' harakteristik sem'i i stepeni religioznosti lichnosti [The relationship between family characteristics and the degree of religiosity of the individual]. In: Semejnye i religioznye tradicii kak osnova bezopasnosti strany: materialy V mezhdunarodnoj XIII Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konfrentcii «Rasulevskie chteniya: islam v istorii i sovremennoj zhizni Rossii», Chelyabinsk, Troick, Rossiya, 5 iyulya 2024 g. [Family and religious traditions as a basis for the security of the country: materials of the V International XIII All-Russian Scientific and Practical Conference “Rasulev Readings: Islam in the history and modern life of Russia”, Chelyabinsk, Troitsk, Russia, July 5, 2024]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University: 54–59.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025

Revised June 04, 2025

Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудавина Татьяна Анатольевна, аспирант кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; сотрудник епархиального отдела по взаимодействиям Церкви с обществом и СМИ (Губкинская епархия, Белгородская митрополия), г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0009-0006-4448-0108](https://orcid.org/0009-0006-4448-0108)

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Rudavina, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University; Member of the Diocesan Department for Interaction between Church and Mass Media (Gubkin Diocese, Belgorod Metropolis), Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0009-0006-4448-0108](https://orcid.org/0009-0006-4448-0108)

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

УДК 174

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-625-632

EDN UVLIWO

Перспективы этической кодификации в сфере высшего образования в условиях цифровизации

Назарова Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 125

Fox353@yandex.ru

Аннотация. Процессы цифровизации современного высшего образования нуждаются в гуманитарном осмыслении, что поможет предотвратить дегуманизацию и технологизацию высшего образования, разрешить аксиологические противоречия между знанием и информацией. Одним из средств такого осмысления является профессиональная этика. Цель исследования заключается в определении перспектив этической кодификации в сфере высшего образования. В работе проанализированы этико-нормативные подходы к формированию кодексов профессиональной этики в пространстве высшего образования, определены этические модели, формирующие структуру кодекса; описаны наиболее актуальные функции современного профессионального кодекса; выделены этико-нормативные особенности кодекса для сферы высшего образования. Результаты показали, что степень эффективности кодекса профессиональной этики в сфере высшего образования зависит от выбора модели этического кодекса (определено, что модель «этики предпочтений» более эффективна, чем модель «этики ограничений»). Сделан вывод о том, что перспективы этической кодификации в высшем образовании значительно расширяются в связи с такими факторами, как цифровизация образования, меняющая нравственные и культурные основы высшего образования, и ситуативный характер этических норм и правил, которые необходимо корректировать, учитывая трансформацию ценностей в сфере высшего образования.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, профессиональная этика, академический этос, цифровая этика, кодекс профессиональной этики

Для цитирования: Назарова Ю.В. 2025. Перспективы этической кодификации в сфере высшего образования в условиях цифровизации. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 625–632. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-625-632. EDN: UVLIWO

Prospects for Ethical Codification in the Sphere of Higher Education in the Context of Digitalization

Yuliya V. Nazarova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin Ave., Tula 300026, Russian Federation

Fox353@yandex.ru

Abstract. The processes of digitalization of modern higher education require humanitarian understanding, which will help prevent its dehumanization and technologization and resolve axiological contradictions between knowledge and information. One of the means of such understanding is professional ethics. The purpose of the study is to determine the prospects for ethical codification in higher education. The paper analyzes ethical and normative approaches to the formation of codes of professional ethics in the sphere of higher education. Ethical models that form the structure of the code are defined; the most relevant functions of a modern professional code are described; ethical and

normative features of the code for higher education are highlighted. The study reveals that the degree of effectiveness of the professional ethics code in higher education depends on the choice of the ethical code model (the model of "ethics of preferences" proved to be more effective than the model of "ethics of restrictions"). The role of analysis of current professional values in the process of forming the code is emphasized. The author concludes that the prospects for ethical codification in higher education are significantly expanding due to such factors as digitalization of education, changing the moral and cultural foundations of higher education, and the situational nature of ethical norms and rules that need to be adjusted, taking into account the transformation of values in higher education.

Keywords: digitalization of higher education, professional ethics, academic ethos, digital ethics, code of professional ethics

For citation: Nazarova Y.V. 2025. Prospects for Ethical Codification in the Sphere of Higher Education in the Context of Digitalization. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 625–632 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-625-632. EDN: UVLIWO

Введение

Рассмотрение цифровизации образования с точки зрения этики предупреждает процесс его дегуманизации и технологизации, что особенно актуально на современном этапе формирования цифрового образовательного пространства. Анализ философской литературы показывает, что центральной проблемой цифрового образовательного пространства считается дилемма знания [Розин, 2013; Уваров, Гейбл и др., 2019; Шишкова, 2019; Марков, 2020; Валеева, 2021; Храпов, Баева, 2021; Розин, 2022; Назарова, 2024], заключающаяся в противоречии между знанием и информацией. С одной стороны, большое количество информации позволяет расширить границы знания; с другой – знание заменяется информацией, теряя свою ценность и нравственный смысл. Эта основная дилемма цифрового образования порождает ряд других аксиологических дилемм, раскрывающихся в пространстве цифровой этики образования: «дилеммы дегуманизации образования, нравственного смысла образования, дилеммы нравственного воспитания» [Назарова, 2024].

Одна из функций академического этоса – *сохранение культуры получения и передачи знания*, и это приобретает особенный смысл в контексте цифровых трансформаций образования. В ситуации цифровизации высшего образования способом сохранения научных и культурных ценностей образования становится профессиональный этический кодекс. Этическое кодифицирование нуждается в определении перспектив в условиях цифровизации с учетом проблем современной цифровой этики образования.

Это делает актуальными следующие вопросы:

1. Какие философские концепции этического кодифицирования в пространстве высшей школы существуют на данный момент?
2. Какова структура кодексов профессиональной этики? Какие модели этических кодексов актуальны для высшего образования?
3. Насколько эффективны подходы к этической кодификации в сфере высшего образования?
4. Каковы возможные направления эффективной этической кодификации в сфере высшего образования в условиях цифровизации?

Современные концепции этического кодифицирования: представления о моделях формирования кодексов и об их оптимальной структуре

Вопрос об этическом кодифицировании в российском высшем образовании не раз поднимался в рамках исследований, проводимых представителями ведущих школ прикладной этики, причем известны не только теоретические исследования, но и

практический опыт формирования и применения кодексов. Анализ философской литературы по проблемам кодексов в высшем образовании показал, что существуют два основных этических подхода к содержанию кодекса. Как главный элемент профессиональной этики, кодекс может функционировать либо в контексте этики ограничений, либо в контексте этики предпочтений [Хоманн, Бломе-Дрез, 2013]. Термины «этика предпочтений» и «этика ограничений» изначально введены в рамках экономической этики К. Хоманном и Ф. Бломе-Дрез, однако впоследствии такой подход стал применяться к другим видам профессий, связанных в основном с публичной деятельностью, например, в сфере политики, культуры и т. п. Разница подходов заключается в следующем. Для кодекса, построенного на этике ограничений, предполагаются правила, направленные на запрет определенных действий, и наказание за их неисполнение; для кодекса, построенного на этике предпочтений, предполагаются правила, несущие функцию *предотвращения* возможных этических нарушений, и в целом кодекс построен таким образом, чтобы индивиду было невыгодно нарушать предписанные нормы, – в этом случае кодекс выполняет такие функции, как соблюдение интересов представителей профессии, защита профессионального статуса, установка ориентиров поведения, помогающих самостоятельно определить этические обоснованные варианты выхода из конфликтных ситуаций.

Кроме того, как отмечают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, на содержание этического кодекса в высшем образовании влияют представления о миссии университета: «"корпорация-организация" и "корпорация-профессия" предъявляют университетскому профессионалу как субъекту морального выбора разные этические кодексы. На практике они соответствуют разным версиям идеи-миссии Университета. На наш взгляд, современная ситуация в университетской этике требует особого внимания к такой ее ипостаси, как профессиональная этика, этика базовых профессий научно-образовательной деятельности университета: преподавателя и научного сотрудника» [Бакштановский, Согомонов, 2009, с. 30]. Эта проблема становится наиболее значимой в условиях рыночной экономики и цифровизации, актуализируя дилемму нравственного смысла образования. Так, А.В. Прокофьев пишет, что, по мнению некоторой части профессионального сообщества, цифровизация ограничивает возможности исполнения миссии университета. Однако задачей современного университета является создание новых подходов к профессиональной этике, учитывающих условия цифровизации: «Существенное изменение условий труда университетского преподавателя в "виртуальном кампусе" и "виртуальной аудитории", его участие в разработке и применении цифровых образовательных продуктов (прежде всего онлайн-курсов, которые могут быть более или менее массовыми и более или менее открытыми) диктуют коррекцию и дополнение кодексов и правил поведения, уточнение регламентов этических комиссий и комитетов и т. д. Но главное, они требуют от членов академического сообщества понимания новых проблем университетской практики и умения выходить из связанных с ними сложных и дилемматических ситуаций» [Прокофьев, 2021, с. 33]. В этом смысле критерии профессиональной этики становятся ориентиром для разрешения указанных проблем. В то же время обращение к профессиональной этике требует исследования профессиональных ценностей, на которых базируются её принципы. Необходимо отметить, что профессиональные ценности трансформируются под влиянием цифровизации образования, формируя конфликты ценностей и создавая общую аксиологическую неопределенность. По этой причине исследование трансформаций профессиональных ценностей становится одним из этапов этической кодификации.

Проблема эффективности этического кодекса и дилеммы цифровизации высшего образования

Одной из центральных проблем профессиональной этики является вопрос о практической эффективности кодексов, их функциональности. Так, кодексы деклара-

тивного типа, несмотря на свою кажущуюся неэффективность, несут важную функцию институализации ценностей и принципов профессиональной этики, транслирующих представления о миссии образовательной и научной деятельности, описывающие культурные традиции академического этоса. Тем не менее эффективность современного кодекса профессиональной этики в сфере высшего образования определяется и другим рядом функций, которые можно вывести из дилемм цифровизации образования. Аксиологическое содержание этих дилемм заключается в следующем: «Тезис: "1) Основная ценность образования – это ценность знания, что является актуальным как для классической, так и для новой парадигмы образования". Антитезис: "В процессе цифровизации основной ценностью становится ценность информации, а не ценность знания, что определено потребностями информационного общества"».

Тезис: 2) "Образование как ценность предполагает приобщение человека «ко всеобщему», преодоление эгоистического начала, что придает образованию особый нравственный смысл". Антитезис: "Образование как ценность в информационном обществе приобретает экономический и социальный смысл, нравственный смысл образования отходит на второй план». Тезис: 3) "Ценность личности заключается в преобразовании индивида посредством знания, что определяет цель образования". Антитезис: "В цифровом пространстве меняется представление о личности, приоритетной становится ценность информации, что меняет цель образования, которая заключается в накоплении и анализе информации, развитии новейших образовательных технологий, использовании искусственного интеллекта в процессе образования"» [Назарова, 2024, с. 651].

Так, дилеммы знания и нравственного смысла образования предполагают, что кодекс должен защищать статус академического сообщества; сохранять культуру получения и передачи знаний и академические традиции. Дилемма дегуманизации образования требует от кодекса выработки критериев профессионального поведения, с одной стороны, и нравственного воспитания – с другой.

Можно сделать вывод, что дилеммы и нравственные ценности профессии лежат в основании этического кодифицирования. Ценности обеспечивают в кодексе, по словам В.И. Бакштановского, «мировоззренческий ярус профессии»: «Профессиональная этика не может интерпретироваться в качестве нормативно-ценностной (под)системы, если она сводится к функции повышения эффективности специализированной деятельности и при этом игнорируется ее социальная миссия. Профессионал не просто следует поведенческим нормам, но и реализует на практике соответствующий образ жизни. А справляется профессиональная мораль с этой задачей благодаря целому ряду мировоззренческих, смыслоакцентированных ценностей» [Бакштановский, 2009, с. 148].

Отечественные исследователи подчеркивают особую роль дилемм в структуре профессионального этического кодекса. Дилеммы обозначают ситуативный характер профессиональной этики, являясь своеобразной *структурой моделей конфликтов и моральных проблем*, которые исследователи характеризуют как «патос научно-образовательной практики» [Бакштановский, 2009]. Включение в содержание кодекса дилемм обеспечивает его эффективность и функциональность в области выбора моральных критериев принятия решений и этических способов разрешения конфликтных ситуаций.

Этико-нормативные особенности кодексов профессиональной этики в современной высшей школе

Анализ философских концепций этико-нормативного кодифицирования, а также существующих кодексов в сфере высшего образования, построенных на основании

профессионально-этического подхода [Этический кодекс..., 2009; Хартия..., 2020] показал их следующие этико-нормативные особенности:

а) этический кодекс отличается от правовых норм тем, что несет функцию предотвращения нарушений, а не наказания за них. Так, за основу этического кодекса в определенном вузе может быть взят: 1) Закон об образовании; 2) Устав Университета. Правила, прописанные в данных нормативных документах, могут определять наиболее важные направления этического регулирования, однако этический кодекс не копирует указанные правила, а прописывает возможные варианты их соблюдения и нравственные критерии, которые способствуют их соблюдению;

б) этапы формирования профессионального кодекса заключается в следующем: определяется модель кодекса, построенная на этике предпочтений или на этике ограничений; определяются нормативные документы, которые должны лежать в основании кодекса (Закон об образовании, Устав, международные принципы академической этики и др.); определяется структура кодекса и его этическое содержание (мировоззренческий ярус; нормативный ярус; патос научно-образовательной практики [Бакштановский, 2009] (последний может быть представлен в виде банка моральных дилемм));

в) было установлено, что кодекс в сфере высшего образования может иметь следующий ряд функций: функция сохранения академических традиций получения и передачи знаний; функция предупреждения нравственных нарушений и конфликтов; функция защиты статуса академического сообщества; функция этической корректировки профессионального поведения и установки нравственных ценностей, принципов и критериев в сфере высшего образования; функция нравственного воспитания.

г) этические кодексы принято разделять по структуре и этическому содержанию. Этико-нормативный анализ существующих в сфере высшего образования кодексов показал, что по этическому содержанию большинство из них относятся к этике предпочтений; в большинстве случаев это общие кодексы для всего университетского сообщества, тематически разделенные внутри на отдельные правила для студентов, преподавателей, ученых, администрации; в некоторых случаях правила объединены идеей академической этики, под которой понимается этика преподавателя как педагога и как ученого-исследователя.

д) выявлено, что степень эффективности этических кодексов определяется типом их модели: так, декларативная модель менее эффективна, поскольку предлагает лишь *базовые* принципы профессиональной этики и не берет в расчет актуальные *ситуативные* проблемы, которые могут быть отражены в таких частях кодекса, как «патос научно-образовательной практики» и приложение в виде банка «моральных дилемм» [Бакштановский, 2009].

Заключение

На основании проведенного анализа, можно выделить следующие перспективы этической кодификации в цифровом пространстве высшей школы:

1. Формирование общероссийского кодекса цифровой этики может существенно повлиять на возникновение новых этических правил в сфере высшего образования.

Для того, чтобы эти правила были эффективными, на наш взгляд, необходимо соблюсти ряд следующих условий:

а) кодекс не должен строиться по модели этики ограничений, поскольку в этом случае он будет ограничивать права и свободы акторов кодекса, что противоречит принципам цифровой этики;

б) при этом кодекс не может быть только декларативным. Для повышения эффективности кодекса необходимо разрабатывать методы гуманитарной экспертизы

существующих в цифровом образовании проблем, которые бы соединяли в себе педагогический, философский и социологический подходы.

2. Большие перспективы в области этической кодификации может предложить аксиологический подход, который заключается в философском анализе ценностей цифрового образовательного пространства, поскольку именно выявление актуальных ценностей позволяет отследить аксиологические трансформации, характерные для цифрового образования и эволюцию моральных предпочтений, что поможет выделить не только базовые этические положения кодекса, но и критерии разрешения дилемм и конфликтов.

В целом исследования в области этической кодификации, на основании которых могут создаваться модели кодексов на уровне отдельных университетов, востребованы и имеют широкие перспективы благодаря ситуативному характеру кодекса, который вынужден систематически трансформироваться из-за новых вызовов цифровых технологий.

Список литературы

- Бакштановский В.И. 2009. Идея проектирования профессионально-этического кодекса: мировоззренческий ярус. Этический кодекс университета. *Ведомости прикладной этики*, 34: 96–113.
- Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. 2009. Университетская этика: заповедная? корпоративная? профессиональная? *Философские науки*, 8: 29–44.
- Валеева Г. В. 2021. Этические проблемы цифровизации высшего образования (аналитический обзор современных исследований). *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*, 2 (38): 51–61.
- Марков Б. В. 2020. Образование в цифровую эпоху: опыт философского осмысления. *Непрерывное образование: XXI век*, 3 (31): 1–12. DOI: 10.153937j5.art.2020.6051
- Назарова Ю.В. 2024. Дилеммы цифровизации в культурной парадигме образования: аксиологический контекст. *Манускрипт*, 17 (4): 649–653.
- Прокофьев А.В. 2021. Этика профессора в цифровом университете. *Ведомости прикладной этики*, 58: 31–53.
- Розин В. М. 2013. Образование в условиях модернизации и неопределенности. М., ЛИБРОКОМ, 78 с.
- Розин В.М. 2022. Тьюторское образование: смысл, содержание и место в трансформирующемся современном образовании. *Современное образование*, 4: 27–42. DOI: 10.25136/2409-8736.2022.4.39573.
- Росатом предложил выработать единый цифровой этический кодекс стран ЕАЭС. 03.02.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16955851> (дата обращения: 08.09.2025).
- Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В., Заславский И.М., Карлов И.А., Мерцалова Т.А., Сергоманов П.А., Фрумин И.Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. 2019. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 343 с.
- Хоманн, К. Экономическая этика и этика предпринимательства. 2013. М., Директ-Медиа, 227 с.
- Храпов С.А., Баева Л.В. 2021. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды. *Вопросы философии*, 4: 17–26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26.
- Шишкова А.В. 2019 Цифровая этика в современном образовательном процессе. *Социально-гуманитарные знания*, 2: 68–76.
- Этическое регулирование в академической среде: материалы международной научно-практической конференции. 2009. М., МАКС Пресс, 214 с.
- Этический кодекс Московского государственного университета им. Ломоносова. 2009. URL: https://www.law.msu.ru/uploads/files/eticheskij_kodeks_MSU%281%29.pdf (дата обращения: 11.09.2025)

Хартія (кодекс этики) работников НИУ ВШЭ. 2020. URL: <https://www.hse.ru/info/code-of-conduct> (дата обращения: 11.09.2025)

References

- Bakshantovskii V.I. 2009. Ideya proektirovaniya professional'no-eticheskogo kodeksa: mirovozzrencheskii yarus [The Idea of Designing a Professional and Ethical Code: a Worldview Level]. *Eticheskii kodeks universiteta. Vedomosti prikladnoi etiki*, 34: 96–113.
- Bakshantovskii V.I., Sogomonov Yu.V. 2009. Universitetskaya etika: zapovednaya? korporativnaya? professional'naya? [University Ethics: Sacred? Corporative? Professional?] *Filosofskie nauki*, 8: 29–44.
- Valeeva G. V. 2021. Eticheskie problemy tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya (analiticheskii obzor sovremennykh issledovaniy) [Ethical problems of digitalization of higher education (analytical review of current research)]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2 (38): 51–61.
- Markov B. V. 2020. Obrazovanie v tsifrovuyu epokhu: opyt filosofskogo osmysleniya [Digitalization and education in the mirror of philosophical reflection]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 3 (31): 1–12. DOI: 10.153937j5.art.2020.6051
- Nazarova Yu.V. 2024. Dilemmy tsifrovizatsii v kul'turnoi paradigme obrazovaniya: aksiologicheskii kontekst [Dilemmas of digitalization in the cultural paradigm of education: An axiological context]. *Manuskript*, 17 (4): 649–653.
- Prokof'ev A.V. 2021. Etika professora v tsifrovom universitete [Ethics of a professor in a digital university]. *Vedomosti prikladnoi etiki*, 58: 31–53.
- Rozin V. M. 2013. Obrazovanie v usloviyakh modernizatsii i neopredelennosti [Education in the context of modernization and uncertainty.] M., LIBROKOM, 78 p.
- Rozin V.M. 2022. T'yutorskoe obrazovanie: smysl, sodержanie i mesto v transformiruyushchemsya sovremennom obrazovanii [Tutoring Education: Meaning, Content, and Place in the Transforming Modern Education. Modern Education]. *Sovremennoe obrazovanie*, 4: 27–42. DOI: 10.25136/2409-8736.2022.4.39573.
- Rosatom predlozhit' vyrabotat' edinyi tsifrovoy eticheskii kodeks stran EAES. 03.02.2023. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/16955851> (accessed: 11 September 2025)
- Uvarov A.Yu., Geibl E., Dvoret'skaya I.V., Zaslavskii I.M., Karlov I.A., Mertsalova T.A., Sergomanov P.A., Frumin I.D. Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya. 2019. M., Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 343 p. DOI:10.17323/978-5-7598-1990-5.
- Khomann, K. Ekonomicheskaya etika i etika predprinimatel'stva. [K. Homann, F.Blome-Drees Wirtschafts- und Unternehmensethik] 2013. M., Direkt-Media, 227 p.
- Khrapov S.A., Baeva L.V. 2021. Filosofiya riskov tsifrovizatsii obrazovaniya: kognitivnye riski i puti sozdaniya bezopasnoi kommunikativno-obrazovatel'noi sredy [Risk Philosophy of Education Digitalization: Cognitive Risks and Ways to Create a Secure Communicative Educational Environment]. *Voprosy filosofii*, 4: 17–26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26.
- Shishkova A.V. 2019 Tsifrovaya etika v sovremennom obrazovatel'nom protsesse. [Data ethics in modern educational process] *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2: 68–76.
- Eticheskoe regulirovanie v akademicheskoi srede: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2009. M., MAKSS Press, 214 p.
- Eticheskii kodeks Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. Lomonosova [Ethical Code of Lomonosov Moscow State University.]. 2009. Available at: https://www.law.msu.ru/uploads/files/eticheskij_kodeks_MSU%281%29.pdf (accessed: 11 September 2025)

Khartiya (kodeks etiki) rabotnikov NIU VShE. 2020. [Charter (code of ethics) of HSE employees.] Available at: <https://www.hse.ru/info/code-of-conduct> (accessed: 11 September 2025)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Revised August 24, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назарова Юлия Владимировна, профессор кафедры философии и культурологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya V. Nazarova, Professor of the Department of Social Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-633-640
EDN VGJPTA

Идея богоподобия человека в контексте антропологической проблематики человеческой души

Попов А.А., Липич В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
popov19980321@mail.ru, lipich_v@bsuedu.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию воплощения православной идеи богоподобия человека в религиозно-философском опыте академической традиции первой половины XIX века. Проводится анализ предпосылок зарождения и развития философско-антропологической проблематики идеи богоподобия человека на базе русской богословской академической школы, специфики концептуальных представлений о свойствах и содержании идеи богоподобия человека в контексте познания человеческой души, отражающей ограниченные свойства Абсолюта. Рассматривается влияние религиозно-философской практики познания человеческой души на формирование особой системы нравственных ценностей в русской культурной традиции. Установлено, что православная идея богоподобия человека занимала особое место в системе религиозно-философского познания русской академической философии и оказывала значительное влияние на развитие антропологического опыта в культурной традиции. Дальнейшее исследование проблематики позволит расширить современные представления о влиянии идеи богоподобия человека на формирование русской религиозно-философской и культурной традиции.

Ключевые слова: богоподобие человека, душа, антропология, академическая философия, культурная традиция, духовность, русское богословие, святоотеческое учение

Для цитирования: Попов А.А., Липич В.В. 2025. Идея богоподобия человека в контексте антропологической проблематики человеческой души. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 633–640. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-633-640. EDN: VGJPTA

The Idea of Human God-likeness in the Context of the Anthropological Problems of the Human Soul

Alexander A. Popov, Vasily V. Lipich

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
popov19980321@mail.ru, lipich_v@bsuedu.ru

Abstract. The article is focused on the embodiment of the Orthodox idea of human God-likeness in the religious and philosophical experience of the academic tradition of the first half of the 19th century. The author analyzes the prerequisites for the origin and development of philosophical and anthropological

problems of the idea of human God-likeness on the basis of the Russian theological academic school and explores the specifics of conceptual framework about the properties and content of this idea in the context of knowledge of the human soul. The paper also considers the influence exerted by of the religious and philosophical practice of cognition of the human soul on the formation of a special system of moral values in the Russian cultural tradition. The study shows that the Orthodox idea of human God-likeness occupied a special place in the system of religious and philosophical knowledge of Russian academic philosophy and had a significant impact on the development of anthropological experience in the cultural tradition. Further research into the problem will expand modern understanding of the influence of the idea of human Godlike nature on the formation of the Russian religious, philosophical and cultural tradition.

Keywords: human God-likeness, soul, anthropology, academic philosophy, cultural tradition, spirituality, Russian theology, patristic teaching

For citation: Popov A.A., Lipich V.V. 2025. The Idea of Human God-likeness in the Context of the Anthropological Problems of the Human Soul. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 633–640 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-633-640. EDN: VGJPTA

Введение

Православная идея богоподобия человека, являясь одним из фундаментальных и основополагающих воплощений догматического и духовно-психологического содержания святоотеческого вероучения и богословского опыта, закономерно нашла свое отражение в русской культурной традиции. Освещая широкий спектр вопросов человеческого бытия, сущности и предназначения человеческой природы, антропология идеи богоподобия человека внесла в русскую религиозно-философскую практику огромный потенциал полемической проблематики, ставшей для нее впоследствии устоявшимся и традиционным направлением познания.

Интенсивное развитие различных аспектов православной идеи богоподобия человека в русской философской и культурной традиции приходится на вторую половину XIX века. Именно в этот период философские представления о ценностной идентификации человека выходят на первый план и получают стремительное развитие, занимая центральное место не только в среде религиозно-философских мыслителей, но и выдающихся представителей русской литературы и искусства, известных общественно-политических деятелей. Благодатная почва для проявления столь характерного религиозно-философского феномена складывается в первой половине XIX века в эпоху формирования русской духовно-академической философской традиции. Особенность данного периода связана с развитием философского течения на базе духовных академий, существующих и открывшихся в начале XIX века в Санкт-Петербурге (1809), Москве (1814), Киеве (1819) и позднее в Казани (1842) в ходе всеобщей реформы духовного образования.

Развитие академической философско-антропологической проблематики

Санкт-Петербургская духовная академия, появившаяся в рамках преобразования Александро-Невской академии, задавала общий тон преподавания богословско-философских образовательных дисциплин для высшей академической школы. С 1821 года при академии начинает издаваться журнал «Христианские чтения», в нем публиковались статьи разъяснительно-назидательного характера и переводы трудов отцов Церкви.

Московская духовная академия, созданная на базе Славяно-греко-латинской академии, традиционно считалась одним из передовых учебных заведений, в том числе в области философии. Несмотря на то, что философские науки в системе ее богословского образования занимали далеко не доминирующее положение, выпускники философских кафедр нередко становились профессорами российских университетов, способствуя

процессу слияния духовно-академической и университетской философии. Примечательно, что митрополит Филарет (В.М. Дроздов), активно способствовавший продвижению религиозно-философского сознания в просвещенные слои русского общества, еще в 1818 году в стремлении профессора Московской духовной академии В.И. Кутневича «подружить философию с откровенною религиею и через исследования первой уготовить путь сей последней» [Филарет, 1885, с. 408] видел весьма положительное начинание. При академии издавался журнал «Творения Святых Отцов. Прибавления к творениям Святых Отцов», где публиковались труды в области богословских, церковно-исторических и философских наук.

Эпоха расцвета Киевской духовной академии приходится на период ректорствования архиепископа Иннокентия (Борисова) (1800–1857). Доцент Киевской духовной академии Ф. Титов, рассказывая о периоде обучения в академии Макария Булгакова, митрополита Московского и Коломенского, отмечал следующее: «С полной уверенностью можно сказать, что все лучшее в академической жизни того времени было созданием гениального ума Иннокентия. Постепенно и без насильственной ломки древних обычаев и порядков, вековых преданий и приемов он весьма многое преобразовал в Академии, возвысил ее, укрепил и значительно продвинул вперед [Титов, 2015, с. 49].

В образовательном процессе особая роль отводилась философской школе, основателем которой по праву считают профессора И.М. Скворцова. В 1830 годах в академии вводится преподавание богословских и философских наук на русском языке. Ф. Титов упоминает: «С дальновидностью истинного гения он (Иннокентий) на целое десятилетие опередил общее течение жизни, заменив в деле преподавания мертвый латинский язык живым русским простым и общепонятным словом, которое при нем впервые получило в Киевской духовной Академии права гражданства на кафедрах богословских и философских наук. Эта замена мертвой латыни живою русской речью была началом целого нового направления, нового движения в академической жизни и науке» [Титов, 2015, с. 55].

С 1837 года при академии издается журнал «Воскресное чтение», с 1860 – «Труды Киевской духовной академии».

Являясь, в отличие от западных университетов, источником живого святоотеческого учения, русская академическая богословская школа того времени оказывала всестороннее воздействие на культурную жизнь России, способствуя подъему духовного и светского просвещения. Преподавание философских наук в тот период поднялось до высокой степени совершенства, где гармония мысли и веры были поистине поразительными. Воспитав целую плеяду выдающихся философов [Питирим, 2019, с. 161], русская духовно-академическая школа несла в светские слои русского общества высокий уровень философских знаний, обозначив идеалистические традиции академической философии. Именно в духовных академиях зародилась теистическая направленность русской философии, была поставлена ее проблематика и наметились основные тенденции развития, обусловив самобытность и разнообразие философско-антропологических проявлений идеи богоподобия человека в русской религиозно-философской и культурной традиции.

Поворот к святоотеческому наследию

Потребность духовного просвещения русского общества на основе святоотеческого вероучительного и богословского опыта в начале XIX века была неизбежным и крайне необходимым явлением. Стремительно менявшиеся в эпоху формирования светской культуры представления о достоинстве человека неуклонно смещались от некогда незыблемых в религиозном сознании русского народа православных догматических традиций в пользу западного гуманизма. Утрата благоговения перед Словом Божиим и традиционной православной церковностью вела к опустошению духовного и

нравственного сознания русского светского общества. Поэтому уже в первой трети XIX века отечественные мыслители остро ощущали «болезненный разрыв внутри духовного организма национального бытия» [Куренков, 2019, с. 3]. Его отражением стало неудержимое стремление к Богоискательству, где «каждый своим, заново изобретаемым путем, стремился к Богопознанию, каждый по-своему искал Богообщения» [Дворцов, 2018], открывал свой путь к вере, Христу и спасению. «В этом смысле XIX век во многом стал поворотным для всей отечественной философии и культуры, поскольку произошел буквально "поворот" к святоотеческому наследию как источнику духовных смыслов, способному возродить и жизнь, и творчество» [Куренков, 2019, с. 3].

Представляя различные теоретические подходы и мировоззренческие взгляды, русские мыслители в поисках совершенного человеческого бытия обращались к источникам православной веры, формируя самостоятельную религиозно-философскую и культурологическую модель, характерную исключительно для русской традиции, основополагающая суть которой заключалась в единстве разума и нравственности, базирующихся на принципах святоотеческого вероучительного наследия. Благодаря этому антропологическая проблематика человека поднималась до критериев православной духовности и рассматривалась с точки зрения христианской догматики и морали, которые питали святоотеческую мысль духом единства религиозного и культурного самоопределения, раскрывали основные вопросы о миротворении, вселенной и человеке. Представления о нравственных принципах человеческого существования обогащались внутренним содержанием православной веры, выходя за рамки рациональной разумности. При этом понятие духовности в русской литературной и религиозно-философской практике обретало особое значение и гармонично вписывалось в систему основных аспектов духовно-психологического содержания православной идеи богоподобия человека, понимая под собой высшую деятельность человеческой души, устремленной к стяжанию Духа Святого, безгрешности, моральному совершенству и внутреннему преображению.

Повышенный интерес к антропологии духовного бытия человека в начале XIX века обусловлен традиционной христианской ментальностью русских мыслителей, стремящихся познать как отдельные аспекты, так и всю целостность духовного содержания человеческой природы. Исходя из того, что русская религиозная философия отличалась глубокой христоцентричностью, представления о человеке рассматривались в ней с точки зрения познания проявлений абсолютной божественной природы, определяемой мерой всех вещей. Православная концепция богоподобия воспринималась как «способность человека уподобляться Богу, приобщаться Его святости» [Богоподобие]. Данный подход опирался на то, что «природа человека, являясь только тенью сверхъестественного оригинала, не может быть постигнута из самой себя, но в своей сокровенной сущности открывается человеку Богом» [Словарь философских..., 2007, с. 59]. Соответственно, философы русской академической школы ставили перед собой цель умозрения тех совершенных свойств Абсолюта, которые по аналогии в ограниченном виде проявлялись в богообразности и богоподобию человеческой природы.

Богоподобие человека в контексте познания человеческой души

Исходя из того, что в душе человека богоподобие проявлялось яснее, чем в существах физического мира, особое внимание уделялось духовному началу человеческого естества и его воплощению в различных сферах творческой деятельности. Соотнося абсолютные божественные свойства с теми, которые могут быть сообщены человеку, Ф.А. Голубинский как один из основоположников русской академической философии дает человеческой душе следующее определение: «Душа есть ограниченная субстанция самодеятельная, невещественная, выражающая свою сообразность с Бесконечным Существом в том, что она умом своим стремится к объятию безусловной

истины и мудрости, свободною волею к достижению высочайшего блага и к выражению его в своей деятельности, чувством ищет чистого и вечного блаженства, и по продолжению бытия своего бессмертна» [Голубинский, 2006, с. 583]. Философ обращает внимание на то, что богоподобие человека раскрывается через развитие особых душевных сил [Серова, 2021, с. 146] и выделяет характерную исключительно для человеческой души особенность – способность к Богопознанию и принятию Бога. Следовательно, главная цель человеческой жизни, по мнению Ф.А. Голубинского, заключается в раскрытии тех внутренних сил и способностей, которые ведут к духовному преображению, принятию Бога и желанию жить по Его заповедям. Под силами души философ понимает познание, чувствование и желание, которым соответствуют способности: разум, сердце и воля. Все они взаимодействуют в стремлении к истинному бесконечному совершенству. «Познание служит для поиска безусловной истины и мудрости, чувствование – для высочайшей красоты, желание – для совершенной благодати и святости» [Голубинский, 2006, с. 580]. Теоретическая польза от познания души, следовательно, и самого человека, виделась философу в возможности постижения свойств Бога, так как человек создан по образу и подобию своего Создателя (Быт 1:26), «практическая польза заключалась в побуждении человека исполнять обязанности в отношении Бога, ближнего и самого себя, то есть исполнения высшего нравственного закона» [Жигалов, 2024, с. 40].

Влияние религиозно-философского опыта познания человеческой души на формирование нравственных ценностей в культурной традиции

Догматический опыт представлений о человеке как образе и подобии Божиим направлял внимание философов к вере, поскольку именно в ней содержались основополагающие духовно-нравственные и религиозные основы жизни человека. Скотникова Г.В. приводит слова И. Киреевского, который писал: «Направление философии зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о пресвятой Троице» [Скотникова, 2015, с. 336]. Вера как «важнейший феномен внутреннего, духовного мира человека, непосредственное принятие его сознанием смысла жизненных положений как высших истин, норм и ценностей, основывается на авторитете, внутреннем чувстве (интуиции), уважении к чужому опыту и традиции [Беляев, 2006, с. 11]. Исходя из этого соотношение веры, разума и знания понималось русскими мыслителями как целостное всеединство, которое образуется в результате синтеза самой веры, эмпирического познания опытной науки и отвлеченного философского мышления. Подобное знание не ограничивалось теоретическим подходом, а отвечало всем потребностям духа в удовлетворении высших стремлений человека в воле, разуме и чувстве.

Признавая веру внерациональным способом постижения истины, представители духовно-академической философии пытались выяснить специфику религиозно-философского познания, определить критерии его истинности. Опираясь на сверхопытное знание о Боге, истинными признавались совершенные свойства божественной природы, которые в ограниченном виде составляли самую суть внутреннего духовного содержания человеческой сущности. Духовные ценности, не поддающиеся рациональной обработке, но связанные со сферой эстетического и нравственного сознания (любовь, добродетель, красота, свобода, творчество), становились главным критерием разумности человеческих действий, в результате чего формировалось особое философское мировоззрение, дающее представление о целесообразности и разумности духовно-нравственных принципов жизни, построенных на святоотеческом вероучительном наследии. Таким образом, используя догматический опыт в познании божественной сущности, философы открывали для себя новое, отличное от рационалистического, направление, в котором идее богоподобия человека отводилось особое место.

Попадая в поле исканий русских философов, идея богоподобия человека раскрывалась в проблемах соборности, учении о богочеловечестве, вопросах религиозного космологизма и эсхатологизма, смыслах истории и культуры. В них духовные потенции человека были обращены к высшему религиозно-нравственному Идеалу, через спасение человеческой души к спасению всего человечества. Подобные установки синтезировали мессианские идеи об особом религиозном предназначении русского народа, несущего в себе Дух Божий и нравственные идеалы добра.

Очевидно, что практика нравственных отношений и оценочная роль моральных принципов, воплощенных в православной идее богоподобия человека, нацеливала русских мыслителей по-иному взглянуть на мир человеческих отношений и перспективы его развития. Религиозно-философский опыт побудил многих осознать приоритет православного вероучения, что заметно отразилось на творчестве мыслителей, обращавшихся к метафизическим проблемам человеческого и культурно-исторического бытия. При этом проблематика познания человеческой души не превратилась в чисто академическую теорию, доступную узкому кругу мыслителей, а нашла свое воплощение в произведениях русской литературы и публицистике, став доступной широкой общественности, тем самым обозначив в русской культурной традиции особую систему духовных ценностей в контексте главного целеполагания – исполнения человеком высшего нравственного закона.

Заключение

Таким образом, православная идея богоподобия человека занимала особое место в системе религиозно-философского познания русской академической философии и оказывала значительное влияние на развитие антропологического опыта в культурной традиции. Развитие академической теистической направленности обусловило самобытность и разнообразие философско-антропологического познания идеи богоподобия человека, основополагающая суть которого заключалась в единстве разума и нравственности, базирующихся на принципах святоотеческого вероучительного наследия. Воплощаясь в проблематике духовного содержания человеческого естества, идея богоподобия человека не отступала от положений догматического богословия, тем самым не ограничивалась изложением нравственных умозаключений, а несла в себе цель возвышения природы человека до соединения с природой Божественной, ее богоуподобления. Благодаря этому антропологическая проблематика человека в русской традиции поднималась до критериев православной духовности, в результате чего формировалось особое философское мировоззрение, дающее представление о целесообразности и разумности духовно-нравственных принципов жизни, построенных на идеях православного вероучительного наследия.

Список литературы

- Беляев И.А. 2006. Русская философия: терминологический словарь / И.А. Беляев. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 26 с.
- Богоподобие. Церковный словарь: А-В URL: http://kashin.ortox.ru/pravoslavnoe_khristianstvo/view/id/1164702 (дата обращения: 10 февраля 2025).
- Голубинский Ф. А. 2006. Лекции по философии, умозрительному богословию, умозрительной психологии. СПб., С. 583.
- Дворцов В. 2018. Русская литература в свете богословской традиции URL: <https://pokrov.pro/russkaja-literatura-v-svete-bogoslovs/> (дата обращения: 13 марта 2025).
- Жигалов М.И. 2024. Происхождение и жизнь человеческой души в воззрениях протоиерея Феодора Голубинского. *Ипатьевский вестник*, 2(26): 30-49.
- Буткевич Т.И. свящ. 1887. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ. Санкт-Петербург : И.Л. Тузов, 422 с.
- Куренков А.С. 2019. Святоотеческий опыт в русской культуре и философии XIX века. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 26 с.

- Серова О.Е. 2021. Бытие духовной природы души как предмет умозрительной психологии профессора Ф.А. Голубинского. *Тенденции развития науки и образования*, 75-2: 146-152. DOI: 10.18411/lj-04-2021-213.
- Скотникова Г.В. 2015. И. В. Киреевский о духовном корне русского философского сознания. *Русич*, 4 (42): 334-343. DOI: 10.17223/18572685/42/22.
- Словарь философских терминов. 2007. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, с. 59-60.
- Титов Ф.И. 2015. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломинский: историко-биографический очерк: в 3 Т. – Т. 1: Годы детства, образования и духовно-училищной службы м. Макария (1816-1857). – М.: Белянка: Летопись: 496 с.
- Филарет, митрополит Московский [Дроздов В.М.] 1885. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. : в 5 т. СПб. : Синодальная типография, Т. 1. 531 с.

References

- Belyaev I.A. 2006. Russian Philosophy: a Terminological Dictionary / I.A. Belyaev. Orenburg: GO OSU, 26 p.
- Godlike. Church Dictionary: A-B. URL: [http://kashin.ortox.ru/pravoslavnoe_khristianstvo /view/id/1164702](http://kashin.ortox.ru/pravoslavnoe_khristianstvo/view/id/1164702) (accessed: 10 February 2025).
- Golubinsky F. A. 2006. Lectures on philosophy, speculative theology, and speculative psychology. St. Petersburg, 583 p.
- Dvortsov V. 2018. Russian literature in the light of the Theological tradition URL: <https://pokrov.pro/russkaja-literatura-v-svete-bogoslovs/> (accessed: 13 March 2025).
- Zhigalov M.I. 2024. The origin and life of the human soul in the views of Archpriest Theodore Golubinsky. *Ipatievsky Bulletin*, 2(26): 30-49. DOI: 10.24412/2309-5164-2024-2-30-49.
- Butkevich T.I. sacred. 1887. Innokenty Borisov, former Archbishop / [Op.] the Holy of T. Butkevich. St. Petersburg : I.L. Tuzov, 422 p.
- Kurenkov A.S. 2019. Patristic experience in Russian culture and philosophy of the 19th century. Abstract of the dissertation ... PhD in Philology. sciences'. Belgorod, 26 p.
- Serova O.E. 2021. The existence of the spiritual nature of the soul as a subject of speculative psychology by Professor F.A. Golubinsky. *Trends in the Development of Science and Education*, 75-2: 146-152. DOI: 10.18411/lj-04-2021-213.
- Skotnikova G.V. 2015. I. V. Kireevsky on the spiritual root of Russian philosophical consciousness. *Rusich*, 4 (42): 334-343. DOI: 10.17223/18572685/42/22.
- Dictionary of philosophical terms. 2007. Scientific editorial office of Professor V.G. Kuznetsov. M., INFRA-M, 59-60 p.
- Titov F.I. 2015. Makariy (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolominsky: a historical and biographical essay: in 3 Volumes – Vol. 1: The years of childhood, education and spiritual school service of M. Macarius (1816-1857). – Repr. Ed. With an addendum. On the 200th anniversary of the birth of Metropolitan Macarius (Bulgakov) / K.G. Karkov's publication. Moscow: Belyanka: Chronicle: 496 p.
- Filaret Metropolitan of Moscow [Drozdov] V.M. 1885. A collection of opinions and reviews by Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and church-state issues. in 5 volumes, St. Petersburg : Synodal Printing House, vol. 1. 531 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025

Revised June 04, 2025

Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Александр Александрович, аспирант кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Popov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vasily V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2; 808.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-641-646
EDN VLVUUK

Автор в узоре метафорических связей

Егоров Н.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Со второй половины XX века проблема автора заняла одно из центральных мест в философском и гуманитарном знании. Однако не все аспекты этой проблемы заметны в современных академических публикациях. Нуждается в дополнительном изучении метафорическое содержание фигуры автора, уточняющее представление о месте творческого субъекта в ценностно-смысловом ландшафте культурной действительности. Под метафорической связью автором понимается перенос значений, при котором одно явление приобретает образную соотнесенность с другим. Двумя важнейшими типами метафор, определяющими фигуру автора, следует считать «божественные» и генеалогические. Оба типа метафор применяются в европейской словесности с античных времен. Традиционная, взаимная метафора, связывающая земного и небесного Творца, легитимизирует представление о божественной природе выдающихся творческих достижений. Генеалогические метафоры, во-первых, указывают на конфигурацию деятельно-патерналистских отношений автор – текст; во-вторых, понуждают мыслить творчество как лично-интимный процесс. Оба типа метафор могут выступать маркерами изменений конвенций осмысления фигуры автора в культурно-исторической динамике.

Ключевые слова: автор, автор в культуре, автор-человек, метафорика автора, «божественная» метафора автора, генеалогическая метафора автора

Для цитирования: Егоров Н.С. 2025. Автор в узоре метафорических связей. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 641–646. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-641-646. EDN: VLVUUK

The Author in a Pattern of Metaphorical Connections

Nikita S. Egorov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

jivaturik@yandex.ru

Abstract. Since the second half of the 20th century, the author issue has been among the key ones in philosophical and humanitarian knowledge. However, not all aspects of this problem are visible in modern academic publications. The metaphorical content of the author's figure needs additional study, clarifying the idea of his or her place in the value-semantic landscape of cultural reality. In the article, a metaphorical connection is understood as a transfer of meanings in which one phenomenon acquires a figurative correlation with another. The “divine” and genealogical metaphors are the two most important types that define the author's figure. Both types of metaphors have been used in European literature since ancient times. The traditional, mutual metaphor connecting the earthly and heavenly Creator legitimizes

the idea of the divine nature of outstanding creative achievements. Genealogical metaphors indicate the configuration of the activity-paternalistic relationship between the author and the text and force us to think of creativity as a personally intimate process. Both types of metaphors can act as markers of changes in the conventions of understanding the author's figure in cultural and historical dynamics.

Keywords: author, author in culture, human author, author's metaphor, author's "divine" metaphor, author's genealogical metaphor

For citation: Egorov N.S. 2025. The Author in a Pattern of Metaphorical Connections. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 641–646 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-641-646. EDN: VLVUUK

Введение

Фигура автора, вышедшая на авансцену философской и гуманитарной мысли во второй половине XX века, известна по работам критиков субъектного подхода к тексту. «Смерть автора», провозглашенная Р. Бартом, – смерть текстуальная. При этом необходимо добавить, что проблема автора отнюдь не исчерпывается отношением автор – текст, то есть вопросами целесообразности восприятия автора как точки смыслопорождения текста. Проблема автора имеет также заметное биографическое, антропологическое, социальное, политическое и другие измерения.

Особую популярность за пределами академической сферы приобрело биографическое измерение автора. В подтверждение этому приведем лауреатов премии «Большая книга» за лучшее прозаическое произведение на русском языке. В 2005–2006 гг. на первом месте оказалась биография «Борис Пастернак» (Д.Л. Быков); в 2006–2007 гг. – второе место у биографии «Алексей Толстой» (А.Н. Варламов); в 2007–2008 гг. – второе место у биографии «Александр Солженицын» (Л.И. Сараскина); в 2009–2010 гг. – первое место у биографического исследования «Лев Толстой. Бегство из рая» (П.В. Басинский). В последующие годы премии заслужили произведения о В.П. Аксенове, Л.Н. Гумилеве, В.В. Ерофееве, Н.Н. Лескове, В.В. Розанове. В 2022–2023 гг. – первое место у книги «Шолохов. Незаконный» (З. Прилепин). Отмечая оглушительную популярность биографически портретированного автора-человека у современно читателя, мы констатируем, что академические публикации об авторе зачастую все еще сообщают о жизни и смерти текстуальной инстанции.

Исторический и духовный фон авторской деятельности также не получает достаточного внимания как часть общей проблематики авторства. В нашем диссертационном исследовании [Егоров, 2024] мы предприняли попытку реконструкции ценностных значений и культурных коннотаций авторства в рамках культурно-исторической периодизации. Однако некоторые аспекты функционирования автора в культуре не были в достаточной мере раскрыты в диссертационном тексте. Отельный исследовательский интерес вызывает метафорика автора, понимаемая не только как филологическое, но и как культурное явление.

Автор в качестве персонажа культуры находится в системе устойчивых метафорических связей, которые уточняют наше представление о месте творческого субъекта в ценностно-смысловом ландшафте культурной действительности. Известный философский и общегуманитарный вопрос XX века, сформулированный М. Фуко, – «Что такое автор?» – имел множество имплицитных ответов, предлагаемых античной, средневековой и новоевропейской культурой. Постигание этих ответов возможно посредством установления набора ассоциаций, образующих твердые, традиционные метафорические связи. Под метафорической связью мы будем понимать перенос значений, при котором одно явление приобретает образную соотнесенность с другим. В отличие от известных этимологических связей «автора», которые демонстрируется во множестве классических и современных исследований («актор», «авторитет» и т. д.),

метафорическим связям, как и всей культурной контекстуальности, уделяется незаслуженно малое внимание.

Итак, какие заемные значения приобретала и через что характеризовалась авторская деятельность?

«Божественная» метафорика авторства

Выдающейся творческие способности с античных времен описывались с помощью религиозных лексем. Так, римляне использовали формы прилагательного *divino* (лат. «божественный») как эпитет, предназначенный для восхваления великих ораторов и поэтов (предков и современников). Для итальянского Ренессанса это слово стало обычным синонимом «гениальности» [Аверинцев, 1996а, с. 128]. С.С. Аверинцев отметил, что еще при жизни Микеланджело «божественный» применялось в его отношении столь часто, что дало повод для каламбура: «Если Вы "божественный" (*divino* = *di vino* = "винный"), то и я не "водяной" (*d'acqua*)» [Аверинцев, 1996б, с. 355]. Немало «божественных» авторов, включая Микеланджело, мы обнаружим в знаменитом труде Дж. Вазари [Вазари, 2008].

Высказывания ближайших современников и потомков о «божественных» авторах нельзя назвать спонтанными. Частота и устойчивость такого словоупотребления свидетельствует о высокой степени универсальности метафоры, связывающей божественный функционал с земным авторством. При этом стоит обратить внимание на взаимность символического соотнесения: человек творящий уподобляется Богу и богам, а Создатель уподобляется автору-человеку в антропоморфной деятельно-творческой специфике. Так, в масонской литературе, у католических и протестантских богословов мы встречаем метафору Архитектора / Великого Архитектора. У Дж. Вазари Бог – «Зодчий времени и природы...» [Вазари, 2008, с. 62]; у Иоанна Дамаскина – Художник [Иоанн Дамаскин, 2011, с. 76].

Метафорическая связь земного и небесного творчества, безусловно, имеет культурно-исторический колорит. Если в Античности в честь Гомера могли возвести храм, доводя метафору автора-полубога до буквального соотнесения смыслов, то в рамках христианской культуры последующих веков очевидна условность сравнения. С одной стороны, способность к творчеству – богоподобная черта человека; с другой стороны, ни один земной автор в качестве конкретной биографически данной единицы не может быть отождествлен с Богом. Акты человеческого творчества отсылают к божественному первотворению, но это сопоставление имеет свою меру.

Генеалогическая метафорика автора

Родственная связь автора и произведения осмыслялась в европейской словесности, начиная с античных времен. Так, по мнению платоновского Сократа, произведение «нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе» [Платон, 2007, с. 223]. Сочинение, дитя, нуждается в сопровождении и защите. В этом представлении можно усмотреть не только «генеалогию», но и вытекающее из нее деятельно-патерналистское отношение тексту, столь далекое от структуралистских и постструктуралистских представлений о самоценной текстуальной реальности. Тем удивительней, что Р. Барт вновь обращался к метафоре отцовства, применяя ее к двум различным, по его мнению, сущностям. Признавая отцовство над произведением (произведение, по Барту, всего лишь вещественный фрагмент) как сложившуюся (прежде всего правовую) реальность, он отказывается признавать генеалогию текста: «Что же касается Текста, то в нем нет записи об Отцовстве» [Барт, 1994, с. 419]. Следом Р. Барт пишет, что воля отца, касающаяся текста, не должна приниматься в расчет. Таким образом, элиминируется семантика отцовства, заложенная в фигуру автора на заре европейской культуры.

Интересно, что генеалогическая метафорика автора, отвергнутая антисубъективистской критикой вместе с идеей нерасторжимой «родственной» связи автора и текста, раскрывается нам не только в виде патерналистских отношений отец – дитя. Русская словесность дает нам примеры иных, более редких и менее очевидных родственных метафор. Так, А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» дважды представляет персонажа Буянова в качестве родственника рассказчика:

Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком) [Пушкин, 2019, с. 149];
Буянов, братец мой задорный... [Пушкин, 2019, с. 159]

В этих строках иронично указывается на боковое родство: Буянова, главного героя поэмы «Опасный сосед», произвел на свет дядя А.С. Пушкина, В.Л. Пушкин. Таким образом, литературное дитя В.Л. Пушкина приходится реальному племяннику (А.С. Пушкину) «двоюродным братом».

Приведенный пример художественно-биографического родства, отраженного в произведении, дает очередной повод задуматься о некритичном применении терминов «повествователь», «рассказчик», «лирический герой», отделенных от личного, жизненного содержания фигуры автора. Очевидный намек А.С. Пушкина на своего реального дядю и дядино «сына», Буянова, подчеркивает условность, прозрачность границы между автором и текстовыми авторскими инстанциями. А в контексте генеалогической метафорики этот же пример демонстрирует безграничность семейной образности. В подтверждение этому приведем еще один пример, где авторская деятельность раскрывается уже через метафору материнства.

А.М. Кутузов, известный русский масон, близкий друг А.Н. Радищева, так описывал муки авторского творчества и сложности публикации: «Окончив курьерскую мою поездку, возвратился в мое отечество весьма уже незадолго пред разрешением от авторской моей беременности <...> быть принужденному носить несносное бремя и не иметь надежды разродиться скоро» [Барсков, 1915, с. 72]. Далее А.М. Кутузов радуется, что Н.Н. Трубецкой обещает стараться о чужих «детях» (текстах), как о своих собственных [Барсков, 1915, с. 73].

Стоит заметить, что метафора материнства раскрывается тут не в виде гендерной соотнесенности с автором. Так, А.К. Дойла называют отцом Шерлока Холмса, а А. Кристи – матерью Эркюля Пуаро. Метафора А.М. Кутузова более содержательна (несмотря на общую повествовательную ироничность) – она выводит нас к осмыслению авторства в качестве миссии, сравнимой по тяжести с материнским бременем.

Приведенная метафора в различных вариациях может быть продуктивна и в сегодняшних реалиях. К примеру, современная практика суррогатного материнства сравнима с текстуальной практикой «призрачного» авторства. Писателями-призраками называют наемных работников, создающих текст от имени известной личности. Литературные работники, профессионально вынашивающие чужое «дитя», могут быть рассматриваемы как суррогатные матери в логике генеалогической метафорики авторства.

Заключение

Поиск образных связей может выходить на бескрайние горизонты. Существует целый пласт общеупотребительных метафор, указывающих на особую роль автора в социокультурной жизни прошлого и настоящего: «голос эпохи», «зеркало эпохи», «совесть эпохи», «певец народа», «властитель дум» и т. д. Есть также ряд устойчивых комплементарных метафор, касающихся литературного таланта: «золотое перо», «художник слова», «ювелир слова» и т. д. Следует отметить и межавторскую метафорику. На уровне отдельных персоналий образная соотнесенность авторов уже нашла своих исследователей. Литературные параллели, фиксируемые в словосочетаниях «римский

Гомер» (Вергилий) или «новый Гоголь» (Ф.М. Достоевский), вполне изучены. Сходство культурного статуса, тематическое или стилистическое сходство «русских Байронов» (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова) с самим Дж.Г. Байроном очевидно. Нам лишь остается указать на повсеместное распространение подобных «мостов» в архитектуре культурной памяти.

Учитывая бескрайнее многообразие метафор, сообщающих нам о различных гранях творческого позиционирования автора, мы тем не менее считаем принципиально важными для постижения фигуры автора в культурно-исторической динамике два типа метафор: «божественные» и генеалогические. «Божественные» метафоры выводят нас на мифо-религиозные ценностно-смысловые параллели. Как и Творец, земной автор дает начало, создает, основывает, учреждает, вкладывает, воплощает. Акты человеческого творчества отсылают к божественному первотворению, организации хаоса в космос. Человек создающий выходит за естественные пределы своего бытия в область божественной трансценденции [Саенко, 2010]. Неслучайно творческое постижение в мировой культуре обозначается вертикалью, восхождением, требующим духовно-нравственного усилия [Кораблев, 2006, с. 115]. Традиционная, взаимная метафора, связывающая земного и небесного Творца, не просто характеризует отдельную личность, но и легитимизирует представление о божественной природе выдающихся творческих достижений.

Генеалогические метафоры раскрывают иные аспекты фигуры автора. В первую очередь, они определяют властные отношения, существующие между автором и плодом его творчества. Произведение не отчуждаемо, оно принадлежит автору «по праву рождения». Авторская миссия уподобляется родительской (забота о судьбе произведения и прямая, «родительская», ответственность за его содержание). Кроме того, генеалогические метафоры понуждают нас мыслить творчество как лично-интимный процесс, предполагающий не только конфигурацию власти, но и родительскую любовь к произведению.

Употребление «божественных» и генеалогических метафор симптоматично. Неслучайно обилие первых в ренессансной словесности, также как неслучайно опровержение вторых в рамках антисубъективистской критики. Оба типа метафор способны отражать фундаментальные представления эпохи о месте автора в текстовой и вне-текстовой реальности. Эволюция этих метафор может считаться маркером изменений в конвенциях осмысления фигуры автора.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1996. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., Языки русской культуры, 448 с.
- Барсков Я.Л. 1915. Переписка московских масонов XVIII-го века, 1780-1792 гг. Петроград, Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 335 с.
- Барт Р. 1994. От произведения к тексту. В. кн.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Прогрес: 413-423.
- Вазари Дж. 2008. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., Альфа-книга, 1278 с.
- Егоров Н.С. 2024. Автор в культурно-историческом дискурсе. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 24 с.
- Иоанн Дамаскин. 2011. Точное изложение православной веры. М., Изд-во Сретенского монастыря, 591 с.
- Кораблев А.А. 2006. Автор как человек. В кн.: Литературоведческий сборник, 25. Донецк, ДонНУ: 110–123.
- Платон. 2019. Федр. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та: 163-228.
- Пушкин А.С. 2019. Евгений Онегин. М., Эксмо, 320 с.
- Саенко Н.Р. 2010. Творение ex nihilo как образец чистого творчества. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 2: 102-111.

References

- Averintsev S.S. 1996. Antichnaya ritorika i sud'by antichnogo ratsionalizma [Ancient rhetoric and the fate of Ancient Rationalism]. In: Averintsev S.S. Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow, Publ. Yazyki russkoi kul'tury: 115-145.
- Averintsev S.S. 1996. Antichnyi ritoricheskii ideal i kul'tura Vozrozhdeniya [The Ancient Rhetorical Ideal and Renaissance Culture]. In: Averintsev S.S. Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow, Publ. Yazyki russkoi kul'tury: 347-364.
- Barskov Ya.L. 1915. Perepiska moskovskikh masonov XVIII-go veka, 1780-1792 gg. [Correspondence of the Moscow Masons of the XVIII century, 1780-1792.]. Petrograd, Publ. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad. nauk, 335 p.
- Bart R. 1994. Ot proizvedeniya k tekstu [From the work to the text]. In: Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Publ. Progres: 413-423.
- Vazari Dzh. 2008. Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelei i zodchikh [Biographies of the most famous painters, sculptors and architects]. Moscow, Publ. Al'fa-kniga, 1278 p.
- Egorov N.S. 2024. Avtor v kul'turno-istoricheskom diskurse [The author in cultural and historical discourse] Abstract. dis. ... cand. philos. sciences. Rostov-on-Don, 24 p.
- Ioann Damaskin. 2011. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very [An accurate statement of the Orthodox faith]. Moscow, Publ. Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 591 p.
- Korablev A.A. 2006. Avtor kak chelovek [The author as a person]. In: Literaturovedcheskii sbornik [Literary collection], 25. Donetsk, Publ. DonNU: 110–123.
- Plato. 2019. Fedr [Phaedrus]. In: Plato. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. 2. [Collected works in four volumes. Volume 2]. Edited by A.F. Losev, V.F. Asmus. Saint Petersburg, Publ. S.-Peterb. un-ta: 163-228.
- Pushkin A.S. 2019. Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. Moscow, Publ. Eksmo, 320 p.
- Saenko N.R. 2010. Tvorenie ex nihilo kak obrazets chistogo tvorchestva [Ex nihilo creation as an example of pure creativity]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, 2: 102-111.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Revised August 24, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Никита Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Egorov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer in Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-647-656
EDN XOGBWM

Экстаз комоса: нонсенс, парадокс, абсурд

Пигулевский В.О. , Мирская Л.А.

Южно-Российский гуманитарный институт
Россия, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108
lymirskaya@eandex.ru

Аннотация. Комическое рассматривается как игра ума, сопряженная с дионисийским восторгом. Нонсенс, парадокс и абсурд выступают в качестве рациональной стороны комического, являющейся механизмом пробуждения эмоций, смеха. Представляется, что нонсенс функционирует в области логики и риторики как нечто изумительное, требующее смысла. Парадокс – сфера онтологии, этики и общения, имеет трагическую и комическую сторону, исторически проистекающую из дионисийства. Комический парадокс возникает как способ вытеснения смерти, тягот и скуки обыденной жизни, сопровождая шутовство и карнавальную культуру. Абсурд затрагивает духовные ценности, в аксиологическом плане становится трансгрессией повседневной рутины и бремени бытия. Рациональные аспекты комического как игра мысли и игра слов становятся способом избавления от тягот бытия, вытеснения страхов, игрой жизненных сил танцующего тела.

Ключевые слова: комическое, смех, черный юмор, карнавал, дионисии, экстаз, смысл, игра ума

Для цитирования: Пигулевский В.О., Мирская Л.А. 2025. Экстаз комоса: нонсенс, парадокс, абсурд. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 647–656. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-647-656. EDN: XOGBWM

The Ecstasy of Komos: Nonsense, Paradox, Absurdity

Victor O. Pigulevskiy , Lyudmila A. Mirskaya

South-Russian Humanitarian Institute
108 Krasnoarmeiskaya St, Rostov-on-Don 344082, Russian Federation
lymirskaya@eandex.ru

Abstract. The comic is perceived as a game of the mind coupled with Dionysian delight. Nonsense, paradox, and absurdity act as the rational side of the comic, which is a mechanism for awakening emotions and inducing laughter. Nonsense appears to function in the field of logic and rhetoric as something amazing that requires meaning. Paradox, which falls into the sphere of ontology, ethics and communication, has a tragic and comic side, historically stemming from Dionysianism. The comic paradox arises as a way of displacing death, the hardships and boredom of everyday life, accompanying buffoonery and carnival culture. Absurdity affects spiritual values. Axiologically, it becomes a transgression of everyday routine and the burden of being. The rational aspects of the comic, such as the play of thought and the play of words, become a way to escape life troubles and displace fears, being a play of the vital forces of the dancing body.

Keywords: comic, laughter, black humor, carnival, Dionysia, ecstasy, meaning, mind game

For citation: Pigulevskiy V.O., Mirskaya L.A. 2025. The Ecstasy of Komos: Nonsense, Paradox, Absurdity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 647–656 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-647-656. EDN: XOGBWM

*Представьте себе танец, подлинный танец,
изобретенный восхищенным умом, в котором все,
что зовётся на вашем языке «сценой», будет лишь
фрагментами и фигурами этого танца,
а весь мир скроется под маской и будет танцевать
безудержно и необузданно, превращая весь груз
жизненных невзгод... в бурный круговорот, дерзость
из дерзостей, облагороженную неописуемым
одушевлением*

Гуго фон Гофмансталь

Комическое является наиболее сложной проблемой эстетики. Существует много форм его выражения – как словесных, так и пластических. Это юмор, ирония, сатира, пародия, пантомима, буффонада, бурлеск, карикатура, шарж. Регистр эмоций, манифестирующих комический эффект – от хохота и смеха до грусти и печали, от ликования до смеха сквозь слезы, от добродушной улыбки до демонической чувственности слишком широк. «Если спросить себя, знаем ли мы, собственно говоря, что такое смех, отчего мы смеемся и что можно назвать смешным, то мы должны признать, что объяснить этого мы не можем» [Пропп, 1999, с.13].

Не претендуя на полное и окончательное решение проблемы комического, хотелось бы обратить внимание на игру воображения и рассудка (Кант) «жизни сердца» и «игры ума» с эффектом комического. Кантовское определение комического как «аффекта от внезапного разрешения напряженного ожидания в ничто», редукции к нелепости, заставляет внимательнее присмотреться к понятиям «нонсенс», «парадокс» и «абсурд». Если рассматривать данные понятия внутри текста или гипертекста культуры как языковую игру, то термины оказываются сближены, в результате чего с позиции лингвистического, семиотического или постструктуралистского подходов приходится постоянно искать их специфику. Можно предположить, что нонсенс, парадокс и абсурд в системе мышления и общения в определенных социокультурных условиях «работают» в разных аспектах, поскольку личность вовлечена в систему разнородных культурных связей. Представляется, что избранные формы коммуникации, порожденные игрой воображения и рассудка, генерирующие эффект комического, разнородны качественно и функционально, то есть лежат в разных плоскостях нашей жизни и общения. Описание этой разнородности является целью данного исследования

Non-sense – алогизм или логическая ошибка, сочетание несочетаемого, нелепость, в которой буквально нет смысла. В живой речи или тексте *non-sense* реализуется как сочетание слов с противоположным, взаимоисключающим значением. Алогизмом, выраженным посредством языка, может быть оксюморон, катахреза или дефектная метафора. Остроумное сопоставление противоречивых понятий, поэтическая бессмыслица, или оксюморон, является стилистической ошибкой, которая в определенном контексте чревата эффектом комического. Нонсенс функционирует как интеллектуальная игра. Она выражена посредством речи или текста – несуразица, бессмысленная фраза, вызывающая удивление.

Нонсенс демонстрирует отсутствие общезначимого и здравого смысла, как, впрочем, и смысла аллегорического и метафорического. Нонсенс – попытка поставить привычное значение под сомнение, но не ради противоположного смысла или «нулевой степени смысла», а в качестве ненадежной отсроченности смысла, нехватки смысла, «этого недостаточно...» [Барт, 1994, с. 288–289]. Однако если и происходит нигилирование централизованного рационального значения, то открывается возможность дарования смысла из глубины бессознательного в некоем хитросплетении и переходах, в ризоме, что выглядит как «изумительное» [Делез, 1995]. В результате ввода рассудка в апории и эмоционального «взрыва» «бессмысленное» не достигается, а открываются возможности

плюрального означивания (Ж. Делез). Оппозиция истина/ложь не работает, происходит разрушение условных границ и проникновение «в раздоры конвульсивной жизни, ограничений, в ночи патологического творчества, изменяющего тела» [Делез, 1995, с. 117]. Телесно эффект комического выражается как конвульсивное содрогание или мимика, смех, вскрик, улыбка, удивление или смущение.

Нонсенс может потенцировать комический эффект только в конкретном контексте, рассчитанном на определенного реципиента. Основой для взаимопонимания служит схожий жизненный опыт и социокультурная ситуация. В случае со сказкой Льюиса Кэрролла первостепенное значение имеет ориентация на ребенка. В отличие от взрослого, у ребенка отсутствует опыт целесообразности и здравый смысл, который «режет» реальность на действительное и фантастическое, отбрасывая последнее как несущественное, как то, чего «не бывает». Суть нонсенса Кэрролла усматривается в детской наивности, в умении взглянуть на мир «свежим» взглядом ребенка (В. Вулф). Если для ребенка сфера возможного и допустимого гораздо шире, чем у разумного взрослого, то чем можно рассмешить ребенка? Такие строки как «Вот летают бегемоты / Над журчащим ручейком...» (Тим Собакин) перестают быть чушью, как только допускается их существование в поэтической реальности. Комические стихи вполне понятны ребенку, который легко втягивается в игру, а, игра всегда несет удивление и радость.

Нарушение привычного положения вещей как раз и создает нонсенс, имеющий свой собственный смысл. Нонсенс вызывает эффекты: *лингвистический, фонетический и оптический* [Делез, 1995, с. 102]. Это игра слов и вещей, двусмысленности, слова-бумажники, перестановки букв в словах, фонетическая игра и такие способы приведения к комическому эффекту, как принцип кривого зеркала, моделирование чего-то неизвестного, игра с вещами, подобная сновидению [Колонезе, 2007]. Понятно, что мир Кэрролла – текучий лингвистический универсум, в котором существуют эзотерические слова Snark (shark + snake – акула + змея), Jubberwocky (wocet – потомок, плод, jabber – возбужденный спор), aliquid – *это* в истории Мыши, *вещица* в лавке Овцы, *рефрен* песни Садовника. Тут же подвижная языковая игра, где меняются правила, где мячи – ежики, клюшки – фламинго, а солдаты-ворота постоянно перемещаются по полю; такую игру можно помыслить только как нонсенс [Делез, 1995, с. 89]. Все здесь случается спонтанно, никак не детерминируется и ничем не завершается. Например, чудесный сад, который оказывается царством хаоса и произвола. В саду происходят встречи с Герцогиней, Грифоном и Черепахой Квази, суд над Валетом и пробуждение, или лес, где вообще утрачиваются имена. Это работа воображения, которое, контрастируя с разумом, вызывает недоумение и удивление, сменяющиеся улыбкой. Фонетический эффект возникает, например, в разговоре Алисы с Мышью при артикуляции неправильных слов, заикании, вскриках, оплошностях речи.

Что касается оптического эффекта нонсенса, то складывается целая традиция иллюстрации, в которой чудесное, изумительное и удивительное передается с помощью графических приемов коллажа, гротеска или пластических метафор. Динамичные сцены, когда кого-то пинают, лупят, обзывают, срамят, грозят оттяпать голову и что-то швыряют, кидают – прекрасные мотивы для рисунков, которые иллюстрируют сказки. Самые распространенные сценки для иллюстраций – это падение Алисы, улыбка без Чеширского Кота, море слез, морская кадрили, безумное чаепитие, Бармаглот, совет гусеницы, Дом карт из Зазеркалья, Красная Королева и др. Порой художник воспринимает книгу в ключе «визионерского ощущения бытия, как сновидение» (Г. Калиновский). Однако игра слов становится проблемой для визуализации. Многие эпизоды и персонажи порождены шутками и каламбурами, с трудом переводимыми с английского на другой язык. Таковы лингвистические конструкции Мартовский Заяц, Чеширский Кот, Безумный Шляпник [Демурова, 1991, с. 304, 320]. Проблема заключается в транспонировании литературных

имен, названий и поговорок в визуальный ряд, что само по себе чревато шуткой. Скажем, как должны выглядеть персонажи, имена которых Шалтай-Болтай, Труляля и Траляля, Додо, зазеркальные насекомые? Инверсии и каламбуры – существенная черта Зазеркалья, для передачи которой порой требуются колаажи или серия иллюстраций.

Нонсенс – является ли отсутствием смысла или своим собственным смыслом – остается «слепым пятном» и в этом качестве становится требованием смысла, запуская работу бессознательного. Однако смысл как диффузное образование тематизируется лишь контекстом и ориентацией на реципиента (ребенок, здравомыслящий человек, философ), и эта конкретизация становится комическим зазором между удивляющим бессмысленным (нонсенсом) и событием, кажущимся случайным.

Парадокс и смех. Парадокс – нелепое действие, событие или странное высказывание, противоречащее здравому смыслу или сложившемуся положению дел. В узком смысле – это высказывание, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным. Нелогичное высказывание, противоречащее здравому смыслу, вызывает удивление, но при внимательном рассмотрении с особой точки зрения обнажает истину, снимающую противоречие. Парадокс – это метаморфоза смысла.

Нонсенс, развертываемый посредством дискурса, легко переходит в парадокс. Примером комического парадокса как перехода смысла может быть фильм Марка Захарова «Обыкновенное чудо» (1979). Исходная установка задается Волшебником: «Я так люблю свою жену, что решил сочинить для нее сказку». Далее рассказ развертывается по логике Волшебника, согласно которой юноша, влюбившись в принцессу, должен превратиться в медведя. Шутки и развлечения не умаляют серьезности угрозы, от которой прячется герой. И только тогда, когда чувства юноши и девушки достигают такого накала, что становятся возвышенными, он целует принцессу и отменяется замысел Волшебника – чудо, которое обыкновенное. Речь идет не просто о любви, а о возвышенной любви, являющейся чем-то чрезмерным в обыденной жизни. Она делает невозможное возможным. Комическое здесь выступает как осмеяние обыденного, как «возвышенное наоборот» (Жан Поль). Значит, с точки зрения «логики чувств», нонсенс трансформируется в парадокс, который раскрывается как событие и сила возвышенной любви.

По отношению к экзистенциальному парадоксу комическое становится подрывом повседневной рассудочности и вытеснением страха (Angst). Как онтологическое движение комическое проявляется как некая театральность, олицетворяющая «движение духа над бездной» с эффектом *hedone* [Маковецкий, 2004].

Исторически смех, по-видимому, возникает как способ защитной девальвации страшного и ужасного: «Возможно, антропогенез смеха и комизма связан с состояниями экстатической истерии архаического человека и древнейшими сублимациями ужаса» [Исупов, 2021, с. 257]. Страх небытия человека, который вытесняется ритуальным смехом, впоследствии трансформируется в дионисии, а позднее – в смеховую карнавальную культуру. Гибель Диониса разыгрывается как трагедия, страдание, а его возрождение как радость, ликование. Дионис выходит из подземного мира, влекомый запахом вина, в атмосфере эротики, в присутствии призраков и Гермеса, что сопровождается криками: «Прочь вы, Керы (богини несчастья и смерти), Анфестерии закончились» [Кереньи, 2007, с. 192]. Название комедии, *Κόμοζ* — песнь комоса, древняя форма чествования бога вина мужчинами, которые пели и танцевали, не соблюдая строгого ритуала. В упоении танца и легкости исполняемых остроумных фраз в *экстазе комоса*, пробуждается смех, сметающий все на своем пути [Кереньи, 2007]. Обмен ролями и смешение представлений во время празднества, бессвязность и пестрота как форма дионисийского бытия рождает «сатирову комедию» [Кереньи, 2012].

В средние века дионисийство сменяется карнавалом и праздниками дураков. В истоках карнавальской комедии с ее бурлескными ситуациями лежит сезонный цикл,

извечная борьба жизни и смерти. Помимо страха смерти, ликующий смех очищает от религиозного догматизма, светской условности, окостенелости нравов, фанатизма и категоричности, дидактизма, наивности и иллюзий, дурной однозначности, глупой истошности и чванства. Мотивы карнавала – это инверсия гендерных ролей, осмеяние сословий, профессий, куртуазного этикета и религиозно-аскетической жизни [Даркевич, 2022]. В центре карнавала – механизм инверсии бинарных оппозиций, постоянное перемещение верха и низа, лица и зада, мужского и женского, жизни и смерти, вместо благочестивых слов – сквернословие и площадная брань [Бахтин, 2021, с. 16].

Парадокс в карнавальной культуре выступает как лишенное здравого смысла, эксцентричное поведение персонажа в маске с его грубыми фантазиями, метаморфозами и обсцентными шутками. Шут живет в состоянии парадокса, поскольку постоянно кривляется и говорит серьезные вещи под видом глупости. Суть парадокса события, праздника дураков состоит в переворачивании социального статуса [Даркевич, 2022]. Смеху в переломные моменты природной, трудовой и культурной жизни присуща функция подъема жизненных сил. Народный смех проистекает от радостной беспечности, избытка сил и свободы духа в противовес гнетущим заботам и нужде предыдущих и предстоящих будней, повседневной серьезности – это «смех возрождающий» [Пинский, 2021, с. 256].

В вытеснении страха, преодолении репрессивных норм культуры и избавлении от гнетущих забот повседневности открывается телесная составляющая смеха и парадоксальных действий, шутовства – дионисийское начало, страстный танец и стремление к перевертыванию всего «с ног на голову». Смех торжества и превосходства проистекает из радости плоти и игры ума. Именно танцы в их дионисийской трансформации поднялись на высоты комедии [Кереньи, 2012, с. 185]. Комическое извергается как конвульсии, содрогания тела с ощущением счастья и восторга, ибо игра ума и «производит в теле игру жизненных сил» (Кант). Смех как судорожное содрогание и дионисийский восторг укоренен в теле онтологически, но вызывается он избавлением от тягот бытия, вытеснением страхов, игрой жизненных сил танцующего тела. Ритуальный смех, сопровождающий аграрные обряды и обычаи как оберег, может быть также сопоставлен с пляской – судорожными усилиями как магическим средством создания жизни на пороге перехода между жизнью и смертью, между смертью и бессмертием [Пропп, 1976, с. 191].

Современный смех становится вытеснением смерти на периферию сознания, ибо речь идет не о коллективной жизнедеятельности, а о личной гибели, смерть «по существу всегда моя» (М. Хайдеггер). В терминах психоанализа юмор, являющийся сублимацией энергии бессознательного (Оно), в том числе Танатоса, становится удовольствием, позволяющим обойти репрессивную реальность сознания (Я) в ее самом тягостном проявлении (З. Фрейд). Обычно в условиях роста индивидуализма и отчуждения функцию вытеснения выполняет черный юмор. Порой это весьма странные истории, кажущиеся серьезными, но они абстрагируют сознание личности от бездны неопределенности, метафизических переживаний конечности. Таковы стихотворение Шарля Бодлера «Ликующий мертвец», «Завещание» Маркиза де Сада, рассказ Франсиско Пикабия «Трезвый взгляд» [Бретон, 1999].

В отличие от экзистенциального трагического парадокса, комический парадокс существует в общении, социальных отношениях. Комическое живет в сфере «неподлинного» бытия и коммуникации, ибо обыгрывать мы можем только истины здравого смысла и общезначимого смысла: «Парадокс противостоит доксе, причем обоим аспектам доксы, а именно – здравому смыслу [bon sens] и общезначимому смыслу [sens commun]» [Делез, 1998, с. 108]. Нонсенс и парадокс действуют экстатически, эмоционально вырывая личность из повседневности.

Абсурд и черный юмор. Абсурд – нелепость, неуместность, несуразность, чушь. Порой понятие «абсурдный» употребляется в значении «смехотворный», если речь идет о сведении мысли к нелепости, в результате которой возникает черный юмор, гротеск или фарс. Попытки развести понятия нонсенс, парадокс и абсурд в рамках лингвистической теории приводит к поискам нюансов в лингвистических тонкостях, это мало что дает [Крейдлин, Федорова, Бакланова, 2020]. Требуется иной подход, который позволит поставить вопрос об абсурде в связи с субъектом.

По сути абсурд – это область аксиологии, он затрагивает вопрос наших ценностей. Ценность есть отношение к субъекту, «смысл, лежащий над всяким бытием» (Г. Риккерт). Обращаясь к таким мифологическим образам, как Пегас, Кентавр или Минотавр, мы понимаем, что нет такого факта, но есть такой смысл. Все здание духовной культуры, надстроенное над технической цивилизацией и материальными благами, имеет ценностный смысл. Духовная культура фундируется вечными ценностями добра, истины, красоты, веры. Тезис Тертуллиана *credo ad absurdum* выявляет именно смысл: «Умер Сын Божий: это бесспорно и нелепо. И, погребённый, воскрес: это несомненно и невозможно». Этот смысл лежит не в области логики, этики или целесообразности здравого смысла, а касается веры, являясь анагогическим (от греч. ἀναγωγή – возвышать, возводить), то есть возведением от земного к небесному, от профанного к сакральному, от мирского к трансцендентному.

Как понятие аксиологии, абсурд – это опрокидывание ценностей и представлений, которыми живет каждый из нас, подрыв жизненных оснований. В условиях безверия, утраты моральных критериев, отчуждения и обезличенности, единственной ценностью у индивида остается собственное «Я», истины которого опираются на жизненный опыт. В отличие от нонсенса, оксюморона, каламбура и парадокса, абсурд – это такая переоценка ценностей, когда под вопрос ставится сам субъект как «очаг смысла» (М. Мерло-Понти). Вопрос заключается не просто в нелепости происходящего, в мешанской жизни, а в непогрешимости нашего «Я», в том эгоцентризме, который в условиях отчуждения становится критерием веры (надежды на лучшее), истины (расхожих мнений), морали (утилитаризма) и красоты (суждения вкуса). Все вопросы искусства абсурда обращены не к произведению (спектаклю, рассказу, картине), а к самому зрителю или читателю. А поскольку эгоцентризм каждого из нас заключается в убеждении, что «Я» есть критерий истины, постольку подрыв моего жизненного опыта и здравого смысла «чушь» спектакля обескураживает, заводит разум в тупик. Абсурд включает в себя нонсенс как внутренний механизм и имеет отношение к парадоксу в том, что истина нашего существования открывается за пеленой иллюзий «полноты» жизни, сложившийся привычки, общепринятых мнений и комфортного существования в рутине повседневности, в «нагромождении гнусной никчемности» (Э. Ионеско).

Человеческое общение обнажается как пустопорожня болтовня и некоммуникабельность, ибо в диалогах персонажей никто никого не слушает. Нелепость заключается в том, что бесконечная болтовня – не более, чем самообман. Люди обмениваются шаблонными фразами, которые ничего не значат. Пародируется человек клише и лозунгов. Как утверждает Эжен Ионеско, речь идет о чем-то вроде крушения реальности; слова превращаются в звучащую оболочку, лишенную смысла; персонажи также, вполне понятно, освобождаются от своей психологии, весь мир предстает лежащим за пределами толкований и причинности; речь идет о человеке клише, лозунгов, всеобщем конформисте, использующем автоматический язык.

Когда Даниил Хармс сочиняет забавные истории о Пушкине [Хармс, 2000] и эта линия продолжается в анекдотах о русских писателях (шутливые истории Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого), то речь идет об обыгрывании ценностей русской культуры, и смысл лежит не в сфере серьезного, а в области высокой комедии. Писатель отмечает: «Меня интересует только "чушь"... восторг и восхищение,

вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех» [цит. по: Токарев, 2002, с. 18].

Обращение к искусству абсурда в лице Даниила Хармса, Эжена Ионеско, Сэмюэля Беккета, Гарольда Пинтера, Рене Магритта и Поля Дельво, позволяет увидеть, что в отличие от фантазмагорий сюрреализма, здесь в повседневной рутине действуют обезличенные персонажи, даются картины банальных вещей. Как пишет Эжен Ионеско: «Мы укутаны в грязное тряпье обыденности, живем в ее темном хлеву» [цит. по: Биbihин, 2016, с. 493]. Искусство абсурда направлено на обывателя.

Если говорить о комической стороне абсурда, то «Я» сам становлюсь смешон, черный юмор – это такое насилие над здравым смыслом, при котором рассеивается пелена иллюзий о смысле жизни в повседневной суете, обнажается беспочвенность надежд на лучшее в состоянии прозябания – «Годо не будет» (С. Беккет). Комическое – это «саморазоблачение явлений и людей, обнаружение их подлинного ценностного значения, которое оказывается ничтожностью» [Столович, 1999, с. 58].

В живописи подрывается уверенность в том, что, владея словами, мы «касаемся» реальности [Подорога, 1999, с. 118]. Коллажи Рене Магритта, заводящие разум в тупик, показывают, что мы не видим, а *читаем* реальность. Обозначая вещь ее именем, зритель полагает, что видит саму вещь. Вопрос в том, как увидеть вещь в языковой пустоте, «видеть как», а не «видеть что» (Р. Арнхейм). Когда Рене Магритт в картинах «Это не трубка» (1929), «Это не яблоко» (1964), «Две тайны» (1966) подрывает нашу способность чтения, накладывая ярлыков на визуальный образ, тогда наше видение реальности «по привычке» испытывает интеллектуальное замешательство, эмоциональный ступор. Понятно, что представленный на картине рисунок трубкой не является, и тем не менее существует привычка речи: *что* на этой картине? [Фуко, 1999, с. 118]. Но «видеть как» мы не в состоянии, и стремление нашего разума набрасывать рациональные значения на все вокруг становится нелепым.

Эгоцентризм зрителя, его опыт означивания всего и вся, оказывается тем якорем, который не позволяет превзойти клише собственного восприятия и мышления. Так обнаруживается разрыв между словом и образом, дискурсом и репрезентацией: Рене Магритт «Ключ к мечтам» (1930). Абсурд выливается в черный юмор, который обнажает необоснованность коллективных представлений, подрывая условности культурных наслоений сознания: Рене Магритт «Изнасилование» (1934), «Философия будуара» (1952), «Коллективное изобретение» (1935), Поль Дельво «Пигмалион» (1946), «Глас народа» (1948). Беспокойство, насилие над здравым смыслом, навязчивость взгляда обуславливают переоценку устоявшихся мнений, стереотипов и общественных предрассудков. Таково действие черного юмора, острие которого направлено на наше неподлинное «Я». Смех уничтожает предрассудки, штампы, избитые истины, претенциозные намерения и демонстрирует трансгрессию смысла. Смех есть орудие живого по борьбе с механической косностью и автоматизмом: «Мы смеемся всякий раз, когда личность производит на нас впечатление вещи» [Бергсон, 1992, с. 42].

В заключение еще раз подчеркнем влияние игры ума и игры слов на человеческую телесность, субъективность тела. Нонсенс, абсурд и парадокс характеризуют «метафизику отсутствия» смысла стабильной структуры и возможность семантического движения как такового [Делез, 1998]. Нонсенс, парализуя рациональное значение, становится требованием эмоционального смысла. Выступая как нечто изумительное, нонсенс вызывает интеллектуальный шок, в результате которого эмоциональный паттерн складывается из комбинации эмоций удивления, радости и интереса. Эмоция интереса является движущей силой любой игры и социальной коммуникации [Изард, 2002].

Через игру ума парадокс поддерживает удивление и раскрывается как дискурс и движение, вызывая дионисийский восторг, конвульсию тела, смех или оргиастически-хаотический танец. Разрядка, высвобождение эмоций сопровождается конвульсией –

затухающим колебанием, внезапной остановкой всех функций организма и дальнейшим расслаблением – ощущением радости и восторга [Подорога, 2022]. Радость сопровождается ощущением энергии, силы, экстатичности, что вызывает трансцендентное чувство свободы, выхода за пределы собственного «Я» и обыденной реальности, чувство соприкосновения с непостижимым и вечным [Изард, 2002]. И, наконец, абсурд, сопровождающийся черным юмором в отношении нашего «Я» и обыденной жизни, абстрагирует нашу ментальность от рутинных забот, тягот и банальных истин, увлекая в сферу ценностей духовного, открывая горизонты неизведанного.

Игра ума и экстаз комоса становятся механизмом переоценки ценностей, вплоть до трансгрессии смысла, обновления общения и радости бытия. Впрочем, как заметил Жорж Батай, анализ смешного остается тщетным во всякого рода окончательных формулировках.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Литература и значение // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. – 616 с.
- Бахтин М. 2021. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука. – 640 с.
- Бергсон А. 1992. Смех. М.: Искусство. – 154 с.
- Бибихин В. 2016. Искусство и обновление мира по Эжену Ионеско // Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США. М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив. – 638 с.
- Бретон А. 1999. Антология черного юмора. М.: Carte Blanche. – 544 с.
- Даркевич В. 2022. История средневековых развлечений. От куртуазных увеселений до карнавалов и праздников дураков. IX–XVI века. М.: Ломоносовъ. – 264 с.
- Делез Ж. 1998. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга. – 480 с.
- Демурова Н. М. 1991. Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье. О переводе сказок Кэрролла // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., Наука. С. 277–355
- Изард К. Э. 2002. Психология эмоций. СПб: Питер. – 464 с.
- Исупов К. Г. 2021. Комическое // *Summa culturologiae*. Энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив. С. 257–258.
- Кереньи К. 2007. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. М.: Ладомир. – 319 с.
- Кереньи К. 2012. Мифология. М.: Три квадрата. – 504 с.
- Колоннезе Дж. 2007. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик. С. 254–262
- Крейдлини Г. Е., Федорова Л. Л., Бакланова И. И. 2020. Абсурд в языке и коммуникации. М.: Изд. РГГУ, 2020. – 277 с.
- Маковецкий Е. А. 2004. Социальная аналитика ритма: Жиль Делез, или О спасении. СПб: Изд-во СПб. Ун-т. – 176 с.
- Пинский Л. Е. 2021. Комическое // *Summa culturologiae*. Энциклопедия. В 4 т. Т.2. М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив. С. 258–259.
- Подорога В. 2022. Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М.: Новое литературное обозрение. – 224 с.
- Подорога В. 1999. Навязчивость взгляда: М. Фуко и живопись // Фуко М. Это не трубка. М.: Художественный журнал. С. 85–94.
- Пропп В. Я. 1999. Проблемы комизма и смеха // Метафизические исследования. Вып. 9 ½. *La gaya scienza*. СПб: Алетейя. С. 13–43
- Пропп В. Я. 1976. Фольклор и действительность. М.: Наука. – 326 с.
- Столович Л. Н. 1999. Метафизика смеха // Метафизические исследования. Вып. 9. *La gaya scienza*. СПб: Алетейя. С. 44–66.
- Токарев Д. В. 2002. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М.: Новое литературное обозрение. – 336 с.
- Фуко М. 1999. Это не трубка. М.: Художественный журнал. – 142 с.
- Хармс Д. 2000. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2: Новая Анатомия. СПб: Азбука. – 416 с.

References

- Barthes R. 1994. Literatura i znachenie [Literature and significance] // Bart R. Izbranny`e raboty`. Semiotika. Poe`tika. [Selected works. Semiotics. Poetics] M.: Progress. – 616 s.
- Baxtin M. 2021. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul`tura Srednevekov`ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance] M.: Azbuka. 640 s.
- Bergson A. 1992. Smex [Laughter]. M.: Iskuststvo. – 154 s.
- Bibixin V. 2016. Iskustvo i obnovlenie mira po E`zhenу Ionesko [Art and the Renewal of the World by Eugene Ionesco] // Samosoznanie kul`tury` i iskusstva. Zapadnaya Evropa i SShA [Self-awareness of culture and art. Western Europe and the USA]. M.: SPb: Centr gumanitarny`x iniciativ. – 638 s.
- Breton A. 1999. Antologiya chernogo yumora [An anthology of black humor]. M.: Carte Blanche. 544 s.
- Darkevich V. 2022. Istoriya srednevekovy`x razvlechenij. Ot kurtuazny`x uveselenij do karnavalov i prazdnikov durakov. IX-XVI veka [The history of medieval entertainment. From courtly amusements to carnivals and holidays of fools. IX-XVI centuries] M.: Lomonosov`. – 264 s.
- Deleuze G. 1998. Logika smy`sла [The logic of meaning]. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga. 480 s.
- Demurova N. 1991. M. Alisa v Strane chudes i v Zazerkal`e. O perevode skazok Ke`rolla [Alice in Wonderland and through the Looking Glass. About the translation of Carroll's fairy tales] // Carroll L. Alisa v Strane chudes. Alisa v Zazerkal`e [Alice in Wonderland. Alice through the Looking Glass]. M.: Nauka. S. 277-355
- Izard K.E. 2002. Psixologiya e`mocij [Psychology of emotions]. SPb: Piter. – 464 s.
- Isupov K. G. 2021. Komicheskoe [The comic] // Summa culturologiae. E`nciklopediya [Encyclopedia]. V 4 t. T. 2. M.: SPb: Centr gumanitarny`x iniciativ. S. 257-258.
- Kerenyi K. 2007. Dionis: Proobraz neissyakaemoj zhizni [Dionysus: The prototype of an inexhaustible life]. M.: Ladomir. – 319 s.
- Kerenyi K. 2012. Mifologiya [Mythology]. M.: Tri kvadrata. – 504 s.
- Kolonneze Dzh. 2007. Nonsens kak forma komizma [Nonsense as a form of comedy] // Logicheskij analiz yazy`ka. Yazy`kovy`e mexanizmy` komizma [Logical analysis of the language. The linguistic mechanisms of comedy]. M.: Indrik. S. 254–262
- Krejdlin G. E., Fedorova L. L., Baklanova I. I. 2020. Absurd v yazy`ke i kommunikacii [Absurdity in language and communication]. M.: Izd. RGGU. – 277 s.
- Makoveczkij E. A. 2004. Social`naya analitika ritma: Zhil` Delez, ili O spasenii [Social Analysis of Rhythm: Gilles Deleuze, or About Salvation]. SPb: Izd-vo SPb. Un-t. – 176 s.
- Pinskij L. E. 2021. Komicheskoe [The comic] // Summa culturologiae. E`nciklopediya [Encyclopedia]. V 4 t. T.2. M.: SPb: Centr gumanitarny`x iniciativ. S. 258-259.
- Podoroga V. 2022. Vozvy`shennoe. Posle padeniya. Kratkaya istoriya obshhego chuvstva [Sublime. After the fall. A brief history of the common feeling]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 224 s.
- Podoroga V. 1999. Navyazchivost` vzglyada: M. Fuko i zhivopis` [The obsession of the gaze: M. Foucault and painting] // Fuko M. E`to ne trubka [It's not a pipe]. M.: Xudozhestvenny`j zhurnal. S. 85-94.
- Propp V. Ya. 1999. Problemy` komizma i smexa [The problems of comedy and laughter] // Metafizicheskie issledovaniya [Metaphysical research]. Vy`p. 9 ½. La gaya sciennza. SPb: Aleteja. S. 13-43
- Propp V. Ya. 1976. Fol`klor i dejstvitel`nost` [Folklore and reality]. M.: Nauka. – 326 s.
- Stolovich L. N. 1999. Metafizika smexa [The Metaphysics of laughter] // Metafizicheskie issledovaniya [Metaphysical research]. Vy`p. 9. La gaya scienza. SPb: Aleteja. S. 44-66.
- Tokarev D. V. 2002. Kurs na xudshee: Absurd kak kategoriya teksta u Daniila Xarmsa i Se`myue`lya Bekketa [Heading for the worst: The Absurd as a category of text by Daniel Harms and Samuel Beckett]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 336 s.
- Foucault M. 1999. E`to ne trubka [It's not a pipe]. M.: Xudozhestvenny`j zhurnal. – 142 s.
- Xarms D. 2000. Sobranie sochinenij [Collected works]. V 3 t. T. 2: Novaya Anatomiya. SPb: Azbuka. 416 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 28.04.2025
Поступила після рецензування 04.06.2025
Прийнята к публікації 10.09.2025

Received April 28, 2025
Revised June 04, 2025
Accepted September 10, 2025

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Пігулевський Віктор Олегович, доктор філософських наук, професор кафедри гуманітарних дисциплін, ректор, Южно-Російський гуманітарний інститут, г. Ростов-на-Дону, Росія.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Мирская Людмила Анатольевна, доктор філософських наук, професор кафедри гуманітарних дисциплін, проректор, Южно-Російський гуманітарний інститут, г. Ростов-на-Дону, Росія.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor O. Pigulevskiy, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities, Rector of the South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Lyudmila A. Mirskaya, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities, Vice-Rector of the South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESES

УДК 355.233
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-657-661
EDN XOGGZM

Цифровой досуг в структуре образа жизни современной молодежи

Аникеев Д.В., Енина С.А., Сыровацкий Е.Ю.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
308033, Россия, Белгород, ул. Королёва, д. 7

denis.anikeev11@yandex.ru, eninasa@mail.ru, jonh30031982@gmail.com

Аннотация. Целью данного исследования является комплексный анализ трансформации концепта досуга под влиянием цифровых технологий. В работе вводится категория цифрового рекреационного хронотопа – времени-пространства, в котором субъект использует цифровые платформы для реализации развлекательных и релаксационных практик, когнитивного обогащения и образовательной активности, социальной коммуникации и идентификационного конструирования, психоэмоциональной регуляции. Концепция цифрового досугового времени будет развиваться и далее, что даст толчок для более углубленного и детального изучения данного направления.

Ключевые слова: интернет, досуг, цифровая среда, молодежь, цифровые технологии

Для цитирования: Аникеев Д.В., Енина С.А., Сыровацкий Е.Ю. 2025. Цифровой досуг в структуре образа жизни современной молодежи. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 657–661. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-657-661. EDN: XOGGZM

Digital Leisure in the Lifestyle of Today's Young People

Denis V. Anikeev, Svetlana A. Enina, Evgeniy Yu. Syrovatsky

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Korolev St, Belgorod 308033, Russian Federation

denis.anikeev11@yandex.ru, eninasa@mail.ru, jonh30031982@gmail.com

Abstract. The aim of this study is a comprehensive analysis into the transformation of the leisure concept under the influence of digital technologies. The author introduces the category of digital recreational chronotope – the time-space in which the subject uses digital platforms for implementation of entertainment and relaxation practices, cognitive enrichment and educational activity, social communication and identification construction, as well as psycho-emotional regulation. The concept of digital leisure time will continue to develop, which gives impetus to a more in-depth and detailed study of this area.

Keywords: Internet, leisure, digital environment, youth, digital technologies

For citation: Anikeev D.V., Enina S.A., Syrovatsky E.Yu. 2025. Digital Leisure in the Lifestyle of Today's Young People. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 657–661 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-657-661. EDN: XOGGZM

Досуг как значимая составляющая человеческого бытия открывает пространство для занятий, приносящих удовлетворение, релаксацию и позитивные эмоции вне рамок профессиональной деятельности и обязательств. По своей сути это период, свободный от трудовых, социальных и витальных обязанностей (сон, питание). Несмотря на распространенное восприятие досуга как времени личного выбора, существует мнение, что его подлинная ценность раскрывается лишь при конструктивном использовании. Однако следует отметить, что значительная часть времени вне работы поглощается необходимыми для поддержания жизни задачами. Досуг также трактуется как совокупность активностей, осуществляемых в этот незанятый период, исключая рутинные бытовые действия (уборка, гигиена) и физиологически обусловленные потребности. Подобные занятия характеризуются добровольностью и мотивацией к получению удовольствия, восстановлению сил или личностному удовлетворению. Таким образом, досуг – это временной ресурс, находящийся в распоряжении личности, то есть отрезок времени, не регламентированный внешними принудительными требованиями физиологического или социального характера. Он предоставляет возможность посвятить себя значимым и приятным для индивида практикам. Спектр досуговых занятий широк: от физической активности и интеллектуальных практик (чтение, просмотр фильмов) до игровых форм и социального взаимодействия (общение с близкими). Объединяющим началом этих практик выступает их ориентация на получение позитивного опыта, расслабление или иные формы самореализации после выполнения основных обязанностей.

Современные технологии радикально трансформируют природу и практики досуга, образуя с ним неразрывный симбиоз. Цифровая революция не только модифицирует традиционные формы отдыха, но и порождает принципиально новые виды рекреационной активности [Губченкова и др., 2019]. Воздействие цифровой среды (персональные компьютеры, интернет, онлайн-платформы, видеоигры) на повседневный отдых современного человека носит масштабный характер. Подобные технологически опосредованные занятия способны выступать источником релаксации, интеллектуальной стимуляции и виртуальной социализации. Эмпирические данные указывают на тревожную корреляцию: доминирование пассивного, экранно-ориентированного досуга часто приводит к сокращению времени, уделяемого физически активным и оздоровительным практикам.

Анализ технологического воздействия на свободное время требует учета исторического контекста. Как отмечает исследователь Т. Эйзенман, доктор философии, магистр искусств, доцент Массачусетского университета, инновации в сфере транспорта (железные дороги, велосипеды, автомобили, авиация) кардинально изменили пространственные возможности человека [Eisenmann, 2022]. Эти достижения напрямую повлияли на рекреационное поведение, сделав путешествия и освоение новых территорий доступными формами проведения досуга. Цифровая трансформация рекреационных практик демонстрирует выраженные межпоколенческие различия при анализе когорт X, Y и Z. Эмпирические данные свидетельствуют: технологические паттерны не только модифицируют структуру досуга, но и формируют уникальные профили предпочтений у представителей каждого поколения [Redhead, 2016]. Эта перестройка свободного времени под влиянием инноваций несет существенные импликации для будущего развития рекреационной сферы.

Цифровые инструменты радикально реконфигурируют хобби-активности. Яркий пример – VR-симуляции, создающие цифровые аналоги реальных практик: от спортивных тренировок и виртуального туризма до интерактивной социализации. Более того, технологии оптимизируют доступ к рекреационным ресурсам через онлайн-образовательные платформы, автоматизированные системы бронирования, специализированные сообщества в соцсетях.

Цифровые платформы открывают новые перспективы для обогащения досуга: пользователи генерируют контент, взаимодействуют с сообществами по интересам и находят единомышленников в тематических онлайн-пространствах. Эта социализирующая функция цифрового досуга существенно корректирует рекреационные предпочтения и модели поведения, формируя групповую идентичность и обеспечивая эмоциональную поддержку [Zach, Lissitsa, 2016]. Тем не менее необходимо учитывать деструктивные аспекты технологического воздействия. Чрезмерная вовлеченность в цифровую среду классифицируется исследователями как компульсивное поведение с признаками аддикции. Многочисленные исследования фиксируют негативные последствия такого использования устройств: нарушения психоэмоционального состояния, дисфункции циркадных ритмов, снижение общего качества жизни [Splichal, 2015]. Дополнительными стрессогенными факторами также выступают: перманентная онлайн-доступность, стирающая границы между профессиональной и личной сферами, когнитивная перегрузка из-за информационного избытка, трансформация отдыха в пространство нерегламентированных рабочих коммуникаций.

Также следует отметить, что в современном обществе технологические решения интегрировались в повседневность, кардинально меняя подход к распределению временных ресурсов, включая рекреационные периоды. Для пользователей цифровых устройств характерен паттерн поверхностного взаимодействия с контентом – частые переключения между медиаформатами без глубинной вовлеченности. Тем не менее стоит отметить и положительные моменты: цифровизация предлагает действенные механизмы оптимизации временных затрат. Специализированные онлайн-сервисы (планировщики, трекеры задач, инструменты хронометража) позволяют систематизировать деятельность и повысить продуктивность свободного времени.

Прогресс цифровых технологий и контентной экосистемы демонстрирует существенное влияние ИИ-алгоритмов: они редуцировали потребность в ручном труде и оптимизировали временные затраты в различных секторах. Внедрение цифровых решений трансформировало рекреационные практики [Кастельс, 2000]. Онлайн-пространство, мобильные устройства и соцмедиа интегрировались в повседневность глобально. Доминирование экранного времени стало следствием повсеместной мобилизации, перераспределяя временные ресурсы пользователей в пользу цифровых взаимодействий.

Функционал цифровых платформ для организации досуга предполагает системное применение технологий. Технологические сервисы расширили доступ пользователей к разнообразным рекреационным форматам. Типичные кейсы использования включают: потребление текстовых, аудиальных, визуальных медиа, интерактивные игровые среды, мультимедийные развлекательные сервисы. Цифровые платформы ретранслируют социальные связи, снижая барьеры для участия в коммуникативных практиках. Коммуникационные сервисы (соцсети, мессенджеры) оптимизируют поддержание межличностных контактов и интеграцию в тематические сообщества.

Инструменты цифрового тайм-менеджмента повышают эффективность распределения рекреационных ресурсов. Ключевые функциональные решения включают: онлайн-планировщики (организация ежедневной активности, мониторинг встреч и дедлайнов), системы приоритизации задач (ранжирование целей по значимости, контроль исполнения в установленные сроки), аналитические хронометры (расчет временных затрат на операции, оптимизация временных бюджетов).

Сфера цифрового досуга включает разнообразные практики – от медиапотребления до навигации в онлайн-пространстве. Несмотря на потенциал таких занятий, крайне важно их дозированность и предотвращение деструктивного влияния на жизненные сферы. Ключевым аспектом становится регламентация продолжительности цифровых активностей, особенно у детей и молодежи, так как именно они являются самыми активными пользователями цифрового контента. Технологические решения трансформировали методологию организации временных ресурсов, включая рекреационные

периоды. Специализированные онлайн-инструменты способствуют оптимизации распределения временных бюджетов, повышению продуктивности свободного времени. При этом досуг сохраняет экзистенциальную субъективность, требующую осознания его антропологической сущности, выбора занятий, генерирующих позитивный аффект и релаксацию.

Стратегическое применение цифровых сервисов позволяет развивать компетенции хронометражного управления, а также формировать сбалансированный жизненный уклад. Рекреационные периоды обладают значимым оздоровительным потенциалом: снижают психоэмоциональное напряжение, улучшают аффективный фон и стимулируют когнитивную гибкость. Исследования, проводимые учеными, указывают на корреляцию между досуговой активностью и физическим благополучием благодаря повышению моторной активности и сокращению малоподвижных практик [Redhead, 2016]. Однако ключевым условием выступает осознанный выбор рекреационных стратегий. Использование свободного времени для избегания социальных контактов или ухода от проблем требует критической рефлексии.

Парадоксально, но технологизация повседневности может провоцировать формирование паттернов гедонистического потребления при снижении осознанности. Вместо коллективных семейных практик доминирует индивидуализированное взаимодействие с медийными платформами (ТВ, интернет-ресурсы, мобильные девайсы), трансформирующее домашнее пространство в мультимедийные хабы. Данный феномен порождает коммуникационный диссонанс: находясь в физической близости, члены семьи погружены в параллельные цифровые реальности. Типичные сценарии включают иммерсивное погружение в сериальный контент, цифровую социализацию через смартфоны, операционную деятельность на компьютерных устройствах.

Академический дискурс демонстрирует биполярность оценок данной ситуации: одни исследователи [Redhead, 2016] интерпретируют её как фактор разобщённости, другие [Zach, Lissitsa, 2016] – как ресурс для генерации новых коммуникативных тем. С одной стороны, молодые люди могут расширить круг своего общения, а также поддерживать связь с другими членами семьи, например, с теми, которые находятся далеко, с другой стороны, это может стать причиной замкнутости и нежелания контактировать с другими.

В заключении необходимо констатировать: технологическая инфильтрация рекреационной сферы реконфигурировала паттерны досуговой вовлеченности. Экспансия цифровых платформ детерминировала повышение операциональной доступности, то есть повсеместный доступ к любым досуговым увлечениям и предпочтениям, генезис инновационных рекреационных форматов, а также трансформацию традиционных моделей участия в досуговой деятельности. Взаимодействие технологий и досуга формирует многомерный континуум. Цифровизация деконструировала классические досуговые парадигмы, создала прецеденты для новых рекреационных практик. Дискуссионными остаются, конечно, здоровьесберегающие аспекты цифрового досуга и онтологическая субъективность рекреационного концепта.

Список литературы

- Губченкова А.С., Чеснова О.А., Еникеева Л.А. 2019. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации. *Петербургский экономический журнал*. № 4. С. 54–60.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 458 с.
- Магомедов М.Н., Носкова Н.А. 2019. Перспективы развития сферы культуры в условиях цифровой экономики. *Петербургский экономический журнал*. № 4. С. 6–14.
- Цифровые гуманитарные исследования. 2023 / А.Б. Антопольский, А.А. Бонч-Осмоловская, Л.И. Бородкин [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 72 с.
- Шунков А.В., Тараненко Л.Г., Дворовенко О.В. 2024. Феномен цифровизации культуры и искусства в России. *Мир русскоговорящих стран*. № 2. С. 105-128.

- Eisenmann T., Lindsay N. Hyde, and Tom Quinn. «Launching the Social» Harvard Business School Case 822-074, February 2022.
- Redhead S. 2016. Afterword: a new digital Leisure Studies for Theoretical Times. Leisure Studies. Volume 35. P. 827-834.
- Splichal, S. 2015. Public sphere and the media. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 19(2), 603-309
- Zach S., Lissitsa S. 2016. Internet use and leisure time physical activity of adults: a nationwide survey. Computers in Human Behavior, vol. 60. P. 483-491.

References

- Gubchenkova A. S., Chesnova O. A., Enikeeva L. A. Problems of digitalization of the cultural sphere of the Russian Federation. Petersburg Economic Journal. No. 4. P. 54-60.
- Castells M. 2000. Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: HSE, 458 p.
- Magomedov M. N., Noskova N. A. Prospects for the Development of the Cultural Sphere in the Context of the Digital Economy. Petersburg Economic Journal. No. 4. P. 6-14.
- Digital Humanities Research. 2023 / A. B. Antopolsky, A. A. Bonch-Osmolovskaya, L.I. Borodkin [et al.]. Krasnoyarsk: Sib. federal. un-t, 72 p.
- Shunkov AV, Taranenko LG, Dvorozenko O.V. 2024. Phenomenon of digitalization of culture and art in Russia. World of Russian-speaking countries. № 2. P.105-128
- Eisenmann T., Lindsay N. Hyde, and Tom Quinn. Launching the Social Harvard Business School Case 822-074, February 2022.
- Redhead S. 2016. Afterword: a new digital Leisure Studies for Theoretical Times. Leisure Studies. Volume 35. P. 827-834
- Splichal, S. 2015. Public sphere and the media. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 19(2), 603-309
- Zach S., Lissitsa S. 2016. Internet use and leisure time physical activity of adults: a nationwide survey. Computers in Human Behavior, vol. 60. P. 483-491.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Revised August 24, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникеев Денис Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Енина Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Сыровацкий Евгений Юрьевич, аспирант кафедры философии, культурологии и науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Denis V. Anikeev, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Svetlana A. Enina, Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Evgeny Y. Syrovatsky, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 101; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-662-678

EDN XSJXCS

Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2016 год

Римский В.П.

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

rimskiy@bsuedu.ru

Аннотация. Статья представляет архивную переписку автора с Николаем Петровичем Рагозиным (19.12.1953 – 24.10.2020), талантливым философом, которая велась на протяжении пяти лет, с 2016 по 2020 год, и сохранилась в личном архиве. Данная работа является реализацией методологической установки, что «история философии» – не есть нечто, свершившееся «давным-давно и не с нами», а то, что происходило вчера, есть сегодня и переходит в нашей памяти в завтра. Представлено авторское понимание философии, которое предполагает активную позицию интеллектуала по отношению к современности, публичной и повседневной. Это особенно касается отечественной философии, русской, советской и постсоветской, история которой и представлена в архивной переписке автора со своим коллегой и другом, представителями ростовской философско-культурологической школы. Такое понимание философии предполагает живое использование не только метода историко-биографического, но и конкретно-исторического, критического анализа истории и современности нашей страны и отдельных, живых людей, вдумчивой интерпретации и целостного понимания экзистенциальных ситуаций современности.

Ключевые слова: предметность философии, история философии, М.К. Петров, А.В. Потёмкин, ростовская философско-культурологическая школа, этнокультурная идентичность

Для цитирования: Римский В.П. 2025. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2016 год. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 662–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-662-678. EDN: XSJXCS

Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The Year 2016

Viktor P. Rimskiy

Belgorod State Institute of Arts and Culture

7 Korolev St, Belgorod 308007, Russian Federation

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

rimskiy@bsuedu.ru

Abstract. The article is based entirely on the author's correspondence with N.P. Ragozin (19.12.1953 – 24.10.2020), a talented philosopher. It was conducted for five years, from 2016 to 2020, and has been preserved in his personal archive. This publication is the implementation of the methodological position that "the history of philosophy" is not something that happened "a long time ago and not to us". It rather

means that what happened yesterday is today and will pass into our memory tomorrow. The author proceeds from such an understanding of philosophy, which presupposes an active intellectual position in relation to public and everyday modernity. This is especially true for Russian, Soviet, and post-Soviet philosophy, the history of which is presented in the author's archival correspondence with his colleague and friend, representatives of the Rostov philosophical and cultural school. Such understanding of philosophy presupposes that apart from the historical-biographical method, we should apply specific historical and critical analysis of the history and modernity of our country and individual people, a thoughtful interpretation and a holistic understanding of the existential situations of our time.

Keywords: subjectivity of philosophy, history of philosophy, M.K. Petrov, A.V. Potemkin, Rostov philosophical and cultural school, ethnocultural identity

For citation: Rimsky V.P. 2025. Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The Year 2016. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 662–678 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-662-678. EDN: XSJXCS

Введение

Само название предлагаемой статьи, основанной на архивной переписке, содержит нескрываемую отсылку к незабвенной публицистке Н.В. Гоголя, его фактически литературно-идеологическому завещанию¹. Гоголевская «Переписка...» по странной интуиции автором перечитывалась именно в 2016 году, которым и начинается моя «философия из архива» – термин А.Н. Ерыгина, нашего общего учителя, прекрасного специалиста в области русского либерализма, которому отчасти «достаётся» порция критики в нашей переписке от его университетских учеников и позже коллег.

Однако текст Н.В. Гоголя представляет собой продукт монологического и морализирующего, вполне утопического мышления, в то время как публикуемый «философский архив» отсылает скорее к античному диалогическому мышлению. В древней Греции философия изначально содержала своеобразную этику, релятивистскую у софистов и жизненно-диалектическую у сократиков, но это не была этика морализирующая, так как в греческой античности ещё не сформировалась нравственность, отделённая от «политеии» (жизни полиса), «номотетики» (законотворчества), «пайдейи» (обучения) и «сакральности» (религиозности в повседневности и публичности) – всё это существовало в некоем синкретическом социально-духовном «апейроне» (так на нашем философском факультете называлась стенгазета). Этот апейрон и был предметностью едва родившейся философии, особой формы рационально-критического и логического осмысления реальной жизни*, которая одна и была таковой, но часто скатывалась к догматической апологии существующей социокультурной реальности. Древнегреческую философию (как и последующие исторические формы) в её диалогической и критико-диалектической форме очень трудно реконструировать, не впадая в архаизацию и мифологизацию, как у М. Хайдеггера, или модернизацию, как это было и есть сплошь и рядом в онаученной «истории философии».

С Н.П. Рагозиным [Памяти товарища и коллеги, 2020] в 1972 году мы поступили на тогда ещё «юный» философский факультет Ростовского государственного университета и

¹ Гоголь Н.В. Избранные места из переписки с друзьями (1847) // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Харченко. Т. 6. Статьи. Москва : Художественная литература, 1978. С. 184–382.

* Я предполагаю, что, например, стилистическая форма сократических диалогов, наиболее полно реализованная у Платона, в отличие от образовательного монологизма Аристотеля или религиозных новоплатоников, была отражением диатрибической практики ученичества, когда сами занятия в Платоновой Академии могли «проживаться» в форме театрализованного спора-диалога, будучи потом записанными учениками и учителем. Подобное положение против модернизации древнегреческих философов было высказано в нашей публикации [см.: Герменевтическая традиция в России. 2019, с. 173–187].

учились вместе до 1976 года в одной группе. В отличие от современных студентов-философов, многие из нашего поколения приходили в академическую философию вполне зрелыми личностями, как Н.П. Рагозин, который до поступления уже успел поработать на производстве, получив жизненный опыт; я был легко принят в университет сразу после школы, но таких «молодых» студентов в двух философских группах набора было раз-два и обчёлся. Было очень много студентов, кто отслужил в армии или повкалывал на производстве, были среди них и члены партии – они часто приходили в философию в перспективе будущей административной или партийной карьеры. Николай Рагозин от таковых отличался тем, что изначально был настроен на «служение философии», потому уже на первом курсе стал лучшим учеником, выбрав на всю жизнь в наставники Юрия Романовича Тищенко, который нам читал, наряду с Алексеем Васильевичем Потёмкиным, курсы, вводящие в специальность. Молодняк, подобно мне, почти до самого окончания университета не осознавал, что такое философия – профессия или призвание. Примерно такое задание по написанию эссе я позже предлагал новому поколению студентов философской специальности в Белгороде с 2005 года. И сам до сих пор так и не определился, – с этим был связан и мой уход из университета в 1976 году «в жизнь», закончившийся по настоянию родителей и однокашников академическим отпуском.

Но многие моменты нашей академической или свободной философской жизни, как и понимание специфики философии, станут ясны из публикуемой диалогической переписки двух друзей, которая публикуется фактически в чистом виде, как она была представлена в интернет-сообщениях, без редакции постфактум – даже стилистическая и грамматическая редакция минимальна (хотя это не исключало некоторые комментарии и купюры личностных мест, обозначенных <...>). Почему 2016 год? В этом году мы возобновили своё дружеское общение, приостановленное поворотами личных судеб.

Февраль 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Извини, что раньше не объявился. Но лучше позже, чем никогда. Очень хочу встретиться, да ещё в ростовской компании. И случай выпал (правда, я его готовил). В последние годы старался уйти от социальной активности, но вот сделал грант (совместно с А.Н. Ерыгиным и другими ростовчанами) и, кажется, выиграл – на Международную научную конференцию «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25–26 апреля 2016 г. Белгород)¹. Как смотришь на то, что мы тебя включим в оргкомитет и персонально приглашаем принять участие (расходы оплатим)? Хотелось бы, чтобы земляки (я ведь из Шахт, если помнишь) приняли участие. <...> Круг научного и культурного творчества М.К. Петрова были столь обширны и глубоки, а жизнь – экзистенциально трагична и драматична, что тематика докладов и статей возможна в самом многообразном тематическом и стилистическом диапазоне. <...>

Участие возможно заочное, но я тебя жду лично. Прошу переслать письма другим коллегам в ЛДНР. Надеюсь, погода в Белгороде в конце апреля будет прекрасная! <...> Также шлю электронное избранное «Петровского наследия» (несколькими письмами). А о личной жизни чуть позже (я ведь окольными путями выискивал электронные адреса). Напиши, пожалуйста. Твой – Виктор Римский.

13 марта 2016 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Я рад получению твоего письма. До меня доходили в предшествующие годы сведения о твоей успешной академической карьере, но с непосредственным контактом не получалось. Теперь, когда у нас есть адреса, мы будем иметь возможность общаться более регулярно.

¹ Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика: сборник научных статей / под ред. А.Н. Ерыгина, В.П. Римского, М.А. Дидык и др. Белгород : ИПК БГИИК, 2016. 364 с.

Теперь о конференции. Я благодарю за информацию о ней и за предложение включить меня в состав оргкомитета. В свое время, в начале 2000-х я организовал в Донецке семинар, посвященный творчеству М.К. Петрова, и пригласил выступить с докладами ростовчан. Тогда в Донецк приехали В.Н. Дубровин, Ю.Р. Тищенко, А.Н. Ерыгин, В.П. Макаренко.

Я слежу за публикациями из наследия Петрова и изучаю его концепцию, которая обрисовывается всё полнее – и по генезису, и по составу. Концепция сложная и спорная, но здесь есть над чем подумать. Я попробую высказать несколько своих соображений по тому кругу вопросов, который меня непосредственно интересует. Надеюсь, что успею к срокам.

Дело в том, что в этих же числах апреля мы в Донецке проводим конференцию и на меня как на одного из организаторов ложится определенный груз обязанностей. Это обстоятельство исключает возможность поездки в эти дни в Ростов или Белгород. Поэтому личную встречу придется отложить.

Два слова о себе. В Донецке работаю в Донецком национальном техническом университете (ранее – ДПИ). С 1991 г. по настоящее время заведу кафедрой социологии и политологии. Твое письмо попало ко мне через электронный адрес моей жены – Рагозиной Татьяны Эдуардовны, которая заведует кафедрой философии.

События 2014 года заставили активно включиться в политическую жизнь. Сейчас я депутат Народного Совета ДНР, комитет по науке, образованию и культуре.

Крепко жму руку. Николай Рагозин.

В.П. Римский:

Николай, добрый день! Я очень рад, что мы, наконец, связались, – давно это хотел сделать. Я самый главный импульс получил от Е.В. Мареевой (Драницкой в студенческие годы): она позвонила С.М. Климовой (тоже ростовчанка младшего поколения), а та – нам, в Белгород – о твоём выступлении в Москве на ТВ. Я потом скачал ролик и всё посмотрел. Я всегда был противником «самостийности» в том её виде, что подарили пр...м после СССР, и считал ещё в 90-е, что Украину* спасёт лишь реальная федерализация.

Твои координаты посмотрел в информписьме по вашей конференции, а до этого пытался найти твой электронный адрес через кафедру философии ДНУ (через филолога Каика Наталью Евгеньевну). Постараюсь прислать и тезисы на вашу конференцию, материал есть, надо только сесть.

А может ты сможешь приехать в Белгород на «Ильенковские чтения», они чуть позже (письмо прилагаю)? Мы дорогу и проживание оплатим... Я организую «Петровские» на базе института искусств и культуры, где сейчас заведу кафедрой философии и истории науки (по этой конференции у нас региональный грант с РГНФ), а «Ильенковские» – Андрей Майданский, другой наш ростовчанин младшего поколения (на базе НИУ «БелГУ»).

О себе рассказывать долго, подробнее лучше бы при встрече. <...> Но хотя бы кратко, мы ведь расстались больше сорока лет назад...

<...> Со мной в Белгороде из ростовчан работают Марина Ширманова, Коля Поддубный, Тамара Липич (её ты вряд ли помнишь). Пока пишу тебе письмо мне позвонили Вася Гриценко и Мухаммед Шенкао* – оба передали тебе привет. Вася попросил твои координаты, дам электронный адрес. Позвонил и Женя Несмеянов, а утром разговаривал с Гришей Перетяткиным*. Одним словом, получился день однокашников... Недавно наконец созвонился с Ваней Плужниковым <...>

* Я давно стал писать со строчной буквы, не признавая со студенческих лет такую искусственную государственность и считая её территориальным образованием исторической России.

* Василий Петрович Гриценко (1955–2023), доктор философских наук, профессор. Мухамед Алиевич Шенкао (1948–2020), доктор философских наук, профессор.

* Григорий Фёдорович Перетяткин (1952–2021), кандидат философских наук, доцент.

К сожалению, многие из наших умерли: давно умер мой земляк Валера Авилов, я когда-то перетянул его в копер; ушёл из жизни Валя Коваленко (я, слава богу, его повидал незадолго до кончины); по осени умерла Валя Красникова (Павленко в девичестве, тоже работала со мной на одной кафедре в БелГУ); не стало Коли Ефремова. А студенческие годы будто вчера были...

А ты молодец, что не остался в стороне от политики. Я всем сразу сказал, что Коля Рагозин скорее всего активно включился в борьбу. Но береги себя!

Может всё же приедешь на «Ильенковские чтения»? С женой?! Будете моими персональными гостями! Кто знает, сколько отмеряно... Обнимаю. Витя Римский.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Витя! Надеюсь, ты не обидишься, что в частной переписке я тебя называю по старинке без отчества?

Письма твои я получил, все вложения открываются. Постараюсь в ближайшие дни выкроить время, чтобы кое-что почитать. Пишу «кое-что», т.к. ты автор плодovitый, и для того, чтобы познакомиться с тем, что ты мне прислал, нужно изрядное время. Я пробежал только твою автобиографическую прозу. Вижу человека, вдумчиво переживающего жизнь своей страны и свою собственную жизнь, человека, ищущего и не застывшего в сытом самодовольстве. Это замечательно. С дружеским приветом, Н. Рагозин.

20 марта 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Я, к сожалению, не успеваю оформить материал свой и жены на вашу конференцию. <...> Ещё раз хочу уточнить: сможете ли приехать на «Ильенковские чтения»? Если нет, то, когда можно будет вас с женой пригласить в Белгород? Мы что-либо приурочим... Понимаю, что сейчас у вас там не до науки и поездок. Но Белгород – регион, всегда сочувствовавший Донбассу, у нас много ваших ребят учится, хорошо бы закрепить отношения на личном уровне нашего поколения... Обнимаю – В.Р.

21 марта 2016 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Пройдусь по пунктам твоего письма. Если не успеваешь с тезисами к сроку, то можно их расширить и прислать позднее для журнала, который мы издаем. Я тебе вышлю электронную версию журнала, там в конце есть требования к оформлению материалов. Второе. Участия в «Ильенковских чтениях» не планирую. И последнее. О поездках куда-либо пока говорить рано. В любом случае это будет возможным только летом во время отпуска. Но до этого еще нужно дожить. Береги себя. С дружеским приветом, Н. Рагозин.

<...>

11 апреля 2016 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый вечер! Получил письмо и, к сожалению, сразу не ответил. Но ознакомился с вашим журналом – молодцы. Главное сделали первый независимый философско-культурологический и гуманитарный журнал Новороссии (мне это больше нравится, чем, например, «свободная Украина» – я «щирый национализм» никогда не терпел, хотя моя мама считала себя «украинкой» и вечно с отцом спорила, обзывая его «вредным казачурой»). Я обязательно вам дам свою статью – что-нибудь новое, в развитие того, что писал об «отложенных кризисах русской идентичности» (подобная моя статья есть в коллективной монографии и журнале). У меня к тебе просьба поддержать наши «Петровские чтения». <...> Очень хотелось бы обозначить и ваше присутствие в нашем научном и культурно-политическом поле. Очень надеюсь на любую поддержку. Обнимаю. Твой – В.Р.

Н.П. Рагозин: Виктор Павлович! Большое спасибо за сборник «Ильенковских чтений». Пока только пробежал оглавление. Предвкушаю интересное чтение. Я, кажется, тебе еще не посылал первые выпуски издаваемого нами журнала. В прикрепленном файле теперь исправляю эту ошибку. Сейчас мы собираем материалы к следующему номеру.

Буду рад получить твой материал. Мы все пишем о работе, а нужно думать и о здоровье. Побереги себя. Мы уже вступили в тот возраст, когда нужно разумно планировать свою нагрузку и рационально (в той мере, в какой это возможно в нашей жизни) расходовать силы. С дружеским приветом, Н. Рагозин.

В.П. Римский: Николай Петрович, спасибо, получил. Пусть это утро будет добрым – мы всё время за вас болеем. Я так вообще воспринимаю ситуацию так, будто всё происходит со мной и близкими мне людьми. Я все 90-е и нулевые годы говорил о том, что «украина» развалится, приводил исторические факты (а отечественной историей я с подачи отца занимался с первого класса, вначале на уровне толстых исторических романов). И свою малую родину, кусок ростовской области, называл Донбассом. Держитесь! Обнимаю вас – В.Р.

12 апреля 2016 г.

Н.П. Рагозин: Доброе утро, Виктор Павлович! Мы будем рады опубликовать твою статью в нашем журнале. Тем более, что ее тематика в наших краях сейчас чрезвычайно актуальна. Идентичность Новороссии требует определения. Относительно «Петровских чтений». Конечно, мы поддержим это начинание. Сообщи только сроки подготовки сборника. Я работаю над статьей, которая называется «Образы традиции в теоретическом сознании». В нее я думаю включить специальный раздел, посвященный М.К. Петрову. Его взгляды на этот предмет очень интересны, хотя в ряде пунктов мне представляются спорными. Если такой материал тебя устраивает, то к указанным срокам я постараюсь его прислать. Моя жена также готова дать свой материал. Но нам нужно знать две вещи: 1) к какому сроку нужно указать тематику выступлений на чтения? 2) к какому сроку нужно прислать тексты статей (с ограничениями по объему)? Крепко обнимаю. Н.Р.

<...>

2 мая 2016 г.

<...>

В.П. Римский: Николай Петрович, Христос воскрес! И с праздником солидарности трудящихся, в том числе и умственных пролетариев. <...> «Петровские чтения» в Ростове прошли плоховато: были одни «приглашённые» студенты; выступали я, В.Д. Бакулов и А.Н. Ерыгин со Старостиным. Думаю, это реакция на ерыгинскую догматизацию «лика Петрова». Он очень плохо отреагировал, когда я попытался слегка докопаться до правды (в частности, во взаимоотношениях М.К. Петрова и А.В. Потёмкина)¹. В Белгороде всё было более академично, да и с финансированием по гранту мы могли себе позволить принять гостей на уровне. Надо было на день продлевать. Но в четверг были «Ильенковские чтения», где на пленарке во второй половине первого дня выступали одни ростовчане разных лет выпуска, в том числе Е.В. Драницкая-Мареева. Ильенковцы более сплочённые, даже были киевляне (марксистски настроенные и вполне вменяемые, хотя политику загнали в подсознательное). Я написал 3 п.л. текстов (3 большие статьи) и сделал 3 доклада, выступая импровизированно, – такого никогда не делал и не сделаю больше... Это, надеюсь, мой последний всплеск такой социальной активности. Познакомился на «Петровских чтениях» с Виталием Даренским из ЛНР – интересный парень. <...>

Хочу в мае поехать в Ростов на «Философский конгресс Юга России». Тебе не присылали информацию? Хочу встретиться с Ю.Р. Тищенко – услышать его версию судьбы М.К. Петрова. А на «Ильенковских чтениях» свой вариант мне поведал

¹ См.: Римский В.П. Гетерогенный хронотоп русской философии: Одинокий баркас Михаила Петрова // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2(10). С. 196–208; Римский В.П., Майданский А.Д., Перетятыкин Г.Ф., Римская О.Н. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным // Наука. Искусство. Культура. № 4(16). Белгород, 2017. С. 67–86; Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала: моногр. / [В.П. Римский и др.]; под ред. В.П. Римского. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 456 с.

С.В. Резванов (думаю, озвучил частично и «профессорскую версию» своего отца). Я давно планировал повесть о Ростовском универе 60/80-х годов. Но сейчас всё ложится в канву ещё ранее задуманного романа (в детстве!), над которым Ю.Р. Тищенко когда-то иронизировал. Я долго называл для себя его «мой XX век», но теперь сложилось почти окончательно «Священнопроклятые» (казачество во Второй мировой, фронтовики-философы после войны и пр.). Если Господь позволит, то исполню задуманное – понемногу крапаю. ...

Я проводил на конференциях мысль (и многие аналогично), что часто в советские времена травили людей из личной неприязни и зависти, по карьерным соображениям, парадигмальным научным нестыковкам, шла борьба группировок и т.п., а идеология и политика служили камуфляжем, – но такое будет везде и всегда, пока есть серость и таланты, власть и знание, деньги и совесть, правда и ложь, пока живут люди на Земле. Дай Бог, чтобы у вас праздники прошли спокойно; чтобы быстрее всё закончилось в «нашу пользу». Дай Бог тебе и супруге здоровья, долготерпения и счастья, которое достижимо в самые трудные времена. С нетерпением жду писем и статей. Как в мае на Конгресс? Обнимаю – В.Р.

Н.П. Рагозин: Привет, Виктор Павлович! Большое спасибо за присланные публикации. Почитаю, что пишут однокашники. Кстати, а где обосновался Саша Дегтярев? И еще об однокашниках. В 2014 году, когда нас особенно обстреливали (прилетало в район нашего дома, а от взрывов шатались дома по всему городу), неожиданно мою электронную почту разыскала и написала мне письмо Лидия Питч-Золотарева из Германии. Предлагала нам с женой выехать из Донецка. Я поблагодарил, но... Куда ехать, ради чего? Здесь у нас работа, дом, мы столько лет боролись за освобождение Донбасса от «неньки».

Теперь о деле. Татьяна Эдуардовна согласна со всеми твоими предложениями по статье. Она работает над докторской, но до завершения еще требуется время. По нашим обстоятельствам трудно спрогнозировать, но думаю, что 1,5–2 года понадобится. У нее направление работы укладывается в философию культуры. Я разрабатываю проблематику духовного производства в ключе социальной философии. Этим летом хочу свести в один текст то, что уже написано и посмотреть, что нужно еще проработать.

Виктор Павлович, я вижу, что у тебя дел выше крыши, но, тем не менее, все же хочу попросить тебя войти в состав редакционной коллегии нашего журнала «Культура и цивилизация». Потолковать и посоветоваться бывает остро необходимо, и легче всего это сделать с однокашником, потому что понимаем друг друга с полуслова. А с другими людьми все не так просто... В прикрепленном файле находится исправленный текст ранее присланной рецензии¹. Там совсем незначительные изменения, но они дают более полную картину представленных на конференцию тезисов и докладов. Поэтому просим опубликовать именно этот текст. Как думаешь отдохнуть летом? На себя надо выкраивать время. Крепко жму твою руку. Н. Рагозин.

8 мая 2016 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Поздравляю с нашим великим праздником – Днем Победы! С годами становится все более понятно, что это не просто важная дата, сопровождаемая мемориальными мероприятиями, а точка отсчета в жизни нашего народа и каждого человека, которая определяет направление действий и их смысл. Мы в Донбассе остро ощутили, что, в сущности, сейчас мы либо должны продолжить борьбу наших предков-победителей, либо сдаться на милость последователей их врагов.

¹ Рагозин Н.П. Капитализация интеллектуала в истории культуры. Рецензия на книгу: Культурный капитал. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний») : моногр. / под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород : ЭПИЦЕНТР, 2016. 252 с. // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 4 12). С. 214–215.

И эта ситуация сразу начала просеивать нашу жизнь и отделять зерна от половы. При этом у иных ничего, кроме половы, не обнаружилось. Дай Бог сохранить нам в жизни главное. Всем мира, добра, веры. Передай мои поздравления твоим родным и коллегам. Всем здоровья и благополучия. С уважением, Николай Рагозин.

Р.С. Все забываю спросить о том, какие советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по философии работают в Белгороде? Если тебя не затруднит, черкани об этом.

13 мая 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Извини, что сразу не ответил, – все дни болит сердце, не было сил открывать компьютер и т.д. <...> Спасибо за поздравление. Я в свою очередь поздравляю всех вас с двумя годами Свободы. Понимаю, что всякого и у вас хватает... Но и не рвитесь «в Россию» – вы в Народной республике, не спешите в российский бюрократический олигархат. Я твоё письма прочитал позавчера, а сегодня к утру моё бессознательное потребовало, чтобы я сел писать ответ: приснился не только ты, но и твоя жена, которую я, к сожалению, пока не видел. Я хотел в 20-х числах поехать в Ростов на «Аристотелевские чтения» (материалы дал свои и аспирантов-докторантов). Но не знаю, как будет со здоровьем... Готовлю «Петровский сборник», но ростовчане почему-то молчат. А.Н. Ерыгин, наверное, на меня обиделся, что я по его наскокам на А.В. Потёмкина с ехидцей прошёлся (не х...н стариков обижать, да ещё его, моего руководителя, чтобы там ни было...). Я хотел в Ростове встретиться с Ю.Р. Тищенко и поговорить с ним о судьбе Петрова – Ю.Р. более трезвый человек, чем А.Н.Е. Пиши, сообщай, как у вас там дела. Обнимаю крепко – В.Р.

14 мая 2016 г.

Н.П. Рагозин: Привет Виктор Павлович! <...> Что касается «не рвитесь в Россию», то я на этот счет не питаю никаких иллюзий. Но у нас другого выхода нет, поскольку Украина просто мрак. Впрочем, на эти темы, быть может, как-нибудь потолкуем более обстоятельно.

Виктор Павлович, у меня к тебе такой вопрос: есть ли в Белгороде Совет по защите докторских диссертаций по социальной философии? И если есть, то что он собой представляет.

Над обещанной тебе статьей я работаю напряженно, хотя целый ряд внешних обстоятельств весьма мешают работе. Но я постараюсь успеть. В нашем журнале «Культура и цивилизация» есть разделы «Отзывы и рецензии» и «Научная хроника». В связи с этим у меня к тебе такой вопрос: не мог бы ты для одного из этих разделов в соответствующем жанре написать маленькую заметку о прошедших «Ильенковских чтениях»? Сборник, который ты прислал, чрезвычайно любопытный. Но для разбора его содержания требуется время, которое существенно сокращается для живого участника этого события. Есть даже название для отзыва – «Эвальд Ильенков как вечная весна философии». Крепко жму твою руку. Береги себя. Привет супруге. Н. Рагозин

15 мая 2016 г.

В.П. Римский: Добрый день, Николай Петрович! Я так рад, что можно хотя бы так общаться. ... Не успел сбегать на конференции – надо делать публикации по ним в сборнике и журналах; журналы готовить к выпуску к концу мая; заниматься диссертационным советом, где я председатель, а в Туле открывать новый, где буду замом... <...>

Обзор конференций мы будем делать, и какой-то вариант пошлём в ваш журнал. Я тоже готовлю статью, как и обещал, – вчера читал для этого Гоголя, его малороссийские заметки ¹. Он, как и я, фактически говорит о «южнорусском народе» (я о «южнорусском

¹ Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Харченко. Т. 6. Статьи. Москва : Художественная литература, 1978.

этнотесе)), костяк которого очень рано составило казачество, – хотя он обходит вопрос о связи запорожцев и донцов, а они были, как два сообщающихся сосуда, две пиратско-демократические республики – петровские эгейские пираты отдыхают! В голове, душе и сердце всего полно, а силёнок маловато... Я только в этом году начал чувствовать возраст, увы... Пиши. Я предпочитаю переписку, т.к. она ближе к традиционному письму, а не «социальные сети», где участник самоутверждается, красуется и сублимируется. В них, конечно, можно «воевать», но кому от таких войн прок? Всё же наш удел – спокойно думать и писать. <...> Обнимаю. Привет супруге, Татьяне Эдуардовне.

<...>

15 июня 2016 г.

<...>

Н.П. Рагозин: Спасибо, Виктор Павлович! Рецензию ставь во все журналы, в которых она будет уместна. В нашем журнале она пойдет в печать уже на этой неделе. Мы до отпуска должны сдать первый номер за этот год. Второй номер будем комплектовать сразу после завершения работы с первым. Будем рады напечатать твой материал.

Я сейчас завяз в концепции Петрова. Но думаю, что в июле разберусь с его идеями. Моя супруга интересуется судьбой своей статьи ¹. Пришлась ли она ко двору и где будет напечатана?

Жду твоего письма и, учитывая, что электронная почта не всегда является оперативным видом связи, у меня есть предложение обменяться телефонами. Всего доброго, Н. Рагозин.

18 июня 2016 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Шлю журналы с «Петровскими чтениями» и «Ильенковскими чтениями» (тебе будут интересны статьи людей, столь знакомых – Лены Драницкой-Мареевой ², моя, Сани Дегтярь, Васи Гриценко и Гриши Перетяткина ³). Статья Татьяны Эдуардовны очень глубокая. Разумеется, я её дам в журнале из списка ВАК (Ведомости) в августе – я просто жду и твою статью по Петрову (там же дам и свою другую – выступал с двумя докладами) ⁴. Можно я переставлю абзацы о Петрове в начало, а для сборника по Чтениям немного сокращу и отредактирую названия, чтобы они чётче с Петровскими идеями были увязаны и различались (сразу две разные публикации)?

Был в Ростове, хотел встретиться со многими, но съездил к родителям на кладбище (проверил, как обустроили могилы – по весне делал заказ), а потом как упал на стул у Гриши Перетяткина под столетним дубом во дворе, так и проболтали с ним два дня. Вернулся в Белгород и тут же смотался в Орёл на ГЭК. Потому и задержал ответы. Кстати, орловчане (ОГУ им. И.С. Тургенева) собираются проводить конференцию по

с. 53–62; Гоголь Н.В. О малороссийских песнях. Собр. соч. 1978, с. 102–109. Н.В. Гоголь в своих заметках употребляет не только понятия «южная Русь», «Малороссия», но и «Украина»; но если первые в контексте несут этнокультурную и этноконфессиональную нагрузку, то последнее понятие писателем относится к территориально-географическому определению. Это, кстати, к тем спорам, когда возник этноним «Украина»: его ввели даже не украинофилы времён Н.В. Гоголя, и тем более не австрийцы или поляки перед Первой мировой войной, он уже был в великороссийском обиходе, в русской научной и художественной литературе первой трети XIX века.

¹ Рагозина Т.Э. Онтологические метаморфозы культуры. 2016, с. 44–61.

² Мареева Е.В. «Загорский эксперимент» и проблема врожденных способностей человека. 2016.

³ Гриценко В.П. М.К. Петров и конец немецкой классической философии // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2(10). С. 188–191; Перетяткин Г.Ф. Мимолётность (воспоминание о М.К. Петрове) // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2(10). С. 192–196; Римский В.П. Гетерогенный хронотоп русской философии: Одинокий баркас Михаила Петрова // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2(10). С. 196–208.

⁴ Рагозин Н.П. Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2016. № 17(238). С. 48–55; Рагозина Т.Э. Формы культуры как формы социальности // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2016. № 17(238) С. 56–67.

этноичности (непризнанные этносы) и приглашают Вас – там к ним перебрался энергичный мужик из Приднестровья. Ещё вас (и тебя, и жену) приглашают в оргкомитет и к участию в Липецк – конференция по социологии. Вся информация будет чуть позже.

<...> Пиши, шлите статьи, разные и много – всегда рад! Твой – В.Р.

28 июня 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, добрый день! Вот и подошёл к концу учебный многотрудный год, за который я много сделал, в том числе и почти основные работы по дому и вокруг дома (посылал тебе фото, где первый этаж, сад-огород и двор ещё «голые», а сейчас плитка во дворе и отмостка плиткой, забор, первый этаж с полом и стены натянуты; но, главное, сделал на втором этаже кабинет – к пенсии сподобился). Мы уже ели первую клубнику: как бы не от пуза, но всё же пару-тройку килограммов получили. Даже немного своих вишен попробовали, шелковицу ел я один – и всё на второй год сада.

Я писал тебе, что в июне съездил в Ростов. Хотел увидаться с Ю.Р. Тищенко, я его видел в последний раз в 2004 г. – у меня тогда был очередной экзистенциальный кризис (ушёл с заведования кафедрой культурологии и теологии после 10 лет, и пр.). Приехал на факультет, а там пустота, никого, кроме Ю.Р., нет. Он сидит такой постаревший и одинокий; говорит, что все – на шашках, до факультета дела нет. И сейчас тоже самое. Вот, наверное, почему я в июне не захотел ни с кем видаться...

Что-то меня некоторые ростовчане начали напрягать, а в таком состоянии лучше ни с кем не встречаться. Особенный напряг получился с А.Н. Ерыгиным. Во многих моих статьях есть развитие идей М.К. Петрова, но с очень серьёзной критикой – то, что я называю «уточняющей критикой» и «принципом фальсификации» в «учреждающей дискурсивности» Петрова¹. И то, что абсолютно не понимает, к сожалению, А.Н. Ерыгин, превративший Петрова в икону для иллюстрации собственных ... историсофских схем – он после моего ростовского доклада «Одинокий баркас Михаила Петрова» (см. статью в журнале НИК, что я посылал) на меня очень обиделся: не столько за критику М.К. Петрова (в ростовской озвученной версии доклада я скорее занимался его апологией), сколько за критику его лично, А.Н. Ерыгина, за незаслуженные шпильки в адрес А.В. Потёмкина. В опубликованной журнальной статье (НИК) я «очищение от шпилек» убрал, сосредоточившись на смыслах взаимоотношений М.К. Петрова и А.В. Потёмкина. <...> Я делал конференцию по гранту, чтобы ростовчанам помочь выбраться из болота провинциализма, но некоторым важнее собственные амбиции, но не дело. Человек совершенно лишён понимания, что такое научная аргументация и что такое христианское понимание ближнего. У псевдо-православных неопитов очень часто случаются приступы непомерной гордыни и нетерпимости (они такими же были и в «коммунистической вере»). Ведь он испугался прийти не только на мою защиту кандидатской, когда меня прокатили, но и на повторную. Насколько я знаю, ростовчане с «конгрессом Юга России» (ни больше, ни меньше!) облажались (как, впрочем, в последнее время и со многим другим; что-то всё у них как-то провинциально получается, с амбициями и гордыней неуместными). <...>

По этой жаре встаю чуть свет и днём, если есть возможность, в жару дремлю... Ещё никак не определились с отдыхом, хотя сил никаких уже нет. У меня многое зависит от Ольги – она же за рулём, а моё дело состоит в финансовом и штурманском планировании! Хочу в Севастополь к сестре, но не знаем, как и когда ехать, – на машине пугает переправа.

¹ См.: Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала: моногр. / [В.П. Римский и др.] ; под ред. В.П. Римского. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 456 с.

Пока писал, кажется, подошёл долгожданный дождь... Над городом бродит гроза, такой запах скошенной травы (у меня на участке и вокруг, и рядом – на участках, где сейчас косил трактор)! Хотя дождь основной, кажется, пока пройдёт стороной, зацепив нас слегка... Шлю несколько фото с двух Чтений.

Надо подумать, как увидеться. Жизнь коротка. Обнимаю – В.Р.

Р.С. Посылаю свою «коллективную монографию». Почему в кавычках? Да она почти вся мною написана или капитально переписаны разделы (как, например, раздел по «обществу знаний», где меня вроде бы и нет, кроме ссылок)... Это феномен современного «соавторства». Там и о духовном производстве есть моё понимание. <...>

7 июля 2016 г.

Н.П. Рагозин: Здравствуй, Виктор Павлович! Извини, что не сразу отвечаю. Конец учебного года совместился с началом лечения и выбил несколько из седла.

Я с интересом прочел твои размышления о философском факультете родного Ростова. И должен согласиться с твоими наблюдениями. Прошлой осенью я был на юбилейной конференции, посвященной столетию университету. Мероприятие оказалось помпезным, но казенным. Из факультета ушел дух поиска истины. Ищут гранты, модные темы, ставки, ищут, как зацепиться и не попасть под сокращение, бесконечно реформируют «бессмысленно и беспощадно». Но в этом мне не хочется винить только наших бывших преподавателей и коллег. Это либеральная реформа образования, которая во главу угла ставит экономическую эффективность, понимаемую в самой грязно-торгашеской форме, распространяет свои смертельные миазмы. Люди старой закалки, которые еще видели и знают, что такое университет, продолжают сопротивляться. Но уже сформировалось целое поколение, которое полагают, что существующее положение вещей нормально. Надо «вертеться-крутиться» и все будет в порядке. Впрочем, не буду продолжать эту тему. Может быть, при встрече как-нибудь поговорим более обстоятельно.

Прочел о сокурсниках. Да иных уж нет... Я в Донецке одно время работал на одной кафедре с Пашей Денисовым. Его тоже уже нет с нами. Умер скоропостижно (оторвался тромб).

Виктор Павлович! Я начал читать коллективную монографию о культурном капитале. Прочту – поделюсь своими мыслями.

Теперь о М.К. Петрове. Меня удивляет культ его личности в Ростове. Конечно, человек он незаурядный и обошлись с ним весьма несправедливо. Но в науке есть «гамбургский счет», который принимает во внимание только вклад в суть дела. А, по сути, к его концепции есть очень серьезные претензии. Я их давно вынашиваю и сейчас постараюсь кое-что сформулировать. Но пока я с этим вожусь (кстати, сколько времени ты еще можешь ждать?), хочу послать тебе текст статьи, который отражает мои исходные позиции в понимании культурно-исторической преемственности. Если она будет опубликована в одном из белгородских журналов, то буду рад.

В середине июля я с женой поеду ненадолго (неделька) в Ростов (у жены там родственники), а потом до нового учебного года буду работать дома в Донецке. В Ростове обязательно навещу Ю.Р. Тищенко. Я стараюсь у него бывать. Он молодец, держится. Хотя после смерти жены и В.Н. Дубровина ему, конечно, духовно очень одиноко.

Если получится, созвонюсь с Ваней Плужниковым и Витей Макаровым. Я их давно не видел.

«Жизнь коротка» – формула бесспорная. И в последние годы она еще и совершенно непредсказуема. Но я придерживаюсь старой максимы: «делай, что должно – и пусть будет то, что будет».

Желаю тебе отдохнуть, порадоваться семейному очагу. Ты молодец, что выстроил свой дом. Крепко обнимаю. Самые лучшие пожелания твоим родным и близким. Н. Рагозин.

10 июля 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, добрый день! <...> О Паше Денисове я знал. Встречал как-то и Саню Денисова – он такой же п...л, как и был, не меняется и в старости. Штирлица последний раз видел на философском конгрессе: мы тогда вместо второй части пленарки устроили в бывшем сквере Кирова пьянку (был и А.Н. Ерыгин). Тогда мы все ещё были оптимистами и куда-то рвались, а сейчас многие мельчат и мельтешат. Дело не только в «реформах» (они ведь всех коснулись), но и в людях: они очень упорно застряли в прошлом. Хотя Г.В. Драч, чувствую, находит силы со сменой «судьбы и карьеры» меняться или, по крайней мере, что-то новое делать. Ты прав: надо жить и работать здесь и сейчас, не строя химер.

Я с тревогой слежу за событиями в ДНР/ЛНР. Зря В.В. Путин дал слабину в 2014 г. – хуже не было бы... Кстати, у меня ведь были шансы поехать после аспирантуры и в Луганск, и в Харьков, но я тогда сказал: «Буду работать только в России». И в 90-е никогда Восток не признавал «украиной», хотя вырос в двуязычной семье, предчувствовал и предсказывал нечто подобное, что происходит сейчас.

Кланяйся супруге. Крепко обнимаю и желаю спокойного, плодотворного лета. В. Римский.

11 июля 2016 г.

Н.П. Рагозин: Здравствуй, Виктор Павлович!

Плоды своего сада и огорода – это замечательно. Даже просто посидеть на свежем воздухе в своем дворе совсем не то, что жить в бетонной клетке на 8 этаже (это я о себе).

Я тоже немного займусь трудотерапией. Надо кое-что разобрать в доме и лишнее выбросить. До войны начинали ремонт в квартире, но остановились на полдороге. Нет ни материалов, ни рабочих, да и денег свободных тоже нет. Будем ждать более спокойных времен. Они должны наступить, хотя и нескоро. Если бы в 2014 году В.В. Путин заставил Януковича, чью шкуру он спас, написать обращение к России с просьбой о восстановлении конституционного порядка, то всех этих жертв не было бы. И никто не мог бы предъявить претензии России о том, что она нарушила международное право. Почему не пошли по этому пути мы может быть узнаем в будущем. Пока имеем крайне запутанную и непоследовательную позицию. Это следствие того, что российская политика на Украине находилась в руках газового бизнеса.

Что касается нынешней ситуации в ДНР, то обстрелы усиливаются... По некоторым сведениям, Порошенко могут дать отмашку на более масштабную кампанию. Она нужна Клинтон для победы на президентских выборах как доказательство правильности ее курса на «сдерживание агрессии» России. Впрочем, поживем – увидим...

В Ростове ребятам и Юрию Романовичу обязательно передам привет от тебя. Таня тоже выпускница философского ф-та РГУ (1980 г.).

Надеюсь, что-нибудь толковое написать за лето. Хорошего тебе лета и творческого настроения. Кланяйся супруге. Крепко обнимаю. Н. Рагозин.

Начало октября 2016 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Получили журналы (электронный вариант)? Я ездил в Ростов 30.09 на «Потёмкинские чтения» (они провели их лучше, чем «Петровские» в апреле, было много людей). <...> Сегодня буду редактировать сборник по «Петровским чтениям» (белгородский вариант). Печатные варианты сборника и журналов для вас оставляю до встречи, на которую надеюсь, когда будет okazia, вас пригласить. В четверг после обеда и сегодня с утра чистил огород от остатков «урожая» и посадок. Погода мерзкая, только и хочется, что о смысле жизни размышлять... Как у вас дела? Понимаю, что не сладко... Пиши, не забывай. Обнимаю. В.Р.

29 октября 2016 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Большое спасибо за наши публикации в журналах и сборнике. Мы получили значительно больше того, на что рассчитывали.

Извини, что я отвечаю тебе с большой задержкой, но внешние обстоятельства и самочувствие создавали атмосферу, которая мешала общению. А поговорить хотелось о многом. Частично я высказался в рецензии на монографию «Культурный капитал. Наука. Образование», которую посылаю тебе в прикрепленном файле.

В дополнении к тому, что написано в рецензии, хочу сказать следующее. Виктор Павлович, ваше решение проблем, поставленных М.К. Петровым, превосходит его собственные решения. А ряд проблем и поставлены более верное, чем у Петрова. Приятно знать, что твой сокурсник продвинулся дальше известного мэтра, вокруг которого складывается какой-то культ (замечу в скобках, вообще-то неуместный в науке).

Если обращаться к другим темам монографии «Культурный капитал. Наука. Образование»¹, то у меня сложилось критическое отношение к понятию «культурный капитал» и аналогичным – «человеческий капитал», «социальный капитал» и т. п. Это долгий разговор, я сейчас работаю над статьей по этой теме, если не возражаешь как закончу – пришлю.

Еще одно общее соображение, которое хотелось бы высказать, касается оценки науки. При чтении монографии ощущается некоторый чрезмерный пиетет перед наукой как ядром современной инновационной цивилизации. Между тем, иногда эти инновации носят дурацкий характер. И, как известно, не всякое новое лучше старого.

Вообще разорванность современной цивилизации, углубляющаяся пропасть между умственным и физическим трудом, гипертрофия научно-технической рациональности – все это накладывает печать односторонности и ущербности на само духовное производство. На память приходят слова Козьмы Пруткина: «специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». В этом отношении в вашем исследовании на мой вкус «не хватает перцу».

Еще раз спасибо за наши публикации. Здоровья тебе, творческих успехов. Передай мое почтение твоим коллегам и соавторам. Кстати, Витя, не пришлешь ли нам свои работы для публикации в журнале? Были бы рады получить также материалы твоих коллег. Наш журнал уже вошел в РИНЦ и имеет статус ВАК ДНР.

Крепко жму твою руку. Николай Рагозин.

30 октября 2016 г.

В.П. Римский: Дорогой наш и мужественный Николай Петрович! Я представляю, как вам там в ДНР тяжело... Мы все вас поддерживаем (поверь, белгородцы, почти поголовно, настроены нормально, патриотически, наша область самая консервативная в России, в хорошем смысле, как носительница традиционализма, русского и советского). Спасибо большое за оценку нашей работы и моей лично. Конечно, монография в основном (на 2/3) мой продукт, даже стилистически. Согласен и с конъюнктурностью понятия «культурный капитал» – он если применим, то только по отношению к «когнитивному капитализму». Но как ты, наверное, заметил, везде к любым формам капитализма я отношусь весьма критически, как и к соответствующим концептам. Капитал в любой форме скрывает эксплуатацию живого труда, рабочего или интеллигента (и даже интеллектуала, мнящего себя свободным!), является превращенной формой прибавочной стоимости. И Маркс до сих пор прав! Как и прав Ленин со своими работами о Соединённых штатах Европы и об империализме. Другое дело, что и Китай, и, возможно, нынешняя Россия пытаются искать вновь некий третий путь, соединяющий все преимущества традиционалистской цивилизации и индустриальной. Согласен и с абсолютизацией науки (просто там был на это упор, т.к. текст для некоторых авторов шёл для защиты по «философии науки и техники»). Я выступал в конце сентября на «Потёмкинских чтениях» и там разбирал и потёмкинское понимание «философии как

¹ Культурный капитал. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний») : моногр. / под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород : НИУ «БелГУ», 2016. 252 с.

науки» и самой науки, и давал своё (может устно не всё изложил, т.к. был с флюсом и температурой). А вот теперь готовлю статью – будем делать подборку по «Потёмкинским чтениям» – и изложу свои соображения. Ещё сейчас занимаюсь славянофилами, преодолением стереотипов в их прочтении (постараюсь дать и вам статьи даже в ближайшее время).

А в пятницу вечером мы с Ольгой (она, больная, меня везла на нашей машинёнке!) вернулись из Ростова: я был в четверг оппонентом на защите докторской в совете Г.В. Драча. Но главное случилось там в пятницу, когда я был в дороге. В пятницу коллектив сделал маленькую революцию и убрал ставленника ректората, бездарного подлеца и карьериста, некоего Л., если не в курсе. А на большом совете выбрали Е.В. Сердюкову (53 – за, 17 – против, как я понимаю, против и есть ректорат). Очень достойно повёл себя Г.В. Драч: накануне в разговоре со мной сомневался <...>, а на совете выступил резко, умно и иронично (поблагодарил Леусенко за то, что тот «сплотил коллектив» ... против себя). Вот как бывает, когда коллектив не просто выступает «против», а объединяется и создаёт положительную программу, выступает единым фронтом. Кстати, я Е.В. Сердюковой тоже помогал советами по электронке, поддерживал морально. А у Гриши Перетяткина, где я сплю под иконами, мне приснился пророческий сон утром в пятницу, перед отъездом. Я встал и сказал, что Лена победит с разгромным счётом. Так и случилось. Мы и так с альма-матер сотрудничали, а теперь снята и подлая препона. Лена, девочка умная, имеет опыт управления в работе с Г.В. Драчом, заканчивает докторскую (на днях пришлю следующий номер с её статьёй и сборник «Петровских», окончательный) ¹. Я обязательно разрожусь статьями (сейчас закончу один кусок работы по славянофилам, руковожу диссертациями двух батушек), подпрягу и коллег. Передавай привет супруге. Крепко обнимаю и желаю вам терпенья и здоровья.

31 декабрь 2016 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Витя! Поздравляю с наступающим Новым годом! Желаю тебе, твоей семье, родным и близким здоровья, благополучия, успехов и счастья! Хорошо тебе встретить Новый год! Крепко обнимаю, Николай Рагозин.

Post scriptum

Отечественная философия в постсоветских версиях до сих пор представляет собой полную эклектику различных жанров, подражательных западным аналогам, в лучшем случаях, – как это и было в советское время, – историко-философскими толкованиями русских дореволюционных или современных заграничных дискурсов. Попытки создать что-либо неординарное, «новорусское», остаются всё теми же подражательными перепевами. За примерами не надо далеко ходить: пытаюсь утверждать «традиционализм» в «русском современном дискурсе», А.Г. Дугин пересказывает западных эзотериков (Р. Генон и др.) в терминологии М. Хайдеггера; В.В. Варава упорно продвигает идеи «космизма» как якобы самой «русской» философии. Здесь не место рассматривать все перипетии постсоветской философии: мы касаемся краем лишь одного её феномена – ростовской философско-культурологической школы как интересной репрезентации поисков внутри марксистской философии в XX веке, актуальной до сих пор.

В монографии к докторской диссертации в середине 90-х годов прошлого столетия я писал о поисках внутри марксистского дискурса: «Наиболее легким представлялся бы путь полного отречения и забвения собственного "марксистского прошлого" и перехода на платформу той или иной – старомодной, новомодной – философской доктрины. Подобное тем более легко сотворить с учетом того, что в нашей стране никогда не было

¹ Сердюкова Е.В. Наука – университет – государство в мировоззрениях Н.О. Лосского и М.К. Петрова // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2016. № 24(245). С. 17–21.

как таковой «чистой» марксистской философии. Под покровом марксистско-ленинского (фактически «сталинского») официоза в глубине элитарной духовной жизни созревало многоцветие философских школ и течений, созвучных западным исканиям (стоит лишь вспомнить неомарксизм Э.В. Ильенкова или экзистенциальную феноменологию М.К. Мамардашвили). Надо учесть и тот факт, что на Западе влияние марксизма было вовсе не таким незначительным, как пытаются представить некоторые отечественные ниспровергатели «тоталитарной идеологии»: даже самые последовательные противники марксизма (например, К. Поппер) вели и ведут обстоятельную и достаточно уважительную полемику с К. Марксом»¹. В Ростове-на-Дону были два основных течения: развитие идей философии Э.В. Ильенкова и спорившего с ним М.К. Петрова, для которого исток диалектики не ограничивался Гегелем и тем более К. Марксом, но во многом связывался с Кантом. М.К. Петров, не отрицая с порога «исторический материализм», опирался на знание классической философии и современных ему течений западной (он виртуозно владел греческим и английским языком) и пытался создать собственный «неомарксистский дискурс». Наши ростовские учителя и коллеги и пытаются продолжить эти петровские идеи.

Н.П. Рагозин, переехав в Донецк, остался верен творческим исканиям внутри марксизма, поддерживая меня в предложенной читателю переписке в критическом осмыслении «учреждающей дискурсивности М.К. Петрова» [Римский и др., 2017]. В следующих публикациях нашего эпистолярного диалога мы продолжим осмысление этой проблематики, как и нашего понимания специфики философии, особенно современной.

Список литературы

- Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы. 2019 / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. Москва, Санкт-Петербург, Белгород: ЦГИ Принт, 272 с.
- Гоголь Н.В. 1978. Избранные места из переписки с друзьями (1847). 1978. В кн.: Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Харченко. Т. 6. Статьи. Москва: Художественная литература, С. 184–382.
- Гоголь Н.В. О малороссийских песнях. 1978. В кн.: Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Харченко. Т. 6. Статьи. Москва: Художественная литература, С. 102–109.
- Гриценко В.П. 2016. М.К. Петров и конец немецкой классической философии. *Наука. Искусство. Культура*. № 2 (10). с. 188–191.
- Культурный капитал. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний») / под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. 252 с.
- Мареева Е.В. 2016. «Загорский эксперимент» и проблема врожденных способностей человека. *Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право*. № 10 (231). С. 190–194.
- Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика. 2016. Сборник научных статей / под ред. А.Н. Ерыгина, В.П. Римского, М.А. Дидык и др. Белгород: ИПК БГИИК, 364 с.
- Памяти товарища и коллеги. *Николай Петрович Рагозин (19.12.1953 – 24.10.2020)*. 2020. *Наука. Искусство. Культура*. Вып. 4 (28). С. 214–215.
- Перетяткин Г.Ф. 2016. Мимолётность (воспоминание о М.К. Петрове). *Наука. Искусство. Культура*. № 2 (10). С. 192–196.
- Рагозин Н.П. 2016. Капитализация интеллектуала в истории культуры: Рецензия на книгу: Культурный капитал. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний»): моногр. / под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2016. 252 с. *Наука. Искусство. Культура*. Вып. 4 (12). С. 214–215.

¹ Римский В.П. 1997. Демоны на перепутье. Культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород : Изд-во БелГУ; Везелица. 199 с. С. 11.

- Рагозин Н.П. 2016а. Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности. *Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 17 (238). Выпуск 37. Сентябрь 2016, с. 48-55.*
- Рагозина Т.Э. 2016. Онтологические метаморфозы культуры. *Наука. Искусство. Культура. Вып. 3 (11), с. 44-61.*
- Рагозина Т.Э. 2016а. Формы культуры как формы социальности. *Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 17 (238). Выпуск 37. с. 56-67.*
- Римский В.П. 1997. Демоны на перепутье. Культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород: Изд-во БелГУ; Везелица. 199 с.
- Римский В.П. 2016. Гетерогенный хронотоп русской философии: Одинокий баркас Михаила Петрова. *Наука. Искусство. Культура. № 2 (10). Белгород, С. 196- 208.*
- Римский В.П., Майданский А.Д., Перетяткин Г.Ф., Римская О.Н. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным. 2017. *Наука. Искусство. Культура. № 4 (16). С. 67-86.*
- Римский В.П. и др. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала. / [В.П. Римский и др.]; под ред. В.П. Римского. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
- Сердюкова Е.В. 2016. Наука – университет – государство в мировоззрениях Н.О. Лосского и М.К. Петрова. *Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 24 (245). Выпуск 38. С. 17-21.*
- Философия Э.В. Ильенкова. 2016. Философия Э.В. Ильенкова и современность: материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / под общ. ред. А.Д. Майданского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 291 с.

References

- The Hermeneutical tradition in Russia: current contexts and modern problems. 2019 / Edited by B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow, St. Petersburg, Belgorod: TSGI Print, 272 p.
- Gogol N.V. 1978. Selected passages from correspondence with friends (1847). In: Gogol N.V. Collected Works. In 7 volumes. Under the general editorship of S.I. Mashinsky and M.B. Kharchenko. Vol. 6. Articles. Moscow: Fiction, pp. 184-382.
- Gogol N.V. About Little Russian songs. 1978. In: Gogol N.V. Collected Works. In 7 volumes. Under the general editorship of S.I. Mashinsky and M.B. Kharchenko. Vol. 6. Articles. Moscow: Fiction, pp. 102-109.
- Gritsenko V.P. 2016. M.K. Petrov and the end of German classical philosophy. *Science. Art. Culture. No. 2 (10). Belgorod, pp. 188-191.*
- Cultural capital. Innovation. Science (From scribal schools to the "society of knowledge"). 2016. / edited by I.B. Ignatova, O.N. Polukhin, V.P. Rimsky. Belgorod: National Research University "BelSU", 252 p.
- Mareeva E.V. 2016. The Zagorsky Experiment and the problem of innate human abilities. Scientific bulletin of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. № 10 (231). June, pp. 190-194.
- The legacy of M.K. Petrov: philosophy, cultural studies, science, regionalism: a collection of scientific articles. 2016. / edited by A.N. Yerygin, V.P. Rimsky, M.A. Didyk and others. Belgorod: IPK BGIK, 364 p.
- In memory of a comrade and colleague. Nikolai Petrovich Ragozin (19.12.1953 – 24.10.2020). 2020. *Science. Art. Culture. Issue 4 (28), pp. 214-215.*
- Peretyatkin G.F. 2016. Fleeting (a memory of M.K. Petrov). *Science. Art. Culture. No. 2 (10). Belgorod, pp. 192-196.*
- Ragozin N.P. 2016. Capitalization of the intellectual in the history of culture: Book review: Cultural Capital. Innovation. Science (From scribal schools to the "society of knowledge"); monographs / edited by I.B. Ignatova, O.N. Polukhin, V.P. Rimsky. Belgorod: EPICENTER LLC, 2016. 252 p. *Science. Art. Culture. Issue 4 (12), pp. 214-215.*
- Ragozin N.P. 2016. Tradition as an objective form of socio-historical continuity. *Scientific bulletin of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. № 17 (238). Issue 37. September 2016, pp. 48-55.*

- Ragozina T.E. 2016. Ontological metamorphoses of culture. *Science. Art. Culture. Issue 3 (11)*, pp. 44-61.
- Ragozina T.E. 2016. Forms of culture as forms of sociality. *Scientific bulletin of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. № 17 (238). Issue 37. September 2016*, pp. 56-67.
- Rimsky V.P. 2016. The Heterogeneous Chronotope of Russian Philosophy: Mikhail Petrov's Lonely Longboat. *Science. Art. Culture. No. 2 (10). Belgorod*, pp. 196-208.
- Rimsky V.P., Maidansky A.D., Peretyatkin G.F., Rimskaya O.N. Fragments of the history of Soviet philosophy in the correspondence of Evald Ilyenkov with Mikhail Petrov and Alexei Potemkin. *Science. Art. Culture. No. 4 (16). Belgorod*, pp. 67-86.
- V.P. Rimsky et al. 2017. Mikhail Petrov's Institutional Discursivity: an Intellectual in the Interior of Cultural Capital. / [V.P. Rimsky et al.]; edited by V.P. Rimsky. Moscow: Canon+ ROOI "Rehabilitation", 456 p.
- Serdyukova E.V. 2016. Science – university – state in the worldviews of N.O. Lossky and M.K. Petrov. *Scientific bulletin of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. № 24 (245). Issue 38. December 2016*, pp. 17-21.
- Philosophy of E.V. Ilyenkov. 2016. Philosophy of E.V. Ilyenkov and modernity: proceedings of the XVIII International Scientific Conference "Ilyenkov Readings". Belgorod, April 28-29, 2016 / under the general editorship of A.D. Maidansky. Belgorod: Publishing house "Belgorod" National Research University "BelSU", 291 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Revised August 24, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 111.85
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-679-682
EDN YODHEM

Сила музыки против смерти. Рецензия на книгу: М. Долар и С. Жижек. Вторая смерть оперы. Петропавловск : Запасной аэродром, 2024. 372 с.

¹ Чэ Чжиянь, ² Се Хао

¹ Чанчуньский педагогический высший специальный колледж
КНР, 130000, г. Чанчунь, пр. Чанлун, д. 7

² Корпорация театрального искусства провинции Цзянсу
КНР, 210000, г. Нанкин, ул. Сяоховасян, д. 20
693344192@qq.com, 625504809@qq.com

Аннотация. В книге Младена Долара и Славоя Жижека оперное искусство становится объектом философского анализа. Ведущими представителями люблянской школы психоанализа опера вовлекается в круг центральных проблем современной культуры и общества, среди которых отношение к Другому, коммуникация с властью, любовь и смерть. Вводится и обосновывается важный концепт силы музыки как определяющий оперу. Сила оперы предстает движущим началом обращения при посредничестве музыки к значимому Другому в эпоху модерна, а сегодня – как способ достичь интенсивности переживания жизни.

Ключевые слова: культура, музыка, опера, сила, традиция, психоанализ

Для цитирования: Чэ Чжиянь, Се Хао. 2025. Сила музыки против смерти. Рецензия на книгу: М. Долар и С. Жижек. Вторая смерть оперы. Петропавловск : Запасной аэродром, 2024. 372 с. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 679–682. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-679-682. EDN: YODHEM

The Power of Music against Death: Review of the Book by M. Dolar and S. Žižek "Opera's Second Death". Petropavlovsk : Zapasnoi aehrodrom, 2024. 372 p.

¹ Che Zhiyan, ² Xie Hao

¹ Changchun Pedagogical Higher Special College
7 Changlong Ave., Changchun 130000, China

² Jiangsu Province Theatre Arts Corporation
20 Xiaohowaxiang St, 210000, Nanjing 210000, China
693344192@qq.com, 625504809@qq.com

Abstract. In the book by Mladen Dolar and Slavoj Žižek, opera art becomes the object of philosophical analysis. The leading representatives of the Ljubljana school of psychoanalysis involve opera into a range of central issues of modern culture and society, including attitudes to the Other, communication with power, love, and death. An important concept of the power of music as a factor that defines opera is introduced and substantiated. At the time of Modernism, the power of opera appeared to be the driving principle of addressing a significant Other through music, while today it is perceived as a way to intensify life experiences.

Keywords: culture, music, opera, power, tradition, psychoanalysis

For citation: Zhian C., Hao X. 2025. The Power of Music against Death: Review of the Book by M. Dolar and S. Žižek "Opera's Second Death". Petropavlovsk : Zapasnoi aehrodrom, 2024. 372 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 679–682 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-679-682. EDN: YODHEM

Оперное искусство не часто становится объектом философского исследования. Большой частью оно изучается искусствоведами и историками искусства в широком культурном контексте, в сравнении европейской оперной традиции с другими, традиционной и современной культур. [Сюй, 2024; Ян, 2022]. Книга известных словенских философов Младена Долара и Славоя Жижека в этом ряду является исключением, так как включает оперу в пространство философского дискурса. Поскольку оба автора являются ключевыми представителями Люблянской психоаналитической школы, следует уточнить, что это пространство специфически ограничено структурным психоанализом, пересекающимся с идеями марксизма и классической немецкой философии. А сами авторы известны по работам, посвященным объектам, близким к опере, например, кинематографу [Жижек, 1999] и голосу [Долар, 2018]. Актуальность «Второй смерти оперы» в этой связи представляется двоякой: обусловленной самим объектом – оперой как достаточно экзотичным предметом изучения для философии; а также методологической позицией авторов, соединяющих оперу с широким кругом важных для современности концептов и явлений.

Одним из таких концептов является смерть, в работе обозначенная как «вторая смерть оперы». В современной западной философии этот концепт возник уже у Ницше в «Веселой науке» [Ницше, 1999] и далее встречался у многих других. Черда «смертей» идет таким образом от Бога – у Ницше, у Барта, к опере у Долара и Жижека. Следуя традиции, под смертью авторы книги понимают не исчезновение, а кризис. По их мнению, опера уже с момента своего возникновения находилась в кризисе и переживала смерть, что было связано с появлением психоанализа и современной философии. Долар отмечает, что хронологически они совпадают, охватывая период с XVII по XX век. И несмотря на то, что немногие философы писали об опере и вообще любили ее, она представляет интересный феномен. Прежде всего из-за своей темпоральности, являясь «исторически закрытым, законченным корпусом» [Долар, Жижек, 2024, с. 34]. Окончателность, наличие границы у оперы – это не только начало и конец конкретного произведения, но также провозглашение ее завершения после каждого, повторяющегося с некоторой периодичностью, великого произведения. Такие предвестия оглашались по поводу Глюка и Пуччини, после Монтеверди, Моцарта и Вагнера. Продолжением такого оглашения следует также признать смерть как центральную тему самих оперных произведений, в которых умирание на сцене является практически повсеместным и обязательным.

Идеи Фрейда раскрывают тайну оперы, а значит источник ее притягательности для зрителя и слушателя, в том числе тему повторяющейся смерти, отражающую цикличную смерть самой оперы как «колоссального анахронизма». В этом образном разыгрывании раскрывается суть оперы как «привилегированного места для воплощения фантазии о мифическом сообществе» [Долар, Жижек, 2024, с. 37], изображения прошлых и вымышленных времен с целью двойной мифологизации, инициации веры в мифическое прошлое и в то, что некогда были люди, верящие в его реальность. Отметим, что такая двойная конструкция – часть нескольких произведений авторов, и она вырастает из их методологической позиции о необходимости опосредованного отношения субъекта к реальности, доступ к которой с необходимостью должен быть ограничен символическим, в нашем случае оперой, изображающей мифическое прошлое, мифа, в который не верят, но продолжают его воссоздавать из-за необходимости иметь посредника и основание собственной реальности.

Сложные отношения с реальностью у оперы как исторического явления связаны и проистекают также из ее темпоральности. Появившись достаточно поздно, с «Дафны» Якопо Пери, исполненной в 1597 или 1598 году, опера стремилась восстановить или

воскресить античную трагедию. Долар пишет об этом, как о возвращении к прошлому, которое неизбежно оказывается в плену у настоящего, что всегда заканчивается созданием фантазма, новых форм, повествующих о прошлом. И парадокс противоречия между формой и содержанием оперы резонирует с таким же противоречием абсолютизма. Поэтому на сцене оперы, по крайней мере в великих операх Пери, Каччини, Монтеверди, обращение к мифу разворачивается в сюжете мольбы к Другому и прощении милости. Ответ Другого, божества или монарха, представляет собой жест милосердия, совершаемый под воздействием силы музыки. Долар отводит музыке решающую роль: «Сила музыки, движущая сила оперы, такова, что она преодолевает границы общества, либо превышая верхний предел, чтобы достичь богов и монархов, либо опускаясь ниже нижнего предела, чтобы всколыхнуть природу» [Долар, Жижек, 2024, с. 48]. В обоих случаях музыка позволяет обратиться к Другому в регистрах трансцендентного и эротического ангажированного послания, конструирующего сообщество [Боянич, 2020], в котором сила музыки оказывается силой любви, соединяющей крайности и отзывающейся в самих антиномиях власти, поскольку сам жест помилования является истинно суверенным, превышающим закон ради более возвышенного.

Однако смерть абсолютизма в очередной раз не стала смертью оперы, которая снова воскресла и разыграла собственную гибель в противостоянии старого режима и нового через оппозицию оперы сериа и буффа. Для авторов книги противостояние оперы-сериа, основанной на дистанции «между субъектом и Другим», и оперы-буффа, которая «предлагает перспективу равенства в пределах общечеловеческого», достигает своего максимума в произведениях Моцарта [Долар, Жижек, 2024, с. 79], в которых также с помощью музыки или через нее утверждается новый миф и новый порядок [Борисов, 2023, 2024]. Долар указывает, что происходит это диалектически, путем введения третьего музыкального элемента, немецкого зингшпиля, позволяющего изобрести ансамбль как новую общность, в пределах которой сохраняется индивидуальность, но также не подвергается угрозе общность. Гармонизация частных интересов при соблюдении коллективного целого предстает буржуазной утопией, согласующейся с другими, вроде невидимой руки рынка или общественного договора.

Младен Долар также показывает динамику смысла в произведениях Моцарта – от просвещенческого позитива в «Свадьбе Фигаро» к критическому восприятию буржуазных норм в «Дон Жуане» и «Так поступают все женщины» [Долар, Жижек, 2024, с. 181]. И это есть не что иное, как пролог к еще одной смерти оперы, также несвоевременной и неокончательной. Славой Жижек ее связывает с творчеством Рихарда Вагнера, в котором видит ключевую для современности тему влечения к смерти в вагнеровской интерпретации Liebestod, отождествления смерти и голоса, умирания через песню. И музыка, голос здесь также соединяет два начала. Для Вагнера в ней есть сочетание «буддийской нирваны» и «метафизического эротизма» [Долар, Жижек, 2024, с. 192], двух начал фрейдовской оппозиции влечения к жизни и влечения к смерти, на этот раз разыгрываемых уже не как обращение к Другому, ради помилования или прощения. На кону у Вагнера оказывается сама жизнь во всей ее полноте, ради испытания и переживания которой человек может ею пожертвовать. Это ярко выражено в «Тристане и Изольде» через отрицание логики обмена, когда нет обращения к Другому, а есть принципиальная невозможность осуществления настоящего чувства в реальности.

Жижек на материале оперы подтверждает свой тезис об уникальности современности как предельно приближенной к реальному и потому травматичной. Иначе говоря, сегодня миф уязвим как никогда, как и сама вера – не только в него, в саму силу музыки также. Поэтому книга о смерти оперы и актуальна, она также «действует» в двух направлениях, разоблачая искусство и одновременно мифологизируя, создавая новый мир и подготавливая еще один этап, связанный со смертью оперы и последующей демонстрацией силы музыки в чуде ее воскресения. «Вторая смерть оперы» – книга не только о великом искусстве, но также о жизни и силе жизни, рассказанная критическим языком психоанализа.

Список литературы

- Борисов С.Н. 2023. Как никогда новая наука политики Э. Фёгелина (рецензия на книгу Э. Фёгелин. Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.). *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. Т. 9, № 1.: 201-206.
- Борисов С.Н. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. Т. 49, № 1.: 17-25.
- Боянич П. 2020. Ангажированный акт как условие (философского) сообщества. *Вопросы философии*. № 10.: 104-109.
- Долар М. 2018. Голос и ничего больше. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха: 380.
- Жижек С. 2014. Киногид извращенца: кино, философия, идеология. Екатеринбург: Гонзо. 469.
- Ницше Ф. 1999. Веселая наука. М.: ЭКСМО-Пресс; 574.
- Сюй Ч. 2024. Формирование нового музыкального жанра «Национальная опера» в китайской музыке академической направленности. *Культура и цивилизация*. Т. 14, № 3-1.: 316-323.
- Ян С. 2022. Опера Тан Дуна "Марко Поло" в контексте постмодернизма. *Культурная жизнь Юга России*. № 1(84):. 130-137.

References

- Borisov S.N. 2023. Kak nikogda novaja nauka politiki E. Fjogelina (recenzija na knigu E. Fjogelin. Novaja nauka politiki. Vvedenie. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 372 s.). [As never before, the new science of politics by E. Fegelin (review of the book by E. Fegelin. The new science of politics. Introduction. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2021. 372 p.)] *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija*. T. 9, № 1: 201-206.
- Borisov S.N. 2024. Kul'turno-istoricheskaja praktika: k istorii odnogo ponjatija. Chast' 2. [Cultural and historical practice: towards the history of a single concept. Part 2] *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*. T. 49, № 1: 17-25.
- Bojanich P. 2020. Angazhirovannyj akt kak uslovie (filosofskogo) soobshhestva. [The engaged act as a condition of the (philosophical) community] *Voprosy filosofii*. № 10.: 104-109.
- Dolar M. 2018. Golos i nichego bol'she. [A voice and nothing else] SPb: Izd-vo Ivana Limbaha: 380.
- Zhizhek S. 2014. Kinogid izvrashhenca: kino, filosofija, ideologija. [Pervert's Movie Guide: cinema, philosophy, ideology] Ekaterinburg: Gonzo. 469.
- Nicshe F. 1999. Veselaja nauka. [Fun Science] M.: JeKSMO-Press; 574.
- Sjuij Ch. 2024. Formirovanie novogo muzykal'nogo zhanra «Nacional'naja opera» v kitajskoj muzyke akademicheskoi napravlenosti. [Formation of a new musical genre "National Opera" in Chinese academic music] *Kul'tura i civilizacija*. T. 14, № 3-1.: 316-323.
- Jan S. 2022. Opera Tan Duna "Marko Polo" v kontekste postmodernizma. [Tan Tung's opera "Marco Polo" in the context of postmodernism] *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii*. № 1(84): 130-137.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 28.03.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Received March 28, 2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чэ Чжиянь, преподаватель, Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, г. Чанчунь, КНР.

Zhiyan, Che, Lecturer at Changchun Pedagogical Higher Special College, Changchun, China.

Се Хао, преподаватель, Корпорация театрального искусства провинции Цзянсу, г. Нанкин, КНР.

Hao, Xie, Lecturer at Jiangsu Province Theatre Arts Corporation, Nanjing, China.